

**Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.**

Сьюзен Фанетти

"Исцеление сердца"

Серия: *Саги о женщинах севера (книга 2)*



Автор: Сьюзен Фанетти

Название на русском: Исцеление сердца

Серия: Саги о женщинах севера_2

Перевод: DisCordia

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Таня Медведева

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Когда с Севера пришли наемники, и земля Ольги оказалась захвачена ими, сама она попала в плен и стала рабыней. Она и ее люди страдали от нечеловеческой жестокости захватчиков, и даже ее дар и навыки врачевателя не могли им помочь.

Но один из варваров, большой и светловолосый, казался не таким, как все. Он не причинял вреда и не участвовал в издевательствах над новыми рабынями, а поняв, что Ольга — целитель, немного умеющий говорить на их языке, освободил ее для своих собственных нужд.

Налетчики, завладевшие землями, где жила Ольга, надеялись сделать это место своим домом, а она и другие выжившие должны были вместе с захватчиками создать новое общество. Варвары, уничтожившие ее мир и сделавшие ее рабыней, постепенно становились друзьями, равными.

Особенно сильна была дружба с тем, кто сделал ее свободной.

Леиф — лидер и великий воин, участник множества походов. Как один из первых среди своего народа в мире, который они надеялись сделать своим, он пытается наладить крепкие близкие отношения с теми, кто стал их друзьями, с врагами и с народом, который они поработили.

В особенности ему хочется подружиться с темноволосой целительницей, чье стройное тело заключает в себе дух великого воина.

Леиф глубоко предан своему ярлу, как сын предан своему отцу. И когда ярл прибывает в свои новые владения, чтобы насладиться победой, он просто не может поверить в то, что человек, которого он любил, как отца, и его сыновья, которых он считал братьями, способен причинить зло и стать предателем. Но вскоре он понимает, как ужасно ошибался.

Разрываясь между человеком, которому он давным-давно поклялся в верности, и друзьями, ради которых бьется его сердце, Леиф делает опустошающий выбор. Он пытается спасти тех, кого любит. Любой ценой. Даже ценой их доверия и любви.

Последствия его выбора ужасны. Так ужасны, что могут оказаться непростительными.

Но там, где нет прощения, нет исцеления.

Внимание: содержит откровенные эротические сцены и сцены насилия

ГЛОССАРИЙ

Для того чтобы появился этот мир Викингов, я проделала большую работу. Я с уважением отношусь к историческим реалиям скандинавских культур. Но все же я позволила себе некоторую вольность в обращении с великой северной историей, культурой и географией для того, чтобы сделать свой вымышленный мир более богатым. Настоящая культура викингов — это не монолитный пласт, а целое собрание очень похожих друг на друга, но все же разных языков, традиций и ритуалов. В «Сагах о женищинах севера», тем не менее, я позволила себе объединить культурные различия.

Мои персонажи носят имена, соответствующие эпохе и традициям. В любом случае, я использую скандинавские имена в их подлинном написании и произношении — там, где это возможно.

Викинги — раннесредневековые скандинавские мореходы, в VIII-XI веках совершавшие морские походы от Винланда до Биармии и от Каспия до Северной Африки. В основной массе это были племена в стадии разложения родоплеменного строя, жившие на территории современных Швеции, Дании и Норвегии, которых толкало за пределы родных стран перенаселение и голод. По религии викинги, в подавляющем большинстве, были язычниками.

Хангерок — подобие фартука, одежда, которую носили женщины викингов.

Скауз — мясное блюдо, имеет много разновидностей в зависимости от ингредиентов.

Карфи — самый маленький из кораблей викингов с тринадцатью рядами весел.

Ётун — одна из рас гигантов.

Пинг — собрание для решения политических или социальных вопросов.

Вэльва — провидица или медиум.

Ярл — высший титул в иерархии в средневековой Скандинавии, а также само сословие знати. Первоначально означал племенного вождя, позже стал означать титул верховного правителя страны.

О́дин, или **Вóтан** — верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов, сын Бёра и Бестлы, внук Бури. Мудрец и шаман, знаток рун и сказов (саг), царь-жрец, князь (конунг)-волхв, но, в то же время, бог войны и Победы, покровитель военной аристократии, хозяин Вальхаллы и повелитель валькирий. Супруга — Фригг.

Вальхалла, также **Валгáлла** — по верованию древних скандинавов, рай, куда могли попасть только павшие геройской смертью.

Асгард — один из трёх космогонических миров германо-скандинавской мифологии, созданных триадой богов-демиургов: братьями Одином, Вили и Ве. Асгард — это мир богов-асов, небо и будущее; Мидгард — это мир людей, земля и настоящее; Хельхейм — это подземье, мир умерших предков и прошлое. За пределами созданного тремя богами космоса лежит Утгард, «внешнее отгороженное пространство», трансцендентный мир демонической магии, неподвластный законам асов, иногда отождествляемый с Ётунхеймом, королевством великанов.

Берсерк или **берсеркер** — в древнегерманском и древнескандинавском обществе воин, посвятивший себя богу Одину. Перед битвой берсерки приводили себя в повышенное агрессивное состояние, в сражении отличались неистовостью, большой силой, быстрой реакцией и нечувствительностью к боли.

Улфенар — отдельный класс берсеркеров, использующих волка в качестве своего символа. Отличаются свирепостью, и в некоторых сагах упоминаются в качестве элитных воинов Одина.

Игдрасиль, также **Игдразил** — Мировое дерево (дерево жизни) в германско-скандинавской мифологии — исполинский ясень (или тис), в виде которого скандинавы представляли себе вселенную.



ПРОЛОГ. ВОДА

КАК ЭТО БЫЛО

— Он должен пить чай каждый раз перед едой, — Ольга протянула маленький мешочек, и Йоханна взяла его из ее рук. Обхватив ладонями руки девушки, Ольга добавила: — Две больших щепотки. Завари его, как сегодня сделала я, чтобы он стал почти черный, но не мутный. Тогда чай обретет силу, чтобы дать ему облегчение.

— Спасибо тебе. Он выздоровеет?

Ольга оглядела старика, уютно спящего на кровати у дальнего угла домика.

— Твой дедушка — старик, Йоханна. Чай успокоит его и поможет пище остаться в нем, насытит его. Но его время на земле подходит к концу. Он должен уйти с берега. И ты тоже.

Йоханне было двенадцать. У нее еще не было женской крови, но грудь уже набухла, и кровь могла пойти в любое время. Ольга переживала за нее здесь, в рыбацкой деревне. Рыбаки были грубее, чем фермеры в деревне, и Йоханна была одной из всего двух молодых одиноких женщин, проживающих вблизи берега. Без семьи, под защитой слабого больного старика, Йоханна вполне могла оказаться жертвой насилия со стороны какого-нибудь из здешних мужчин.

Ольге такое бедственное положение было знакомо очень хорошо, и она бы ни за что не пожелала такому бледному слабому цветочку, как Йоханна, оказаться в похожей ситуации.

Девушка отстранилась и отошла, чтобы положить мешочек в глиняную банку.

— Он хочет быть рядом с запахом воды, и он еще может вязать сети, особенно в дни, когда чувствует себя хорошо. Он не уйдет, и я не могу просить его сделать себя несчастным, когда он так близок к тому, чтобы оставить меня.

Она вернулась и достала что-то из кармана — маленький, полированный камень.

— Это последний камень из ожерелья моей матери. Хватит?

Ольга сомкнула пальцы Йоханны на камне.

— Сохрани его, *kullake*. Мне сегодня не нужно платить. Но я приму в дар собранные тобой травы. Ты знаешь, какие лечат лучше. Когда наберешь корзину — позови меня. Или если тебе или твоему дедушке что-то будет нужно. Я приду.

Йоханна склонила голову.

— Спасибо, Ольга.

Ольга заправила прядь тонких светлых волос ей за ухо.

— Будь здорова, дитя.

Проводив Йоханну, она вышла на солнечный свет, встретить позднее летнее утро. Остановилась на мгновение и подняла глаза, наслаждаясь ласковым касанием солнца на щеках. Потом закрыла глаза и вздохнула.

Сегодня она устала.

Ольга оставила свою крошечную хижину в фермерской деревне еще до рассвета, добравшись до замка в телеге, направлявшейся в рыбацкую деревню. Телега перевозила припасы, а взамен забирала рыбу и морепродукты обратно в замок.

Среди припасов, доставленных в деревню утром, была соленая рыба; рыбакам не разрешалось хранить для себя улов. Принц Владимир, хозяин земель, на которых стояли их деревни, их владелец и правитель, забирал все, что давали океан и земля, возвращая назад крошечную часть — отдавая женщинам и мужчинам, благодарным даже за эту малость.

Это была тяжелая жизнь, но так было.

Жизнь Ольги была тяжелее. У нее когда-то был муж: ее забрали из семьи и отдали в жены благословленному вниманием офицеру в охране принца Владимира. Тогда у нее

было больше еды на столе, но жить было тяжелее из-за других причин. Когда муж Ольги погиб в одной из многочисленных битв между воюющими принцами, ее выгнали из солдатских квартир.

Теперь она жила сама по себе, целительница и повитуха, как и ее мать, принося утешение своему народу. И пусть живот иногда был пуст, а жизнь — одинока, она, наконец, познала какое-то исцеление, пусть хотя бы в жизни, а не в сердце.

Прохлада коснулась ее лица, и девушка открыла глаза. Белые облака гнались за солнцем, подгоняемые северным ветром. Теплых дней становилось все меньше; рассветы были морозными и бриз приносил холод. На горизонте Ольга увидела тучи — темные, серые. Наверное, будет дождь. Она глубоко вздохнула запахи моря. Да. Наверняка будет, не днем, так вечером.

— Ольга! — дородная женщина в выцветшем красном платке неслась к ней, спотыкаясь. — Ольга!

— Здравствуй, Марет. Что-то случилось?

— Это Хейно. Несколько дней назад он разорвал ногу крюком. Просто небольшая рана, но со вчерашнего дня он не может ходить, и у него жар. Ты посмотришь?

Приезжая в рыбацкую деревню, даже когда ее вызывали к кому-то одному, как в этот день, Ольга всегда брала с собой корзину с кореньями, травами и другими средствами. Кто-то всегда нуждался в ее помощи.

— Конечно, — она последовала за Марет обратно к домам, через дорогу от дома Йоханны и ее деда.

Еще до того, как опуститься на колени у кровати, Ольга знала, что у Хейно заражение крови. Его дыхание было частым и неглубоким, а лицо стало красным и сухим от лихорадки. Она положила руку ему на лоб и почти отшатнулась, как будто обожглась.

Ольга откинула одеяло. Хейно был одет в спальную рубашку, ноги оставались голыми.

— Зажги огонь, Марет. Мне нужна горячая вода и чистое постельное белье, — она открыла свою корзину и достала маленький и очень острый нож.

Марет зашипела при виде клинка.

— Ты будешь резать его?

Ранка была крошечная, едва ли с мизинец длиной. Но Ольга могла представить себе грязь, которая покрывала тот крюк, грязь, которая теперь пустила корни в теплом влажном теле Хейно. Его голень распухла и была, по крайней мере, в два раза больше нормального размера. Кожа казалась стянутой и блестящей, с красно-сине-зелеными полосками вокруг раны.

— Я должна вычистить заразу, если мы хотим спасти ногу. Сколько дней прошло?

Хейно стонал в бреду, пока она ощупывала его в ногу. Марет мешкала с ответом на вопрос.

— Марет, как давно его ранило?

— На следующий день после Мабона.

Празднование окончания жатвы. Деревни собирались вместе в тот день, чтобы устроить праздник. Ольга остановилась и оглянулась на Марет.

— Это было почти две недели назад.

Женщина отвела глаза. Ее щеки, темные и обветренные солнцем и морским воздухом, окрасились в алый цвет.

— Он не позволил бы мне послать за тобой.

— Вскипяти воду. Я постараюсь спасти ногу, но зараза сидит глубоко в плоти.

Марет кивнула и отошла к огню.

— Тогда позволь мне умереть, — раздался с постели слабый шепот. — Мы умрем, если я не смогу ловить рыбу.

Ольга повернулась к больному и положила ладонь на его руку.

— Сейчас не время для такого разговора, Хейно. Позволь мне очистить и осушить рану. У меня есть хорошая мазь, я останусь и подделаю тебе припарки.

— Нам нечем платить, — он закрыл глаза и, казалось, снова забредил.

И хоть он не мог видеть ее, не мог слышать или чувствовать, Ольга улыбнулась и похлопала его по руке.

— Сейчас не время для такого разговора.

~oOo~

Когда Ольга вскрыла рану, из нее вытекла грязная жидкость. Зловоние было такое, что Ольга едва могла дышать. Она помассировала вокруг длинного разреза, пытаясь вытянуть из раны заразу, и повернулась навстречу мучительным стонам Хейно и беспокойным метаниям Марет. Целителю часто приходилось причинять боль, чтобы вернуть здоровье.

Она не была уверена, что в этом случае здоровье вернется, но делала все возможное.

Когда отек заметно спал, и Ольга решила, что больше из раны извлечь руками ничего не удастся, она накрыла рану вытягивающей припаркой. Ткань была мокрой и еще горячей, а травы внутри были лечебные. Хейно застонал в бреду, но не смог проснуться или сопротивляться.

Закончив, Ольга укрыла его, подошла к миске и помыла руки. Марет стояла возле кровати и смотрела на нее.

— Он умрет?

Вытерев руки о юбку, Ольга повернулась.

— Мы все окажемся в земле, Марет. Но это может отправить его в землю раньше. Меня должны были позвать много дней назад.

— Был всего лишь небольшой порез. И у нас нет денег. Он не стал просить помощи, не имея возможности заплатить, — женщина вздохнула. — Я буду голодать, если он умрет.

Ольга подошла к женщине и взяла ее за руку.

— Если это случится, приходи в деревню. И ты не будешь голодать. В любом случае, не больше остальных. Но давай не будем торопить события. Ему в ближайшее время нужно будет поесть, чтобы силы вернулись.

Марет подскочила.

— Да. Я могу... да. Ты будешь есть? У меня только уха, но есть и хлеб, и медовуха.

Часто единственной платой Ольги за ее услуги было место за столом. Этого было достаточно. Она кивнула.

— Я была бы ра...

Ее согласие было прервано воплем снаружи. Ольга и Марет вместе пошли к открытой двери. С берега бежал мальчишка, Петер, и это он вопил во всю силу легких — так сильно, что слово, которое он повторял снова и снова, Ольга разобрала совсем не сразу. Но когда разобрала, ощутила, как сердце пронзает холод.

— НАЛЕТЧИКИ! НАЛЕТЧИКИ! НАЛЕТЧИКИ! — кричал мальчик, пробегая по деревушке. — Налетчики! НАЛЕТЧИКИ С МОРЯ!

~oOo~

Норманны. Варвары.

Чудовища.

Ольга слышала об этом стаде животных, которые приплывали на длинных кораблях с головами драконов и грабили побережье. Эта деревня подвергалась нападению три раза, она слышала об этом с тех пор, как оказалась на землях принца Владимира. Они

выпрыгивали со своих странных кораблей и шли вперед, убивали и насиловали, и воровали все, что попадалось под руку. Затем возвращались к своим кораблям и уплывали, оставляя за собой разрушение.

В последний раз, когда в деревне уже не осталось ничего ценного, норманны взяли рабов — всех молодых мужчин и женщин, тех, кто был достаточно взросл, чтобы работать. Оставили старых и самых юных.

Йоханна и ее подруга Хелена в тот день были в лесу — потому они и остались в деревне. Петера, вопящего сейчас о налете, в тот день тоже не было, он ездил в город Мирканди на рынок. Ему тоже повезло.

Тогда эти волосатые гиганты сожгли деревню дотла, смеясь и ревя, когда люди, которые были им не нужны, спасались от огня.

Принцу Владимиру нужна была его рыба, поэтому он послал людей, и они отстроили деревню заново в нескольких милях от берега. Многие остались там ловить рыбу. Теперь рыбаки должны были в начале и в конце сезона нести свои лодки к воде по берегу. Они жили в палатках на берегу большую часть сезона, возвращаясь к своим семьям только раз в неделю.

Ольга все это знала, потому что была частым гостем на побережье и потому что в деревне все семьи были как одна. Но она никогда раньше не видела варваров из этих рассказов.

Сегодня был день отдыха; все мужчины были на берегу, дома, в деревне.

Она стояла в нескольких шагах от двери дома Хейно и Марет и наблюдала за мужчинами и женщинами, хватающимися за остроги и крючья, и даже за сети. Ни у кого здесь не было меча или топора — разве что того, что пригоден для дров и строительства, но они схватили оружие, которое у них было, и были решительны.

Ольга повернулась к Марет. Та словно обмерла.

— У тебя есть оружие?

Испуганная женщина моргнула и покачала головой.

— Оружие, Марет! — Ольга метнулась обратно в домик и забегала глазами по комнате, ища хоть что-то. Наконец она схватила маленький нож для чистки рыбы, из огня достала кочергу и сунула все в руки Марет. — Возьми это и останься с Хейно. Дерись, Марет. Дерись!

— Куда... куда ты идешь?

Когда налетчики ворвались в город и начались крики, Ольга схватила со стола свой нож. Она не ответила Марет; она просто побежала мимо нее, направляясь в дом Йоханны и ее бабушки.

В деревне царил хаос. Ольга понеслась прочь, уже готовая в любой момент почувствовать в спине лезвие варварского топора. Но обошлось.

Дверь в дом была открыта, и Ольга заскочила внутрь. Но было слишком поздно. Дед Йоханны был мертв, его грудь была покрыта кровью, а Йоханна лежала на столе лицом вниз, крича, пока существо в меховой одежде рвало ее одежду.

Эти налетчики не были похожи на тех, о которых она слышала, на тех, кто приходил раньше, — эти чудовища убивали и насиловали без разбора. Нет, не без разбора. Это было еще ужаснее. Они убивали с намерением. Они, казалось, хотели убить каждого мужчину, изнасиловать каждую женщину.

И девочку. Йоханна была еще девочка. Совсем девочка.

Ольга завизжала и подняла нож над головой, ухватив обеими руками, и воткнула его в спину дикаря. Но его меха и кожа были толстыми, а нож — коротким, и она его едва задела.

Однако он взревел и поднялся. Йоханна опустилась на колени и залезла под стол, пытаясь прикрыться. Ее глаза были круглыми от страха и ужаса.

Держа нож перед собой, Ольга двинулась боком, пытаясь оставаться рядом с Йоханной и одновременно найти что-то, чем можно преградить варвару путь.

Он повернулся к ней, рыча как дикое животное. Его голова была обрита, за исключением странного пучка волос на макушке, и его лицо и череп были измазаны красным. Ольга спросила себя, не кровью ли он себя раскрасил.

Она размахивала перед собой ножом, но налетчик засмеялся и взмахнул топором. Боль пронзила ее до костей. Ее лезвие и ее надежда улетели прочь, а толстые, грубые пальцы схватили ее за горло. Она приготовилась умереть.

— КНУТ! — раздался от двери голос.

Ожидая чего-то ужасного, Ольга взглянула в ту сторону и увидела широкоплечего мужчину с распущенными светлыми волосами, лицо которого было забрызгано кровью. Он повернулся к ней, и его глаза — темно-синие и дикие — встретились с ее и задержались.

— Оставь их пока. Солдаты идут.

Хотя она никогда раньше не видела варваров, Ольга немного знала их язык. Ее старший брат Михкель покинул деревню еще в юности и отправился на поиски приключений, чтобы пересечь море и землю. Давным-давно она не слышала о нем и думала уже, что он мертв. Во время своих редких визитов домой он научил ее некоторым вещам, которым научился в путешествии.

У нее был ловкий ум, и она запоминала все, что видела, слышала и переживала. Так что она поняла этого светловолосого гиганта, и, как только рыжеволосый дикарь отошел от нее, поняла, что у них появилась отерочка. Шанс сбежать.

Когда налетчики ушли, она подняла нож, схватила Йоханну за руку и потянула к двери.

Но бежать было некуда. Налетчики и солдаты дрались у каждого дома, и тела валялись повсюду. Тела людей, которых она знала.

Запах смерти наполнил воздух.

Колени Йоханны подломились, а Ольга едва успела ее поймать. Девушка была слишком напугана; они не смогли бы пройти через этот ряд смертей, не смогли бы спастись.

— Идем... Мы спрячемся и подождем, пока можно будет уйти, — она втащила девочку обратно внутрь, нашла возле очага нож и дала его Йоханне, а затем потащила ее в самый дальний угол домика, за кровать, на которой лежало тело ее дедушки. Его кровь еще капала на грубую древесину пола.

— Может, наши победят? — прошептала Йоханна.

— Может так и будет.

Но Ольга сомневалась. Принц Владимир не отправит солдат умирать, спасая рыбацкую деревню, да еще и за полдня езды от замка. Он оставит хороших воинов рядом и прикажет им защищать замок. Налетчики победят и заберут награбленное.

Ольга ухватила нож покрепче. Она знала, что если что — ей придется перерезать Йоханне горло. Если они не смогут сбежать, их жизни закончатся страданием и мучительной смертью. Было бы милостью покончить с жизнью девушки сейчас, прежде чем она испытает невыносимые муки реального мира.

Ольга знала, что это правда, но не могла этого сделать. Девушка цеплялась за нее, ища утешение. Она успокаивалась рядом с ней, и Ольга не смогла бы встретиться с ее полным ужаса предсмертным взглядом.

Но она была недостаточно сильна, чтобы спасти Йоханну.

Женщины прижались друг к другу, крепко держа ножи, и слушали, как умирает в агонии их деревня.

ЧАСТЬ 1. ЗЕМЛЯ

Глава 1

Варвары захватили деревню и все ее скудные припасы.

Восемь женщин были спасены от смерти во время бойни, чтобы стать рабынями, Ольга и Йоханна были среди них. Юная подруга Йоханны, Хелена, тоже была схвачена, ее запястья и шея были связаны пеньковой веревкой.

Их потащили дальше вглубь страны, где налетчики разбили лагерь. Чтобы удержать женщин, сделали что-то вроде загона, в котором их привязали как скот. Ольга достаточно понимала в разговорах вокруг, чтобы разобрать: они хуже, чем скот, для этих странных мужчин — и женщин, среди налетчиков были женщины, носящие меч и щит и запятнанные кровью так же, как мужчины.

Четверо мужчин — три рыбака и один солдат — тоже были оставлены в живых. Солдата с завязанными глазами привязали к дереву. Остальные работали над постройкой лагеря.

Некоторых женщин потащили прочь от загона, а некоторых оставили там, где они были, все еще привязанными, с веревками вокруг шей.

Йоханна была той, кого потащили прочь. Она закричала и кинулась к Ольге, ее ногти вонзились глубоко в ее руки, но варвар ударил ее по лицу и просто перебросил через плечо.

Ольгу оставили привязанной, бросили лицом в грязь и затянули на горле веревку.

Не впервые ее брали таким образом. Она знала эту боль и знала, что есть мужчины, которые будут получать от ее боли еще больше удовольствия, поэтому она переносила все молча. Она могла слышать крики и стоны других женщин и девочек, и она говорила им, так ясно, так спокойно, как могла:

— Будьте сильными, сестры. Ваши боль и страх питают их.

Однако их страдания были слишком велики, и они не могли молчать.

Заревев и выдохнув ей в лицо зловонием, налетчик кончил свое дело и отошел. Прежде чем она смогла подняться, на ней оказался другой. Она вынесла и это.

И еще раз.

Ольга не сопротивлялась; она была неподвижна и податлива, насколько могла, позволяла насилию просто случаться, потому что это все равно бы случилось — независимо от ее борьбы, независимо от ее боли. Таков был ход вещей.

Потом ее оставили в покое, как и остальных в загоне. И тогда те, кого забрали, вернулись. Ни одна из женщин не осталась целой; они были избиты, на некоторых остались лишь обрывки одежды.

Налетчики, казалось, утолили свою дикую нужду и собрались теперь около большого огня, от которого веяло запахом жареного мяса. У них была другая нужда, а у женщин была передышка.

Йоханну принесли и бросили возле шеста, и снова привязали к нему. Она издала слабый крик и свернулась в клубок. Ольга встала и пошла к ней, игнорируя собственную боль. Хелена, избитая и измученная сама, осталась в рваной блузке, ниже пояса все было почти голое. Она встала на колени над Йоханной, рыдая. Ольга повернула девушку на спину.

— Позволь мне посмотреть, *kullake*. Позволь мне посмотреть.

Под нежными уговорами Ольги Йоханна расслабила свое тело, чтобы та осмотрела ее.

Кровь пропитала юбку Йоханны, превратив красную шерсть в черную и блестящую. Ольга повернулась, чтобы иметь возможность использовать связанные за спиной руки, и задрала юбку Йоханны вверх по худеньким голым ногам, бледным, но покрытым синими и красными синяками. Из ее женского места лилась кровь. Свободно лилась. Ей было

всего двенадцать лет. Только двенадцать, и первая кровь из ее женского места не должна была быть этой кровью.

Солнце все еще светило сквозь бледные облака, и легкий, прохладный ветерок заставлял листья танцевать и петь на ветвях. День казался слишком легким и нежным для такой боли.

Количество крови сказала Ольге, что Йоханна умрет в этот день, в этом ужасном месте, так близко к дому и так далеко. Она умирала в агонии, а ведь вокруг них были травы, чтобы помочь ей и унять боль. На расстоянии вытянутой руки росла мышинная трава, которая могла замедлить кровь и успокоить боль. И были грибы, которые могли просто дать ей облегчение от боли. Могли дать облегчение им всем.

Правильный гриб — и Йоханне больше никогда не придется чувствовать боль.

Все это было совсем близко. Но она была привязана к столбу, и ее руки были связаны за спиной. В беспомощном разочаровании Ольга бросила взгляд на лагерь, как будто от чудовищ, создающих этот кошмар, могла прийти хоть какая-то помощь.

Возле загона стоял тот золотоволосый гигант, который остановил налетчика в хижине Йоханны. Он смыл кровь со своего лица и рук. У Ольги не было причин считать его менее жестоким, чем любой другой из этих варваров. Но он встретился с ней взглядом тогда, в доме, и она увидела в его глазах что-то другое, не тот голод, что пылал кровавым огнем в глазах его товарища. И он не приходил за женщинами. Не в деревне и не здесь, не в лагере.

Ольга поднялась и пошла вперед, насколько позволяла веревка.

— *Palun!* — позвала она, а потом опомнилась и подыскала слово на языке налетчиков. — Пожалуйста!

Он остановился и повернул голову, но не заговорил.

Ольга сглотнула, веревка впилась ее в горло.

— Пожалуйста, — она искала в уме слова, которым научил ее брат. — Девушка сильно пострадала.

Она кивнула в сторону лежащей Йоханны, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы заполнить пробелы в ее словах.

— Ты говоришь на нашем языке.

Он шагнул к веревочному забору, которым был обнесен загон.

— Мало, да. Растения в лесу. Золотой цвет? — она не знала, как сказать «мышинная трава». — Это ей поможет. Пожалуйста.

— Ты... — он сказал слово, но она не знала его, и только пожала плечами и покачала головой.

— Я не знаю этого.

Он сделал паузу, как будто обдумывал, а потом спросил:

— Ты делаешь людей здоровыми?

— Да. Я пытаюсь.

Налетчик вытащил нож из ножен на спине и вошел в загон. Ольга побежала назад, подальше от него и была почти уверена, что он убьет ее. Она споткнулась о свои собственные ноги и упала бы, так как связанными руками не могла себе помочь. Но налетчик поймал ее, его мускулистая рука обхватила Ольгу за талию.

Он был еще более огромным вблизи. Ольга была уверена, что он запросто сможет разорвать ее на две части, и она была уверена, что именно это он и собирается делать. Вместо этого гигант поставил ее на ноги и использовал нож, чтобы перерезать веревку, тянущуюся от шеста. Все женщины смотрели на них, все, кроме Йоханны, которая снова свернулась клубочком и стонала.

— Пожалуйста. Она страдает. Больше, чем мы. Она только девочка.

Ее ум метался, подыскивая слова на этом странном языке, который не очень хорошо подходил ее рту.

Он повернулся и посмотрел на Йоханну, и, опять же, Ольга увидела, как что-то в его глазах смягчилось.

— Сколько ей?

Она не поняла смысл вопроса и не ответила, и он снова спросил:

— Сколько лет?

Теперь она поняла и первый вопрос.

— Двенадцать.

Его глаза закрылись. Открыв их снова, мужчина посмотрел на нее. Глаза его были темно-синими как сумеречное небо.

— Ты можешь быть полезна. Если ты будешь работать и не станешь вредить, я освобожу тебя, — он помахал веревкой. — Понимаешь?

Она понимала большинство его слов, но изо всех сил старалась понять причину. Почему? Но даже если только временно, это казалось невысказанным благом.

— Я помогаю девушке?

— Если наш целитель может использовать твою помощь, то да. Ты сможешь ходить по лагерю и видеть других рабов, если захочешь. Но если возникнут проблемы, я пережму тебе горло, — размахивая ножом, он снова спросил: — Понятно?

Ольга кивнула.

— Понятно.

Она поняла достаточно — он хотел, чтобы она работала, и он позволит ей помочь Йоханне. Возможно, и другим тоже. И он освободит ее.

Он срезал веревку с ее рук и шеи, а затем убрал в чехол свой нож. Держа ее руку своей огромной рукой, он повел ее из загона прочь, в лагерь. Ольга обернулась:

— Будьте сильными! Я помогу! — сказала она другим.

Она надеялась, что это правда.

~oOo~

Варварский целитель был еще одним мужчиной, с густыми красными волосами и бородой, достаточно крупным, хоть и не таким большим, как светловолосый гигант, что привел ее. Они все здесь были огромными.

Он долго смотрел на ее спутника, потом кивнул.

— Ты говоришь на нашем языке? — спросил ее он.

Ольга опустила глаза; она хорошо знала роль раба.

— Да.

— Ты знаешь, как лечить раны — боевые раны?

Переведя это предложение в голове так быстро, как только могла, она кивнула.

— Я целитель.

Ольга использовала слово, которое использовал светловолосый, и думала, что теперь понимает его значение.

В палатке был только один раненый. Его лицо было покрыто кровавыми повязками.

— Я не нуждаюсь в ней сейчас, Леиф, но она может быть полезна, — сказал целитель светловолосому мужчине.

Леиф. Его имя. Она посмотрела в его лицо и увидела, что он смотрит на нее.

— Хорошо, пока пусть позаботится о рабах. Некоторые из женщин избиты, и от них не будет пользы, если их не подлечить.

Голова Ольги заболела от попыток понять слова, но к ней уже легче приходил смысл.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я помогаю девушке.

Прошло уже слишком много времени.

Светловолосый... Леиф кивнул и снова схватил ее за руку. Но вдруг где-то взорвался ревом рог, и вместо того, чтобы вывести ее из палатки, Леиф толкнул ее обратно к рыжеволосому налетчику.

— Ты останешься со Свеном, — значит, рыжего звали Свен. — Держи ее здесь. И он ушел.

~oOo~

— Уф, — снова пробормотал себе под нос рыжеволосый целитель — Свен. Снаружи были слышны звуки боя и бряцание оружия. — Уф.

Он подошел к выходу из палатки и стал смотреть. Ольга не могла видеть, что происходит, но ей это было не нужно; она уже видела достаточно крови в своей жизни. Она увидела достаточно ужаса за этот один день, чтобы его хватило на всю жизнь.

Она знала, что теперь не сможет помочь Йоханне.

Свен повернулся к ней, свирепый, хмурый, с искаженным лицом.

— Как тебя зовут?

Она не ожидала, что он обратится к ней.

— Я... Я...

— Твое имя, женщина! Я Свен, — он хлопнул по груди.

— Ольга.

— Ольга. Отлично. В конце концов, ты поможешь мне, — Он махнул рукой в угол палатки. — Разложи подстилки и шкуры. Я буду готовиться. У нас будут раненые. Всегда есть раненые. Поняла?

Ольга кивнула и пошла туда, куда он показал. Его голос снова привлек ее внимание, и она снова повернулась к нему.

— Если на нас нападут, встань позади меня. Поняла?

И снова она кивнула. Хотя солдаты, которые напали на лагерь — если это были они — наверняка были на ее стороне, она не думала, что они станут ее спасать.

Глаза Свена обежали ее фигуру, брови взлетели:

— Ты размером с ребенка. В этих тощих руках едва ли больше сил, чем в руках ребенка.

Ольга ничего не сказала. Она была маленькой и среди своих людей и худенькой, но не размером с ребенка. Эти гигантские люди для нее были не совсем людьми.

Свен обернулся и присел перед сундуком. Покопавшись в нем, он что-то в нее бросил. Инстинктивно она поймала. Ткань.

— Прикройся.

Он кинул ей тунику из грубой шерсти. Ольга оглядела себя и только сейчас заметила, что рубашка разошлась посередине. Ее грудь была почти обнажена.

Она натянула тунику на голову и скатала слишком длинные рукава, пока не освободила руки.

— Давай, готовься, — сказал Свен и перестал обращать на нее внимание.

Ольга приступила к работе.

~oOo~

Четверо мужчин и две женщины — Ольга снова поразилась тому, что видит женщин-воинов, с мечами в руках, в кожаных бриджах и с забрызганными кровью лицами — некоторые были не выше нее — были принесены в палатку после боя. Один из мужчин и одна женщина были вскоре вынесены прочь, после того, как Свен осмотрел их, а затем покачал головой.

Остальные четверо и мужчина с повязками на лице требовали заботы. Налетчик, принесший раненых, остался и начал помогать исцелению, поднимая тяжелые тела и снимая доспехи с окровавленных конечностей.

Окруженная работой, которую хорошо знала, Ольга сосредоточилась на своих задачах. Спустя короткое время Свен, казалось, заметил ее мастерство и поверил в намерение помочь. Он доверил Ольге работать одной. Когда она сказала, что ей нужна определенная трава, используя пантомиму, чтобы помочь себе с объяснениями, он даже послал налетчика, чтобы собрать эту траву.

За пределами палатки звуки битвы сменились звуками ее последствий. Ольге не нужно было выглядывать наружу, чтобы понять, что налетчики снова победили.

У входа возникло какое-то оживление, и толпа — четверо мужчин — ворвалась внутрь, чуть не сорвав палатку. На руках у них был залитый кровью гигант. Ольга не видела еще таких больших мужчин. Он был больше Свена и остальных.

Они несли его лицом вниз, и Ольга сразу увидела почему. Похоже, он был почти разрезан пополам. Длинная, широкая рана пересекала спину от плеча до пояса, и когда мужчины положили его на подстилку, слишком для него короткую, рана разошлась, и Ольга увидела ребра.

Она ждала, что Свен покачает головой, и мужчины вынесут гиганта прочь. Но этот человек, должно быть, был кем-то особенным. Возможно, он действительно был гигантом, нечеловеком. Свен встал на колени у его бедра и вонзил пальцы глубоко в рану. Затем поднес руку ко рту и облизал кровь.

— Чистая. Слава богам. Уходите и дайте мне поработать.

Люди, которые принесли гиганта в палатку, кивнули и ушли, и Свен начал смывать кровь с широкой спины.

— Я помогаю? — спросила спокойно.

Сверкнув зелеными глазами, Свен ответил:

— Ты помогаешь другим, чтобы я мог заняться им. Дэн, — кивнул он в сторону мужчины, который остался помогать, — поможет тебе. Понятно?

— Понятно, — но Ольга решила спросить больше. — Он важный?

Свен остановился и посмотрел на нее. На этот раз она не отвернулась.

— Да. Он важен для нас. Хороший человек, легенда.

— Прости. Я не знаю... *легенда*.

Другой налетчик, Дэн, теперь стоял рядом, он и ответил:

— Наши люди рассказывают о нем истории. Ты знаешь слово *истории*?

— Да, я знаю. У нас есть истории. О великие люди. Сильные.

— Вали Грозовой Волк — именно такой человек, — сказал Дэн. — Лучший из нас.

Ольга думала, что даже лучшие из людей не могут быть такими большими, но промолчала.

~oOo~

Тучи, которые Ольга видела утром, долгие часы и целую жизнь назад, обрушились на них в сумерках, вскоре после того, как легендарный гигант был перенесен в палатку. Ольга повернулась и вгляделась в непрозрачный щит воды, стекающей в грязь за пределами палатки, прислушалась к оглушительному грохоту дождя, бьющего в крышу палатки, и подумала о женщинах, привязанных к столбу.

Не желая этого, она все-таки бросила их. Она знала, что Йоханна мертва и, возможно, другие тоже. Прошло несколько часов с тех пор, как Леиф забрал ее, и Ольге досталось так много работы, что она едва вспоминала о них — о друзьях, о женщинах ее народа. А теперь она стояла тут, в сухости, укрытая от дождя, а они были одни, во власти стихии и бесчисленных кошмаров.

Гигант был в сознании, но не совсем понимал, что происходит. Свен начал зашивать страшную рану, и хриплый стон время от времени срывался с губ раненого, когда костяная игла входила в израненную плоть.

По мнению Ольги, Свен причинял боль зря. Ни одно смертное существо, даже этот легендарный гигант, если он не был сделан из чего-то большего, чем мясо и кости, не смог бы пережить такое ранение.

Палатка затрепетала, когда кто-то вошел внутрь, и Ольга быстро повернулась, ее сердце забилося. Ей не нравилось, когда налетчики оказывались за ее спиной; каждый раз она ожидала, что ее схватят или проткнут мечом.

Это была женщина-воин, промокшая от дождя, но все еще покрытая кровью с ног до головы. Она была высокой, на голову выше Ольги.

Она обвела взглядом всех людей в палатке. Когда ее глаза устремились к Ольге, та увидела, как странно они прекрасны. Два разных глаза на одном лице. Левый глаз был синего цвета, светлого и глубокого, как безоблачное небо. Красивый, но не необычный. Другой, однако, был чудом. Ольга никогда не видела такого. Неосознанно она уставилась на женщину, пытаясь разглядеть этот глаз. Свечи в палатке горели ярко, и Ольга увидела в глазу женщины зеленовато-голубой и янтарный оттенки. Но настоящим чудом были полосы коричневого цвета, пересекающие янтарный, зеленый и голубой цвета.

Женщина-воин склонила голову, и Ольга поняла, что пялится, и опустила глаза. Ей было стыдно.

— Как он? — спросила Свена женщина.

Свен был потрясен тем, что она с ним заговорила. Он не смотрел на нее.

— В ране нет внутренностей, так что, если кровотечение остановится, он сможет выжить.

— Видишь, Бренна Око Бога? — вдруг прошептал гигант слабым и хриплым голосом. — Мы предназначены судьбой спасти друг друга.

Вали Грозовой Волк и Бренна Око Бога. Ольга почти улыбнулась. Между этими двумя было что-то сильное. Настоящая связь. Ольга чувствовала, как их жизненные силы смешиваются и становятся чем-то новым, чем-то особенным и единым, и она думала, что теперь понимает то странное слово.

Легенда.

~oOo~

Рана Вали Грозового Волка могла быть чистой от внутренностей, но она не могла быть не заражена. На следующий день у него началась лихорадка, рана опухла, и Свен и Ольга долго работали, чтобы ее очистить.

Женщина-воин со странным и красивым глазом снова пришла посидеть с ним. Бренна Око Бога. Эти люди, должно быть, считали ее глаз более чем странным. Они, казалось, боялись его и ее. Все, кроме гиганта, Вали.

У народа Ольги не было богов. Они верили, что то, что было на земле, и в ней, и над ней, и за ее пределами, было частью одного целого, что жизнь катилась, как колесо, и что единственным, что имело значение, было равновесие. Они праздновали дни солнцестояния, самые длинные и короткие из дней, и посев и жатву, потому что в те дни равновесие было наиболее явным. Они относились к зверям, деревьям и растениям, земле, морю и небу с уважением, но как к равным, не ставя одно выше другого.

Благородные из замков, возможно, видели равновесие иначе, но они почти не знали благородных. Они были теми же налетчиками, только несколько другого толка. И они никогда не уходили и не оставляли их в покое.

Рог снова взорвался ревом, и Бренна ушла. Вскоре после этого большая группа налетчиков покинула лагерь верхом. Свен стоял у проема палатки, бормоча что-то себе под нос.

Ольга подождала, пока он вздохнул и повернулся к раненым, прежде чем спросить, может ли она, наконец, пойти к женщинам.

~oOo~

Йоханна умерла. Женщины ухаживали за ней так, как только могли, но она все же умерла — так и лежала привязанной к столбу.

Дождь и ночь, и налетчики — все это было тяжело. Женщины все были почти или полностью голыми, и жались друг к другу, пытаясь согреться.

Ольга, полностью одетая и сытая, чувствовала глубокую вину и видела осуждение на лицах своих подруг.

Но она принесла куски серого хлеба, два меха с водой и пучок трав, собранных у края лагеря, она сделала все, что могла, чтобы облегчить их участь. Они вырвали хлеб и воду из ее рук.

У Ольги не было времени и возможности приготовить травы как нужно, но она постаралась изо всех сил. После того, как она обработала открытые раны женщин подготовленной лечебной кашцей и дала им травы, которые должны были сгустить их кровь и остановить кровотечения, Ольга раздала женщинам грибы.

— Это облегчит боль, когда придут мужчины. Я попрошу забрать Йоханну и постараюсь достать одежду. Простите, большего обещать не могу.

— Таков путь вещей, — сказала Лагле и взяла у Ольги горстку маленьких грибов на длинных ножках. Она посмотрела на грибы. — А если мы съедим все это сразу?

Ольга поняла, о чем спрашивает Лагле, и покачала головой.

— От них вы только будете болеть и страдать. Я не могу уйти далеко в лес, не могу принести больше грибов. Прости меня.

В лагере поднялся переполох, налетчики возвращались.

— Я должна идти. Вернусь так быстро, как смогу.

Окинув последним долгим взглядом маленькое, скрюченное тело Йоханны, Ольга поспешила от загона назад к палатке целителя.

~oOo~

Ольга вышла из палатки, ей нужно было облегчиться. Хотя многие мужчины до сих пор пугали ее, они не приставали к ней и не насиловали с тех пор, как Леиф снял с ее шеи и рук веревку. Как будто им было приказано оставить Ольгу в покое.

Только Вали теперь остался в палатке, и он уже исцелялся от лихорадки и заражения. Ольга думала, что этот гигант выживет. Должно быть, он был чем-то большим, чем просто человек.

Бренна, женщина-воин — Ольга несколько раз слышала, как ее называли *Дева-защитница*, и думала, что разобрала значение этого слова — спала в палатке целителя, рядом с Вали. Эти двое были связаны, хотя Бренна, похоже, не знала об этом. Сильная аура мира поднималась вокруг, когда они касались друг друга. В этом месте было так мало мира, что Ольга не могла не заметить. Мир Вали и Бренны давал ей какое-то подобие покоя.

Возвращаясь из-за дерева, за которым она присела, Ольга услышала какой-то звук и остановилась.

Лесное животное? Нет, мужчина. Звук боли или удовольствия. Звуки, которые издавали некоторые мужчины, были похожи.

Стон. Это был стон — длинный, глубокий, мучительный стон истинной боли. Ранее она слышала крики солдата, которого пытали, но за пределами лагеря не могло быть пленников. Должно быть, это был кто-то из налетчиков, и Ольга решила проигнорировать

его и вернуться в палатку целителя. Теперь, когда Вали выздоравливал, возможно, Свен захочет помочь женщинам.

Или он решит, что она ему больше не нужна, и отправит ее обратно в загон. Она замерла, задаваясь вопросом, а стоит ли обращать внимание на боль одного из чудовищ, убивших так много ее соплеменников.

За исключением того, что Ольга уже не могла считать их чудовищами. Она чувствовала, что ей *нравятся* и Свен, и Дэн. И Вали, и Бренна. Спрятавшись в палатке целителя, выполняя работу, которую она хорошо знала, Ольга стала для них не просто рабыней, а мастером своего дела. И она видела больше этих людей, чем женщины в загоне, привязанные к шесту.

Она не смогла проигнорировать боль, когда та была так близка и так очевидна. Ольга двинулась в направлении звука.

Там был Леиф. Сидел на большом камне, спиной к ней. Она узнала его кожаный доспех, по которому рассыпалась грива золотистых волос. Леиф сидел, согнувшись, спрятав лицо в руках, и он снова и снова стонал в ладони.

Звук чистого горя.

Это была настоящая боль, глубокая и мучительная. Он хотел побыть один. Решив, что стоит развернуться и оставить его, прежде чем он узнает о ее присутствии, Ольга не осознавала, что идет вперед, пока не оказалась почти рядом с ним. Леиф не обращал на нее внимания, пока ее рука не вытянулась и не коснулась его головы, не провела по волосам. Они были мягкие и густые, как золотистая пряжа.

Леиф дернулся от ее прикосновения и вскочил, его большая рука сжала навершие меча у бедра. Он был готов к бою, но на лице была все та же чистая боль, что и в голосе.

— Ты, — сказал он, но в этом слове не было ни обвинения, ни злобы. Только удивление.

— У тебя боль.

Его плечи расслабились.

— Ни один целитель не может облегчить ее.

Не зная, почему, Ольга подошла к Леифу и положила ладонь ему на грудь.

— Значит, боль в сердце. Печаль.

Леиф уставился на ее руку, и она почувствовала, как поднимается и опускается его грудь. Затем он поднял свою руку. Обхватив пальцами запястье Ольги, он убрал ее руку со своей груди.

А потом снова сказал:

— Никто не может облегчить ее, — и повернулся и пошел обратно к лагерю, оставив ее одну в растущей темноте.

Глава 2

Прикосновение рабыни осталось на его коже даже после того, как Леиф убрал ее руку. Оно жгло его как ожог, пронзая насквозь до самого сердца.

Она была маленькой, такой маленькой. Когда женщина подошла к нему и положила руку ему на грудь, ей пришлось поднять свою руку на уровень лица. И такой изящной — ее ключицы выпирали под кожей, а руки и ноги были длинными и стройными. Ее глаза были большими и темно-карими, как у лани, а волосы были темными. Они были связаны узлом на затылке и завернуты в шарф, когда Леиф впервые ее увидел, но тяготы лагерной жизни лишили ее шарфа, и теперь длинная коса спускалась по ее спине ниже талии.

Женщина выглядела как существо из Альвхейма (*прим. один из миров в германоскандинавской мифологии, родной мир светлых Альвов*), красивая и чувственная, и не предназначенная для этого жестокого мира мужчин.

Он был рад спасти ее от насилия, но не смог спасти ее от судьбы. Колдер убьет всех пленников, когда они отплывут в Гетланд. Даже если бы он или его отец захотели заняться торговлей рабами — а они об этом и не думали — их корабли уже набрали столько добычи, что едва оставалось место для самих налетчиков.

При мысли о замке разум Леифа снова обратился к ужасу и злости, которые наполняли его, когда пришла рабыня. Он снова увидел Эйнара, своего младшего сына, единственного из его детей, оставшегося в живых, — он увидел голову своего мальчика, выставленную на блюде, выложенном зеленью, его мертвый рот и глазницы, набитые фруктами.

Эйнару было всего четырнадцать лет. Леиф не позволил бы ему отправиться в этот поход. Но у Эйнара уже было его кольцо. Он был мужчиной, а не мальчиком, и он сделал свой выбор. В четырнадцать лет сам Леиф уже был женат и даже стал отцом.

Тот первый ребенок, а теперь все шестеро его детей, и его жена, и ребенок, которого она носила — все были мертвы. Леиф остался один.

Их мир был жестоким миром страшной и красивой смерти. Это была та смерть, к которой стремился воин, если он хотел попасть в Валгаллу. Леиф не питал иллюзий; он хорошо знал, что Эйнар может умереть в этом походе, как и любой из них. Жить на лезвии меча, умереть на лезвии меча. Это был их путь.

Однако то, что сделал принц, находилось за пределами их понятий о чести.

Принц Владимир решил, что это хорошая шутка, — призвать налетчиков в замок, унижить и оскорбить их, подав молодых разведчиков Эйнара Хальвара в качестве праздничного блюда.

Теперь принц и его слуги были мертвы, и налетчики удерживали его замок и его земли.

А то, что сделал Леиф... он закрыл глаза, но это только воскресило в его памяти еще больше деталей. Не воспоминаний о резне — он никогда не запоминал бой, помнил всегда только свою руку и агонию, ревущую в голове. Но он вспомнил, что было потом, тела мужчин и женщин — и детей, маленьких детей — валяющиеся у его ног кучей плоти.

Они были его врагами, они были людьми принца, и не он привел женщин и детей в зал, посмотреть на врага. Но именно его клинок убил многих из них.

Леиф принес клятву верности отцу Колдера, ярлу Эйку, и считал ярла и его взрослых сыновей семьей. Теперь они — его единственная семья. Он был близок с ними всю свою жизнь. Эйк не удерживал никого насильно в своем отряде и не жалел своих врагов. Леиф понимал, что это путь их народа, и не осуждал никого, кроме себя.

На службе у Эйка Леиф убил сотни мужчин и женщин. Он убивал мальчиков, еще качавшихся под тяжестью мечей. И брал награбленное во время набегов, не испытывая жалости.

Но изнасилование женщин и убийство детей он оставлял тем, чьи сердца и желудки были крепче, чем его. Жажда крови наполняла его — как и любого воина в бою, но когда лязг мечей стихал, стихала и она. Ему хватало боевых кличей и яростного рева победы. Ему не нужно было насиловать испуганную селянку или вскрывать живот младенца на ее руках, чтобы дать последней ярости догореть дотла.

Но сегодня, увидев голову своего сына — все, что осталось от его мальчика — он ощутил такую ярость, какой не испытывал никогда.

И теперь он остался один, последний из его детей умер, и кровь чужих детей была на его руках.

Его боль было не унять.

Ему придется жить с ней еще долго.

~oOo~

Не чувствуя себя способным уснуть, Леиф провел большую часть ночи возле огня, наконец, уснув, когда небо уже начало светлеть.

Казалось, он закрыл глаза лишь на мгновение, когда кто-то ткнул его в бедро. Леиф открыл глаза, чтобы увидеть стоящего над ним Колдера. Прошел, по крайней мере, час, солнце еще не взошло, но небо стало серым, а значит, начинался рассвет.

— Где Око Бога?

Леиф видел, как она входила в палатку целителя накануне вечером, когда они вернулись из замка. Зная, что в той палатке был только один раненый, и зная, что Бренна провела там много времени, Леиф заколебался, не зная, что сказать.

Колдер презирал Вали Грозового Волка. Его отец заключил союз с другим ярлом, Снорри, и, хоть и было решено, что возглавит альянс Колдер, воины Снорри подчинялись только Вали. И он был легендой, Ульфхедином, известным сверхчеловеческой силой и свирепостью, а также твердым и верным сердцем. Леифу были знакомы быстрый ум Вали и его умение говорить. Он уважал Вали.

Хоть ярлы и были союзниками, в прошлом между ними часто вспыхивали распри, и Колдер изо всех сил пытался скрыть свое презрение к людям Снорри. Вали, главный соперник Колдера — и великий воин, как думал Леиф — теперь оказался в центре ненависти Колдера.

У ярла Эйка была своя легенда: Бренна Око Бога, могучая и доблестная Дева-защитница, которую, по мнению Эйка и его сыновей, дал им сам Один. Ее странный правый глаз был глазом самого Одина, тем, что он отдал Мимиру в обмен на мудрость, и большинство людей считали ее дочерью Великого отца. Именно поэтому никто не смел долго на нее смотреть.

Леиф хорошо знал Око Бога, возможно, лучше, чем большинство. Он обучил ее боевому искусству. Он знал, что она — молодая женщина, которая считала себя одинокой и держала одиночество перед собой, как щит. Хотя он был старше Бренны едва ли на десять лет, Леиф перенес на нее свои отцовские чувства — хоть она не принимала этого и вряд ли была бы рада, если бы узнала.

Если она нашла связь с другим, даже с человеком, который когда-то был и может снова стать врагом, Леиф не хотел разрывать эту связь. И уж точно не хотел он, чтобы Колдер стал ей мешать. Колдер был старшим и самым близким другом Леифа, но он был воспитан в твердости и знал, что твердость есть сила.

Леиф любил ярла и любил сыновей ярла. Он любил их за их добро, но не притворялся, что не видит в них зла. Ни Эйк, ни Колдер не были сдержанными, когда видели вызов или угрозу, а это они видели почти везде.

Если бы Леиф сказал Колдеру, что Бренна и Вали проводят вместе время, в лагере могла бы пролиться кровь.

— Ты же знаешь Око Бога, — вместо правды сказал он. — Скорее всего, она опять ушла в лес.

Колдер крякнул и посмотрел на лагерь.

— Идем со мной, друг. Я должен говорить сегодня, и я хочу отработать с тобой свою речь.

И Леиф встал и пошел со своим другом.

~oOo~

— Ты, кажется, не удивлен, — заметил Колдер, когда закончил говорить.

— Я не удивлен. Когда мы приплыли сюда, зная, что совсем недавно здесь уже были Финн и его отряд, я понял, что ты задумал не просто налет. Я удивлюсь, если окажусь единственным среди нас, кто сразу посчитал, что ты намеревался захватить замок, — Леиф вздохнул и добавил: — Я удивлен, что ты решил скрывать это от нас.

— Я хочу остаться здесь, и я хочу заявить права на эту землю от имени моего отца.

Леиф вскинул голову. Половина налетчиков принадлежала к отряду ярла Снорри. Если Колдер заявит права на землю только от имени Эйка, это будет настоящая война. В первую очередь, именно Эйк стремился к альянсу.

— Тогда зачем тебе вообще был нужен альянс?

Колдер не ответил, и Леиф попытался найти ответ сам. Но Колдер кивнул и легко похлопал его по щеке:

— Не волнуйся, мой друг. Все будет хорошо. Провидец предсказал отцу, что боги с нами. Я говорю тебе об этом сейчас, чтобы ты сказал мне, что думаешь, и чтобы твой вывод помог мне найти способ рассказать все другим.

Понимая, что от него нужно и чего Колдер от него ожидает, Леиф кивнул.

— Если ты разрушишь альянс здесь, в Эстландии, твой лагерь расколется, Колдер. Будь сдержанным. Твой отец — ярл. Если нужно что-то сделать, то это должен сделать он.

— Но его здесь нет. Это мой клинок омыл кровью Владимира эту землю.

Колдер стал нетерпеливым за последние несколько лет, он просто мечтал выйти из тени своего отца. Леиф понимал его нетерпение и попытался урезонить друга:

— И у тебя будет твоя слава. Ты вернешься в Гетланд и к отцу на кораблях с добычей. Если мы будем сражаться друг с другом, мы только потеряем людей. И твое возвращение не будет таким великим.

После долгого, тяжелого молчания Колдер кивнул.

— Ты мудр, Леиф. Ты видишь причину, когда я чувствую только желание.

Это всегда было правдой. Хоть Колдер и был старше, Леиф был мудрее.

Мужчины обнялись и вернулись в лагерь.

~oOo~

После разговора Колдер ушел. Леиф стоял рядом с Бренной Оком Бога и смотрел, как его друг возвращается в свою палатку. Ткань затрепетала, когда он закрыл полог; Колдер был зол.

Леиф не планировал оставаться в Эстландии и удерживать замок. Но Грозовой Волк и Око Бога вызвались, и Леиф увидел в этом дурной знак. Кроме того, его возвращения в Гетланд никто не ждал. Последний из его семьи, его последний сын, был в этой земле — то небольшое, что от него осталось. Он не был готов оставить Эйнара, еще нет.

— Ты должен пойти к нему, — сказала Око Бога. — Пусть он поймет, что лучше оставить силу позади.

Она повернулась и уставилась на палатку целителя, в которую только что вернулся Вали.

Все, и Колдер особенно, были потрясены, увидев великого воина, стоящего на своих ногах и говорящего сильным, твердым голосом. Вали возразил Колдеру и изменил свое намерение, и Леиф увидел, как убийственное желание осветило глаза его друга.

Но Леиф верил, что собрание прошло так хорошо, как только могло. Отряды обоих ярлов хотели удержать замок. По крайней мере, в Эстландии альянс останется нетронутым, и Леиф сделает все, что в его силах, чтобы убедиться в том, что союз не будет разрушен.

Что касается дома, Колдер вернется победителем, и даже ярость Снорри не сможет уменьшить его заслуг. Если бы у Эйка был какой-то другой план, какая-то темная цель, то отсутствие Вали дома ослабило бы Снорри и помогло бы Эйку с его планом.

Леиф сожалел об этом; ему тяжело было думать, что клятвы были даны с целью их нарушить, но он клялся не потому. Он поклялся Эйку, и его верность покоилась в Гетланде.

Око Бога снова направилась к палатке целителя. Леиф проследил за ней, а затем снова взглянул на палатку Колдера. Бренна Око Бога была права. Только он мог заставить Колдера понять, что сила все еще на его стороне

Леиф не умел предвидеть, он не мог догадываться, что их всех ожидает на этой земле. Он не был ни провидцем, ни лидером. Он был всего лишь воином и другом.

~oOo~

После двух дней и четырех поездок налетчики забрали из замка столько добычи, сколько могли увезти корабли, учитывая, что тридцать человек остались зимовать.

Лагерь был свернут, люди тащили к берегу снаряжение и сундуки с драгоценными металлами и камнями. Колдер стоял у черного кольца, в котором ночью горел их костер, и наблюдал за работой. Медленно, удовлетворенно кивнув, он повернулся к Кнуту.

— Ты и Вигер — убейте пленников.

Кнут кивнул и повернулся, чтобы найти Вигера.

— Стой! — вырвалось у Леифа, и Колдер повернулся к нему.

Теперь, когда лагерь был свернут, они четко видели загон. Женщина-целитель, Ольга, вернулась к другим и снова оказалась привязана, когда они начали сборы. Леиф не думал, что кому-то было дело до женщин в этот день; забот было слишком много.

Он надеялся, что это так. Он должен был уделить этому больше внимания. И теперь Леиф должен был ответить Колдеру и объяснить, почему он оспорил его приказ.

— Целитель. Она знает наш язык. Она может помочь нам в замке.

Колдер ухмыльнулся.

— Тебе она нравится, мой друг?

Леиф не ответил, и ухмылка Колдера переросла в самодовольную.

— Ладно, — он помахал Кнуту. — Приведи моему другу его питомца. Убей остальных.

~oOo~

Он хотел бы, чтобы рабыню — Ольгу, теперь он помнил ее имя — привели к нему первой, но у Вигера и Кнута были другие планы.

Когда Вигер передал Леифу конец веревки, Ольга была забрызгана кровью своих друзей, и глубокие карие глаза смотрели на него со страхом и ужасом.

— Мне жаль, — сказал он, разрезая ее путы. — Я бы отпустил тебя, если бы мог.

— Это... способ вещей, — ответила Ольга, ее мягкий голос дрожал. Когда он освободил ее руки, она потеряла запястья. — Я не свободен. Это так?

Никогда прежде Леиф не задумывался о тяжелом положении раба. Рабы были трофеем; их свобода была просто еще одной вещью, которую они потеряли. Но теперь он почувствовал угрызения совести.

— Нет, ты не свободна. Мы отвезем тебя в замок. Нам нужно, чтобы ты помогла нам понять свой народ. И Свен возвращается домой, так что нам нужен целитель. Так что мы не можем тебя отпустить. Но я не буду тебя связывать, если ты не станешь сбегать. Ты понимаешь?

Ольга подняла глаза, ее взгляд изучил его лицо.

— Ты можешь держать мужчин подальше?

— Да, — и он хотел бы. Леиф чувствовал желание защитить эту маленькую женщину. Он не знал, откуда оно взялось, но оно было сильным.

— Твое слово хорошо? — спросила она, ее глаза сузились.

— Да, — это тоже было правдой. Он не давал обещаний легкомысленно, даже рабу, и с готовностью принимал на себя груз ответственности. Его слово было самым ценным, что у него было.

— Тогда никакой веревки.

~oOo~

Несмотря на свою силу, Вали едва добрался до замка. Через несколько мгновений после того, как они вошли в зал, пока Леиф все еще стоял с закрытыми глазами, пытаясь отогнать воспоминания о поданной на блюде голове своего сына, могучий Грозовой Волк упал на каменный пол без сознания. Бренна Око Бога сделала два быстрых шага, направляясь к нему, а затем замерла, словно сама себе удивившись.

Сняв с него шкуры, они увидели, что спина Вали покрыта свежей кровью. Наверняка открылась рана.

Леиф нашел Ольгу взглядом.

— Нам нужны твои силы целителя.

Она присела рядом с Вали и задрала его плотную тунику. Осмотрев его спину, она произнесла много слов, которые Леиф не понял, а затем вздохнула и посмотрела на него.

— Уложи его в постель. Я поищу, — она что-то еще сказала на своем языке и снова вздохнула, — вещи, которые мне нужны.

Леиф кивнул и повернулся к налетчикам.

— Давайте отнесем нашего друга на одну из этих королевских кроватей.

Потребовалось четверо мужчин, чтобы поднять Вали, но, в конце концов, они нашли для него кровать и уложили на нее.

~oOo~

Позже, после того, как Ольга позаботилась о Вали, и Леиф поговорил с ним, Леиф отправился за Оком Бога. Бренна была в конюшне, расчесывая пальцами пышную, сливочную гриву кобылы, с которой, казалось, подружилась. Леиф давно знал, что она предпочитает компании людей компанию животных — любых животных, от гетландских глупых коз до такого великолепного зверя как эта кобыла.

Она коротко посмотрела на него, когда он подошел к ней, но не заговорила. Она редко это делала без необходимости.

— Он проснулся и просит тебя.

Никакой реакции.

— Кажется, ты важна для него.

Она тихо фыркнула в ответ.

— Нет? — но Леиф не верил. Это было очевидно. Слишком очевидно.

Око Бога посмотрела на него, их глаза встретились. Как и любой другой, Леиф почувствовал желание отвести взгляд. Он не боялся ее или ее глаза, но в нем было что-то нереальное, что-то настолько сильное — словно она уже видела перед собой его смерть.

Он хотел удержать ее взгляд, но моргнул, и Бренна сама отвернулась.

— Кажется, он хочет чего-то от меня, но я не понимаю, чего.

Леиф едва сдержал улыбку. Он знал, что Око Бога наивна во многих вещах — в большинстве вещей, не имеющих отношения к войне и битве. Говорили, что она может украсть волю и даже душу человека, который возляжет с ней, и он сомневался, что кто-то решится испытать судьбу.

Но Вали, казалось, решился. Несмотря на свои опасения, Леиф надеялся, что он добьется успеха. Эта храбрая, одинокая женщина заслужила немного счастья.

Но две легенды не могли так просто сойтись в одну.

— Будь осторожна, Бренна Око Бога. Помни о клятвах и храни их.

Она нахмурилась.

— Теперь я и тебя не понимаю.

— Прости меня, — усмехнулся он. — Иди и повидайся с ним. Если тебе от него ничего не нужно, скажи ему об этом. Если что-то есть, тоже скажи. Но разделяй свое сердце и свой ум. Каждый выбор влечет свои последствия.

— Мне больше нравится, когда со мной никто не разговаривает, — проворчала она и повернулась к своей лошади.

Глава 3

Часто, когда утром Ольга просыпалась и открывала глаза в уютной постели под защитой прочных замковых стен, она чувствовала, что все вокруг — словно сон. Варвары из-за моря дали ей то, чего она не знала раньше, — незнакомую силу и ощущение безопасности.

Те же самые мужчины и женщины, что убивали людей в рыбацкой деревне, те же, кто сделал ее рабыней, бил и насилывал ее и других женщин, которых решили оставить в живых, те же, кто, казалось, пришел на эту землю, чтобы оставить после себя океаны крови и горы тел, куда бы они ни шли — те же самые чудовища всего за несколько недель в замке дали вторую жизнь Ольге и тем из ее народа, кто остался в живых.

Как будто они отправили чудовищ обратно в море на своих странных кораблях с драконами и оставили в замке только обычных людей.

Они открыли склады принца Владимира для жителей деревеньки. Люди, которые всю жизнь жили в бедности, теперь имели все. Дикари в окровавленной коже проявили себя более благородно, чем титулованный лорд в золотых цепях и парче.

Ольга больше не была рабыней; Леиф и его друзья освободили ее через несколько дней после переезда в замок и разрешили остаться, если она захочет. Леиф попросил ее остаться и взять на себя управление замком, а также попросить других жителей деревни остаться и работать на них.

Он *попросил* ее. Ни один человек, обладающий властью над ней, никогда не просил ее о чем-либо и не спрашивал ее мнения.

Когда она сказала, что никогда до этого не управляла замком, он рассмеялся и сказал, что ни он, ни его друзья тоже этого не умеют. Он сказал, что все они будут учиться вместе, его голубые глаза горели.

Ольга согласилась. Теперь они относились к ней как к равной, и она обнаружила, что управлять замком, работая на тех, кто не ждал от нее слишком много, не было такой уж сложной обязанностью. Ее работа заключалась в том, чтобы люди были сытыми и им было, где спать. Это не так сильно отличалось от того, что она делала как целитель, — понять, что нужно человеку, и сделать так, чтобы он это получил.

С языками было тяжелее. Ее разум кружился весь день, пытаясь удержать в памяти два языка, переводя с одного языка на другой и обратно, и пытаясь научить языку налетчиков, тех, кто хотел общаться самостоятельно.

Не все налетчики говорили одинаково. Иногда слова, которые слышала Ольга, звучали совсем не похоже на те, что она уже знала, и ее мозг просто закипал.

До сих пор Леиф был единственным из варваров, кто хотел выучить ее язык. Он часто искал ее, чтобы взять очередной урок. Эти встречи были лучшей частью Ольгиного дня.

Ее словарь рос не по дням, а по часам, и ей все реже приходилось останавливаться, чтобы подобрать слово, хотя с изящностью предложений пока было тяжело. Иногда с ней говорили очень быстро, одновременно на обоих языках, и голова Ольги едва не разрывалась от такой какофонии.

Сидя за массивным столом в главном зале замка, с Леифом, Вали, Бренной и несколькими другими налетчиками и жителями деревни, Ольга сжимала руки на коленях. Эти встречи были одной из ее самых трудных обязанностей. Много упиралось в ее

умение передать информацию людям, которые не могли понять друг друга. Одно дело, когда они обсуждали деревенские новости и строили планы на зиму или просто обменивались знаниями. Но сегодня из разведки вернулись Торд, Сигвальд и Вигер — они уезжали, чтобы разузнать об угрозе, которую представляли двое других принцев, основавшихся на соседних землях.

Если бы Ольга неправильно поняла сказанное или использовала бы неправильное слово, чтобы передать смысл, все могло бы закончиться войной. Она чувствовала эту ответственность, как свинцовый груз, давящий на шею.

— Самое дальнее владение — день пути верхом на северо-запад, — рассказал Вигер. — Голубой флаг с белым летящим драконом.

Ольга знала, что это флаг принца Тумаса, самого могущественного из соседей. Он и Владимир были равны по силе и много раз сражались, постоянно смещая границу владений. Она перевела, что сказал Вигер, жителям деревни, которые сидели рядом, обращаясь преимущественно к Яану. Хоть он и был молод, но слыл умным и проницательным. Жители деревни знали только, как умирать во время войны, но Яан видел то, что другие не замечали или не хотели видеть.

Он кивнул и повернулся к мужчинам. Он пытался выучить язык налетчиков.

— Тумас, — сказал он Леифу, который был их лидером. Яан поднял кулаки, как будто дрался. — Он...

Яан запнулся, повернулся к Ольге и заговорил на их языке:

— Я не знаю, как сказать им, что Тумас опасен. В Мирканди мы держимся подальше от его людей — солдат и жителей деревни. Они нас хладнокровно убьют.

Ольга кивнула и повернулась к Леифу и остальным. Она тоже не была полностью уверена, но попыталась:

— Тумас большую войну здесь. Яан говорит, в городе мужчины... — она остановилась, ища способ описать мужскую настороженность. — Держаться подальше?

Это было не достаточно, поэтому она изобразила, что имела в виду, разведя руки.

Бренна кивнула первой, понимая.

— Они воевали с Владимиром?

Так странно для женщины — сидеть за таким столом. Ольга знала свое место, она была единственной среди них, кто мог помочь преодолеть языковой барьер. Но Бренна и другая женщина, как она, другая *Дева-защитница*, Астрид, сидели здесь так, как будто к их мнению о войне и защите могли прислушаться. Более того, словно их мнение хотели услышать.

Ольга уже привыкла к этому интересному паритету, но Яан все еще удивлялся тому, что говорила с ним женщина. Он обратился к Леифу, как будто не мог заставить себя обсуждать такой вопрос с женщиной, независимо от ее места среди других.

— Да. Друзья здесь... нет, — он бросил взгляд на Ольгу, и та улыбнулась. Слова прозвучали почти как надо.

— Не вдохновляет, — высказался Вали. — Он хочет это владение себе и наверняка сейчас готовится к нападению.

— В замке тихо, — это был первый раз, когда Сигвальд подал голос. — Там не слышно бряцания оружия — и снаружи уже идет снег. Если они и планируют нападение, то точно только летом.

— А что другой? Иван? — Леиф, казалось, тяжело раздумывал. Ольга заметила, что, когда его охватывали размышления, он проводил рукой по бороде. Она вдруг представила себе другую картину: ее собственная рука гладила эту золотистую бороду, а глаза Леифа смотрели на нее. В животе скрутился узел, и она моргнула, заставляя себя сосредоточиться на словах, которые должна была перевести.

Почти тут же Ян ткнул ее локтем, и она прошептала ему слова Сигвальда, как запомнила.

— Далеко на юге, — отозвался Сигвальд. — Владение маленькое и бедное. Мы можем напасть и захватить и его тоже. Опасность нам грозит только от Тумаса.

Сердце Ольги забилося в груди. Она родилась на земле Ивана. Ее семья — отец и два младших брата — все еще жили там. С тех пор, как ее забрали из семьи, она видела их только один или, иногда, два раза в год, но она любила их. Мальчики, Антон и Калью, были уже настоящими мужчинами, шестнадцать и четырнадцать лет. Иван заставит их сражаться.

Она уже знала, как воюют налетчики. Она не хотела видеть свою собственную кровь на их руках.

— Пожалуйста, — сказала она, пытаясь поймать взгляд Леифа. Он посмотрел на нее и замер, глядя ей в глаза. Ольга чувствовала, что на них смотрят и все остальные. — Вы будете воевать на юге?

Ян снова подтолкнул ее; на этот раз, напряженно ожидая, что скажет Леиф, она проигнорировала его.

Леиф оглядел сидящих вокруг, затем покачал головой.

— Нет. Уверен, Сигвальд имел в виду только, что принц Иван для нас — не угроза, а вовсе не нападение. Мы уважаем зиму. Одна из наших задач — укрепить этот замок.

Облегчение захлестнуло ее, и она улыбнулась, ее глаза почти наполнились слезами. Леиф чуть склонил голову, глядя на нее, но не спросил, в чем дело, а Ольга опустила глаза, пытаясь справиться со своими чувствами.

~oOo~

— Это прекрасная земля, — Леиф улыбнулся ей. — Как мне это сказать?

Они сидели на земле, на вершине невысокого холма с видом на деревню. Зима была совсем рядом; поля были убраны, листва с деревьев почти облетела, но в этот день воздух был теплым, а солнце — золотым. Пожалуй, один из последних теплых дней. Все признаки указывали на суровую зиму, горькую и долгую.

Прошли недели с тех пор, как Леиф заверил ее, что они не будут вести войну, в которой придется сражаться ее братьям. Бренна Око Бога и Вали Грозовой Волк объявили о своих отношениях и на этой неделе должны были пожениться. Сердце Ольги теплело, когда она думала об их связи.

— *Eesti on imeline maa*, — ответила она на вопрос Леифа.

Он повторил, но потерял слог посередине.

— *Eem-ah-leen-ah*, — поправила она.

— *Imeline*, — произнес он правильно. — *Eesti on imeline maa*.

— *Jah. Hea*.

Леиф засиял в ответ на ее похвалу, как маленький мальчик. Затем повернулся к деревне, и Ольга смогла увидеть его профиль. Ее первая мысль о нем — в той жизни, где он появился в дверях домика Йоханны и спас их от Кнута, человека, которого она теперь знала и не боялась, — была «золотой гигант». Такой была ее первая мысль, но теперь это означало больше, чем его размер или цвет волос. Для нее Леиф, казалось, был сиянием, светом, хотя казался часто окутанным чем-то темным — болью, которую она увидела в лагере. Он отталкивал от себя эту боль, но иногда она снова подбиралась к нему и омрачала его лик.

Он был добрым и хорошим человеком. Не все налетчики были такими; хоть она и нашла свое место среди них, как и другие жители деревни, некоторые все еще грубили ей и возмущались тем, что не осталось рабов для их прихотей. Но Леиф и Вали — и Бренна тоже — были быстрыми и решительными в изъявлении воли, и женщин, которые хотели остаться в одиночестве, не трогали.

Ольга хотела, чтобы ее оставили в покое. По большей части.

— *Kas Sulle meeldis siin?*

Он снова сосредоточился на ней.

— *Kas Sa saaksid seda korrata?* — он попросил ее повторить вопрос.

— *Kas Sulle meeldis siin?*

— *Anna andeks. Ma ei saa aru.*

Очень четко и правильно он попросил ее повторить, а затем извинился и сказал, что не понимает. Он часто переспрашивал ее, и его акцент и словарный запас постоянно улучшались.

— Но это же хорошо! Все это хорошо. Я спросила, нравится ли тебе здесь: *Kas Sulle meeldis siin*

— *A. Jah. Ma olen... rahulik?* — он неуверенно приподнял бровь, и Ольга кивнула.

— Спокойно? Да. *Rahulik.*

— *Ma olen rahulik siin,* — повторил он предложение целиком. Ему было здесь спокойно. Безмятежно.

— Ты не был спокоен у себя дома?

Леиф издал длинный, медленный вздох, его глаза не отрывались от нее. На своем родном языке он сказал:

— Я — воин, Ольга. Мы не знаем покоя. Мы знаем потери.

— Тогда зачем воевать?

— Это наш путь, и то, что я знаю, — он вытянул вперед руки и развернул ладони друг к другу.

— Моя ценность в моих руках, — Леиф сжал кулаки. — Жить как воин — значит искать другой жизни. Искать путь в Валгаллу, где храбрые мертвецы обитают среди богов. Ты об этом знаешь?

Ольга покачала головой. Брат рассказывал несколько историй о капризных богах северян, но они ее тогда не заинтересовали.

— Здесь не живут боги. Только земля, море и воздух, огонь и цветок, человек и дух. Здесь все едино, и мы знаем эту жизнь только до тех пор, пока не окажемся в земле, чтобы... обрести равновесие. Понимаешь? Не ищем. Только живем. Жизнь, сделанная из войны... — она замерла, ища правильный способ выразить свои мысли. — Это не очень утомительно?

Леиф усмехнулся.

— Так и есть, да. И война бодрит. Я не несчастлив в своей жизни. Но спокойствие, которое я чувствую здесь, для меня ново. Это как передышка.

Его сжатые в кулаки руки все еще были вытянуты вперед, и он не отводил от них своего взгляда. Ольга протянула руку и положила ее на руки Леифа. Его руки были большими, а кулаки казались просто огромными, и она почувствовала ауру его великой силы.

— Там, где есть стремление, всегда есть борьба. Иногда остаться на одном месте — это хорошо. Остаться и передохнуть.

Леиф уставился на свою руку, и Ольга замолчала. Когда она впервые увидела его, то думала, что он отличается от других. И теперь она знала, что все они — не монстры, а мужчины и женщины, хорошие и плохие, как и все остальные, но Леиф все еще был другим.

Ольга никогда не знала настоящей любви. Ее не любили таким образом, и она не испытывала этого чувства ни к кому другому. Ее использовали мужчины, другие, не только налетчики. Она была насильно выдана замуж, и муж всегда овладевал ею с жестокостью, а дважды ее насильовали его напившиеся допьяна друзья. Когда она оказалась свободна от него, то обрадовалась. Быть вдовой, быть вдали от мужского внимания — да, она больше никогда не хотела внимания другого мужчины.

Но сидя рядом с Леифом, ощущая его взгляд на своих пальцах, Ольга почувствовала волнение, жар — и это был не первый раз, когда Леиф заставлял ее такое ощущать. Когда он раскрыл ладони и поднес ее руку к губам, она ахнула. Прикосновение его золотистой бороды к коже заставило нервы в ее теле натянуться.

Все еще держа Ольгу за руку, он повернулся к ней и коснулся пальцами другой руки ее щеки, а затем развернул кисть и провел снова. Ольга закрыла глаза и позволила себе насладиться этим нежным, искренним прикосновением. Ее сердце, казалось, замерло где-то в горле.

— *Ilus*, — пробормотал он. Красивая. Она вздохнула.

Если бы он наклонился и поцеловал ее, Ольга бы не стала препятствовать ему. Она хотела ощутить прикосновение этого красивого, доброго рта, этой густой бороды. Но он убрал руку, и больше ничего не произошло.

Она открыла глаза. Леиф наблюдал за ней, как будто ждал, что она сделает.

— Леиф? — она протянула руку, чтобы погладить его бороду, но он перехватил ее запястье и отвел в сторону.

— Ты хорошая женщина, Ольга. Красивая и добрая. Я думаю, в этом месте тебе спокойно. Но это не мой дом. И тебя уже слишком жестко использовали. Я не возьму тебя, чтобы бросить потом, и я не могу остаться, — он наклонился и прижал губы к ее лбу. — Я не могу.

Слишком ошеломленная силой своей реакции, как на свое желание, так и на его отказ, Ольга не смогла найти слов, чтобы возразить.

~oOo~

Ольга оттолкнула Вали в сторону.

— Я не могу работать, когда ты стоишь, как стена, у меня на дороге.

Он отошел — не далеко, но достаточно, чтобы Ольга смогла приблизиться и положить прохладный компресс на лоб Бренны.

— Почему она не приходит в себя?!

Ольга протянула руку и ухватила за руку Вали — его рука была сильной, твердой.

— Здесь. Чувствовать это. Мягко, — она потянула его и положила его руку на шишку на виске Бренны. — Она что-то ушибла, когда упала. Но она дышит спокойно и глубоко. Она очнется. Дай ей отдохнуть, Вали. Спокойствие — это то, что ей нужно.

Он закрыл лицо руками и сел в изножье кровати.

— Должно быть что-то еще. Она как будто заболела. Они сказали, что она упала с седла. Это не похоже на нее.

Ольга думала, что знает, в чем дело. За последние несколько дней она заметила, что по утрам Бренна была бледной и сосредоточенной — более сосредоточенной, чем обычно, и она перестала завтракать, но к обеду, казалось, приходила в себя. Она и Вали были женаты несколько недель. Это были дни карающих зимних бурь, и в замке было особо нечем заняться. Честно говоря, Ольга была удивлена, что Вали сам об этом не подумал.

Убедившись, что Бренне не понадобится ее помощь и что ей действительно нужен был только отдых, Ольга повернулась и положила руки на бедра.

— Оставь нас, пожалуйста, Эха, — сказала она на своем языке деревенской девушке, которая принесла полный кувшин с водой. Девушка кивнула и вышла из комнаты.

Вали проводил ее взглядом и напряженно посмотрел своими голубыми глазами на Ольгу.

— Что-то не так. Скажи мне.

Она не особенно надеялась на ответ — мужчины были абсурдно брезгливы в этом отношении, — но спросила:

— Ты знаешь ее цикл?

Ольга говорила на языке налетчиков, и пустой взгляд Вали сказал ей, что он не понял, поэтому она перефразировала:

— Ты знаешь, когда у нее течет кровь? Женская кровь.

— А. Думаю, да. У нее была кровь прямо перед нашей свадьбой, и сегодня утром она сказала, что кровь снова должна вот-вот пойти.

Ольга была впечатлена тем, что он так много знал. Но они поженились почти два месяца назад, и при осмотре Бренны этим вечером она не увидела никаких признаков ее крови.

— С тех пор ни разу? Ты уверен?

Щеки гиганта стали розовыми, и Ольга улыбнулась. Каково это — познать такую любовь как у них? Казалось, ей было не суждено. Впервые с тех пор, как она была девочкой, Ольга хотела физической, земной любви, но она не могла этого иметь — не так, как она этого хотела. Леиф отказался видеть в ней больше, чем друга. Они видели друг друга, проводили время вместе каждый день, но с того последнего теплого дня на холме, до того, как Вали и Бренна поженились, он едва касался ее, разве что мимоходом.

Ольга все еще могла вспомнить в ярких деталях ощущение его губ и бороды и дыхания на ее коже — на пальцах, на лбу. И прикосновение его мозолистых пальцев к ее щеке.

Низкий рокот голоса, когда он назвал ее красивой.

Как бы ей ни нравилось помогать Вали и Бренне, как бы ей ни было приятно наблюдать, как расцветает и растет их любовь, кроме этого она ощущала еще и зависть.

— Я бы знал, — сказал он. — Мы... наслаждаемся друг другом.

— Ясно. Почему она думала, что ее кровь придет сегодня?

Он покраснел еще сильнее.

— Она была... больной. Ее груди болели.

Плохое самочувствие утром. Головокружение. Потеря аппетита. Боль в груди. Никакой крови в течение двух месяцев. Да, все было так, как она думала.

— Вали, я уверена, что у нее будет ребенок.

Вали побледнел.

— Что?

— Бренна с ребенком. Вот почему она упала. Первые месяцы — это слабые месяцы. Она будет чувствовать себя сильнее — здоровее и лучше — со временем, когда ее живот начнет расти.

— Ребенок? — он посмотрел на свою спящую жену, и улыбка осветила его лицо. Перед ней словно вдруг оказался другой человек. — Ребенок. Конечно! Ха-ха! Это отличная новость!

Он снова повернулся к Ольге.

— Когда?

После некоторых подсчетов, основываясь на словах Вали, Ольга ответила:

— Я полагаю, в середине лета, — ее сердце сжалось. Середина лета. Когда ее новые друзья уйдут, и вся эта жизнь кончится. Когда Леиф тоже уйдет.

Но это было будущее, и время этому еще не пришло. Только этот момент, это настоящее имело значение.

В этом настоящем у нее были друзья, и они радовались своему счастью. Ольга улыбнулась и буквально утонула в крепких объятиях Вали.

Глава 4

Зима продержалась долго — дольше, чем следовало бы — но после нескольких месяцев жестоких штормов они, наконец, увидели признаки летнего рассвета. Вчерашний день был достаточно теплым, чтобы превратить землю в кашу и заставить реку набрякнуть льдинами, пока она почти не лопнула в своих берегах, но на следующий день стало холоднее, и зима снова сковала землю.

Тем не менее, солнце было ярким, и воздух пах скорой весной. Жители замка и деревни оживились. Вали, поехавший в составе группы Леифа на север с патрулем, весь день улыбался, шутя со своими спутниками.

Его друг был человеком, у которого, казалось, было все — большая любовь, хорошие друзья и ребенок, которого ждали уже к лету. Он был спокоен и, казалось, не переживал по поводу опасности, которая ему грозила. А опасность была очень реальна: ярл Эйк Иварссон наверняка так просто не отпустит от себя Бренну Око Бога.

Но у ярла не было бы выбора; Бренна была замужем и носила ребенка, и, даже если Вали захотел бы отказаться от Снорри и поклясться ярлу своей жены — а Леиф знал, что

он этого не сделает — Эйк ее уже потерял. Пока сама Бренна не заявила об обратном, у ее мужа было больше прав на нее.

Эйк увидит в этом предательство — по правде говоря, это и было предательство, отречение от клятвы, которую Бренна дала — и он точно не станет просто стоять и смотреть. Когда придут корабли, их ждут последствия, и они будут значительными.

И все же Леиф не мог пожелать своим друзьям потерять то, что они нашли друг в друге. Он понимал, почему Бренна так прикипела к Вали, почему рискует налечь на себя гнев ярла. Она пришла к Эйку как рабыня и поклялась в верности, чтобы он дал ей свободу. Клятва, данная на таких условиях, конечно, имела свои пределы.

Клятва Леифа была дана безоговорочно. Он вырос в залах Гетланда. Его отец был близким советником Эйка, и после его смерти в бою ярл взял Леифа под свое крыло. Его жизнь была переплетена с жизнью Эйка, как будто они делили одну кровь. Именно ярл устроил его брак с Торил, и он был первым, кто видел всех новорожденных Леифа.

Он не подвергал сомнению свою верность, хоть и не всегда соглашался с выбором, сделанным Эйком, хоть и видел, как человек, которого он любил как отца, становился придирчивым и мелочным, ведь его власть росла, а он не становился моложе. Леиф не мог себе представить, что может произойти, что может заставить его отвернуться от своего господина.

Если бы такая причина существовала, она определенно не была бы связана с чувствами.

Пока его товарищи разговаривали и смеялись, радуясь возвращению из поездки вдоль границы между землями Тумаса и Эйка, Леиф наблюдал, как в небе движется солнце. Он тосковал. Ему нравилось здесь, в Эстландии. Никогда прежде он не знал такой жизни, как эта, спокойной и умиротворенной. Даже когда они готовились к битве, даже когда солнце пряталось за краем горизонта, воздух в замке был полон мира.

И Ольга. За эти месяцы Леиф очень привязался к этой маленькой, чудесной женщине. Она выглядела, как крохотное лесное создание, но с твердым, сильным сердцем. Он постоянно думал о ней, помнил о ней каждый день. И ночью, когда он оставался в одиночестве в своих тихих покоях, в мягкой кровати, к которой ему пришлось привыкать не один месяц, — ее образ пленял и его тело.

Леиф знал, что она не будет против. Он часто видел в ее пленительных темных глазах желание быть ближе. Он почувствовал это, когда забыл о себе и прикоснулся к ней — то, как ее тело двинулось к нему, как будто притянутое его простым прикосновением. Он бы мог дать его ей, если бы только решился...

Но он бы не стал. Ольга стала нетерпеливой и в последнее время часто спорила с ним, одновременно избегая, и он думал, что он знает, почему. Но он не хотел ее брать. Он дал клятву Эйку, и он покинет Эстландию, когда корабли вернутся. Даже если бы он хотел просить Эйка освободить Ольгу или дать ему возможность поселиться здесь и хранить владения ярла в Эстландии, он не стал бы этого делать. Леиф знал, что потеря Ока Бога уже будет достаточным испытанием для его ярла.

Вали спросил его, не думал ли он попросить Ольгу вернуться с ними в Гетланд, и, конечно, он об этом думал. Но его мир был полон войны, а она была женщиной мира. Это было очевидно, когда они были рядом. Ее нежное изящное маленькое тело, ее милое открытое лицо, ее тонкие, бледные руки — и его широкая грудь, покрытое шрамами тело,

скрюченные коряги, которые были его руками. В их неумолимом мире не было безопасного места для Ольги. Так что Леиф не стал бы просить ее присоединиться к нему.

И он не стал брать ее, чтобы потом оставить. Мужчины жестоко обращались с ней — он не будет одним из них.

Он сдержал бы свое слово, и он поступил бы правильно.

~oOo~

Когда они приблизились к замку, Вали, ехавший со стороны Леифа, вдруг издал звук, который был одновременно вздохом и стоном.

— Проблемы, мой друг? — спросил Леиф.

Вали издал смешок.

— Нет. Ничего такого. Просто думаю о Бренне и о том, как она поприветствует меня, когда мы вернемся.

— А. Ее настроение в последнее время меняется, это так. Это бывает, когда ребенок на подходе.

Слушая, как Вали обсуждает беременность своей жены, Леиф чувствовал, как ноет старая рана в груди, но эта боль не была неприятной. Воспоминания имели и горький, и сладкий привкус.

— Видимо, да. Я, кажется, раздражаю ее больше всего, хоть и стараюсь не беспокоить — и она даже не пытается объяснить причину. Она бы сегодня поехала в деревню верхом! С таким большим животом! Когда я сказал, что это будет большая ошибка, клянусь, у нее был такой вид, словно она была готова заколоть меня мечом.

Леиф видел, что Вали сегодня все-таки отправил жену в деревню, на санях, с Тордом и Сигвальдом в качестве сопровождающих, и знал, что эта поездка была результатом напряженных переговоров между беременной женщиной и ее обеспокоенным мужем.

— Это не продлится долго, а потом она будет переполнена любовью к ребенку и к тебе.

Вали ухмыльнулся.

— Я очень надеюсь. Ольга сказала, еще как минимум два месяца. Мне повезет, если к тому времени я еще смогу сохранить голову на плечах.

Был большой шанс на то, что к тому времени вернутся корабли. Вали действительно повезет, если ему удастся сохранить голову на плечах, но Леиф сомневался, что угроза исходит от Бренны.

Он вздохнул и поглядел на приближающийся замок. Опасность шла по пятам за ними. Опасность и потеря.

~oOo~

Она притаилась ближе, чем он думал — чем кто-либо из них думал.

Когда они добрались до замка, старый Орм сказал им, что сани не вернулись. Они должны были вернуться раньше них — задолго до них.

Сани и деревня подверглись нападению. Это были воины принца Ивана, которого они посчитали слишком слабым, чтобы представлять угрозу. Деревня, весь скот и люди, которые там работали, — все погибли. Сигвальд и Торд тоже.

Леиф сидел в мрачном замковом зале и смотрел на огонь, пока в комнате над ним Ольга работала, чтобы спасти Бренну и ее малыша, а Вали, не покидавший места рядом с кроватью, наблюдал, как его семья уходит от него.

Леиф и Торил вместе потеряли четверых своих детей: троих из них в младенчестве, и одного, когда его жизненная нить все еще свисала из ее опустевшего живота. В одиночестве он похоронил дочь, а теперь и их сына Эйнара. Он похоронил Торил и ребенка, который был внутри нее.

Торил и тот, седьмой ребенок, мальчик, а теперь и Эйнар были убиты.

Пока Леиф сидел в зале, среди таких же молчаливых друзей, и спрашивал себя, спасет ли Ольга Бренну и ее ребенка, его ум вернулся в прошлое, к смерти его собственной жены.

Он сражался в сердце Гетланда, отбиваясь от налетчиков, и не знал о своей потере до самого конца, пока не убедился, что Бренна, тогда еще рабыня, спасла детей Эйка и Хильду, его жену, и не вернулся домой.

Сражение было быстрым. У них с Торил был небольшой домик на окраине города, достаточно далеко от длинного дома, и Леиф не думал, что они в опасности.

Он ошибся. И он пришел домой, и там была кровь и смерть, праздновавшая победу.

В эту ночь образ окровавленного тела Бренны сплетался в его памяти с другим образом: Бренна, лежащая в кровавом снегу, и мертвая Торил — в очаге, ее руки все еще прикрывают вспоротый живот, как будто она все еще пытается удержать своего ребенка, чтобы он не выпал.

Кровь все еще была свежей и теплой, внутренности их тел все еще блестели. Если бы он оказался на мгновение быстрее, он мог бы спасти их.

Удар грома потряс стены замка, и Леиф инстинктивно огляделся вокруг. Остальные в зале тоже выглядели удивленными и возбужденными. Гром зимой, даже поздней зимой, был чем-то странным. Сам Тор объявлял о своем присутствии.

Возможно, он пришел спасти ребенка.

Еще один удар молота Тора. И еще.

— Тор сегодня злится, — пробормотал Орм, сидящий рядом. — Плохие дела и печальные новости.

— Да.

Прежде чем Леиф смог сказать еще хоть что-то, затрещала дверь, и он встал. Вали пронесся через зал и понесся к выходу. В руках у него был небольшой окровавленный сверток.

— Значит, все кончено, — вздохнул Орм. — Но что насчет Бренны?

Леиф не ответил; его внимание было обращено к другу, который только что выбежал в ночь, оставив после себя снеженный след. Тор снова вернул зиму.

Леиф последовал за Вали на территорию замка. Другие тоже, но он не обращал на них внимания. Его друг стоял на улице, держа обнаженное, невероятно маленькое тело своего ребенка высоко над головой, пока снег падал на плотные белые простыни, и гром и молния трещали вокруг них.

— ОН ТОРВАЛЬД! — крикнул Вали в сердитое небо. — И ОН ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕБЕ! ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ ОТ МЕНЯ? КАКУЮ ЕЩЕ ЖЕРТВУ ТЫ ОТ МЕНЯ ХОЧЕШЬ? ТЫ УЖЕ ЗАБРАЛ МОЕГО РЕБЕНКА! ТЫ ЗАБЕРЕШЬ ЕЩЕ И МОЮ ЛЮБИМУЮ? ЛУЧШЕ ВОЗЬМИ МОЕ СЕРДЦЕ ИЗ ГРУДИ!

Грудь Леифа болела от горя за своего друга и от воспоминаний о своем горе. Леиф положил руку на спину Вали. Вали развернулся, его коса ударила Леифа по лицу.

— Вали, мой друг. Мой брат. Не искушай богов.

— Мне все равно! Пусть будет, что будет!

Но ему было не все равно. Время притупит потерю, оставит синяки и шрамы там, где теперь живет только боль, и у Вали останется еще, что терять. Не время было призывать Тора, как если бы Вали мог встретиться с богом и победить.

— Твоя женщина еще жива. Ты хочешь отказаться от нее?

Вали молча стоял и смотрел, его дыхание было похоже на звериный рык. Снег покрыл его волосы, брови, бороду, но он ничего не замечал.

Леиф протянул руки.

— Позволь мне забрать твоего сына. Я позабочусь о нем, до тех пор, пока вы не будете готовы попрощаться с ним.

К сожалению, он очень хорошо знал, каково это.

Вали не позволил ему забрать ребенка.

— Бренна захочет его видеть.

Торил хотела видеть свою крошечную дочь, свою первую потерю. Она держала ее на руках много часов подряд, пока тело не остыло и не стало жестким, и Леифу не пришлось насильно вырвать их ребенка из рук жены. Торил ненадолго словно сошла с ума, кричала и била его своими маленькими кулаками. Мысль о Бренне, которую ждет то же самое, заставила кровь Леифа похолодеть.

— Нет. Это вызовет еще больше боли, а она уже и так вынесла много. Я знаю. Она ждала ребенка, она хотела стать матерью. Ей будет тяжело видеть его. Ты должен быть с ней.

Леиф снова поднял руки и долго держал протянутыми. На этот раз, с искаженным от горя лицом, Вали отдал ему своего сына. Он наклонился и взял из снега у ног простыни, и накрыл тело.

Затем он ушел, и Леиф прижал безжизненную ношу к груди.

~oOo~

Долгое время Леиф сидел перед огнем в зале, держа на руках тело ребенка. Он забрал его, чтобы избавить Вали от этой боли, но теперь сам не мог заставить себя ничего сделать.

Так он сидел и держал мертвого ребенка, и старые воспоминания вновь высекали себя в его разуме. Гроза гремела и выла за стенами.

— Леиф.

Удивленный голосом Ольги, Леиф поднял глаза и увидел ее, стоящую на краю тени, что отбрасывало пламя. Он только сейчас заметил, что они одни. Он сидел там дольше, чем думал.

Зал редко пустовал в любое время дня и ночи; он был полон налетчиков и жителей деревни, укрывшихся от зимы. Но тяжелые события этой ночи, должно быть, загнали всех в комнаты.

— Как Бренна?

— Слаба. Она потеряла много крови, прежде чем родила. У нее пробита грудь.

— И разбито сердце, наверняка.

— Нет. Но так будет, если она проснется.

— Если?

Ольга вздохнула.

— Она истекает кровью внутри, где я не могу ей помочь. Только ее собственная воля может спасти ее сейчас. И Вали, возможно. Он не отходит от нее, — она наклонила голову к нему. — У тебя ребенок.

— Да. Я обещал Вали, что буду присматривать за ним.

— Идем, — она шагнула вперед. — Мы уложим его в хорошее место, пока отец не будет готов.

Леиф встал и пошел за ней на кухню. Он встал с ребенком возле покосившегося камина, а Ольга сняла с крючка в стене и поставила на длинный, покрытый царапинами стол большую корзину. Из сундука она достала чистое покрывало и уложила его внутрь корзины, наполнила чашу с водой из бочки и принесла ее к столу. Затем подошла к Леифу и протянула руки. Она хотела забрать ребенка.

Как только его маленькое тело оказалось у нее на руках, она прижала его к себе и сняла окровавленную одежду. Леиф наблюдал, как Ольга отнесла мальчика к столу и обмыла его, а затем запеленала в свежую чистую простыню.

Потом она положила тело ребенка в корзину и коснулась пальцами его тонкой бровки.

— Можешь дать мне вон те две связки трав? — спросила она, повернувшись к Леифу.

Он поднял голову, чтобы увидеть, куда она указывает, и снял с полки две ароматных связки сушеных растений: одна из обычной травы, вторая — из растений с нежными фиолетовыми цветками на тонких стеблях. Он подал их Ольге.

Она вытащила несколько травинок и сплела их вместе.

— Они что-то значат? — спросил Леиф тихо. Он чувствовал почтение и уважение к происходящему.

Ольга погладила пальцем по бледно-зеленым листьям.

— Это очищает ауру и защищает дух.

— А что насчет цветка?

— Это известно как анютины глазки (*прим. английское название цветка анютины глазки «heart's ease» буквально переводится, как «исцеление сердца»*). Чтобы снять тяжесть печали.

Она положила косичку из трав внутрь простыни, на грудь Торвальда.

— Как он может чувствовать печаль?

— Они не для него, а для тех, кого он оставляет.

Мысль о потере Вали и Бренны заставляла сердце Леифа рваться на части, и он вздохнул и опустил голову на руки на столе рядом с корзиной. Ольга подошла к нему и положила руку на его плечо

— Ты знаешь эту потерю, ты сам терял.

— Да, — был его ответ. Он не смог бы передать словами то, что чувствовал сейчас.

Сжав пальцы, Ольга отпустила его плечо и подняла корзину. И снова Леиф последовал за ней. Она принесла ребенка в комнату за пределами зала, где они проводили свой досуг. В той комнате был стол, исчерченный странными отметинами. После нескольких месяцев раздумий они решили, что эти знаки означают саму Эстландию.

Ольга поставила корзину в центре этого стола, и он стал своеобразным помостом.

Они стояли рядом и смотрели на милое, совершенное лицо крохотного ребенка, покинувшего этот мир.

— Я тоже знаю эту потерю, — сказала Ольга после долгого молчания. — У меня был мальчик. Мой муж избил меня, пока я носила его, и мой сын родился слишком рано. Кажется, я не могу иметь больше детей.

Леиф повернулся и изучил ее тонкий профиль. Она пережила столько насилия, и все же хранила покой. Он не мог понять, как.

— Мне очень жаль.

— Таков порядок вещей. И теперь человек, который избил меня и убил моего ребенка, умер. Мир хранит равновесие.

Она вышла из комнаты и вошла в залу. Леиф последовал за ней к камину и снова встал рядом. Как будто он не мог от нее уйти. Он должен был... но он хотел другого, и сегодня хотел этого отчаянно, и знал, что должен отказаться от этого своего желания.

Ольга повернулась и поглядела на него своими чудесными, красивыми глазами, и решимость Леифа пошатнулась. Ему было одиноко. В эту печальную ночь он чувствовал себя опустошенным и больше всего на свете хотел обнять Ольгу и прижать к себе. Он хотел почувствовать ее, наполнить ее, соединиться с ней и почувствовать *себя* наполненным и живым.

Как будто читая его мысли, Ольга подняла руку и погладила бороду. Легкая нежная улыбка осветила ее лицо. Ее прикосновение пронзило его как молния, и Леиф схватил ее за запястье. То, что было между ними, не изменилось. Они не могли быть по-настоящему вместе, и он не мог просто использовать ее.

— Ольга, нет. У меня здесь нет будущего. Я не возьму тебя, если не смогу сделать своей.

Она вырвала руку.

— Мужчины! Ты всегда говоришь о том, что не намерен что-то брать. А как насчет давать?

Ее взрыв потряс его.

— Что ты имеешь в виду?

Вместо ответа она взяла его руку в свои. Повернула ладонью вверх и проследила пальцами по жесткой коже. Это простое прикосновение заставило Леифа замереть, а его твердость стала просто железной.

Ольга склонила голову и прижалась губами к центру его ладони, и Леиф оказался в шаге от безумия.

— Ольга, — застонал он.

— Никому не было дела до того, чего я хочу. Они брали только то, что хотели. Даже ты никогда не думаешь о том, чего я хочу.

Это было неправдой и несправедливостью. С обидой Леиф попытался вырвать руку, но она не позволила, и он сдался. Ольга подняла глаза и посмотрела ему в лицо, ее лоб был нахмурен.

— Это правда, Леиф. Ты делаешь выбор за меня, как и любой другой мужчина. Разные варианты, но они твои, а не мои. Ты думаешь, что спасаешь меня — от разочарования или печали, или, возможно, от одиночества. Но никто не может быть спасен от этого. Это жизнь. И мне одиноко.

Ольга отпустила его руку и подошла еще ближе, положив ладони ему на грудь. Леиф почувствовал тепло ее тела и не смог справиться с собой. Он положил руки ей на талию. Коснулся ее. Ее талия была такой тонкой, что он почти мог обхватить ее двумя руками.

— Ты говоришь, что не возьмешь меня и не оставишь потом. Вот, что думаю я: ты всегда говоришь о том, чтобы брать, и никогда — о том, чтобы давать. Мужчины брали меня, но я им себя никогда не отдавала. Это то, что можно отдать, только если захочешь сам.

Ее пальцы скользнули в вырез его туники, развели ткань, обнажив его грудь. Она, казалось, намеренно пристально рассматривала кончики своих пальцев, играющие в волосках на его груди, и Леиф закрыл глаза и попытался справиться с дрожью от прикосновения.

Ольга снова заговорила, ее голос был низким, почти рассеянным.

— Никто никогда не спрашивал меня, чего я хочу. *Ты* никогда меня не спрашивал. Никогда раньше у меня не было шанса захотеть. Теперь он у меня есть. Я *хочу* отдать себя тебе. Я хочу, чтобы *ты* отдал себя мне. Раньше я была слишком молода, чтобы понимать, но теперь я хочу знать, каково это.

Когда она замерла — ее пальцы и ее слова — Леиф открыл глаза и встретился с ее взглядом.

— Тебе все равно? — спросила Ольга.

— Мне не все равно. Боги, да, мне не все равно. Но, Ольга, скоро я уйду. Я не могу остаться, — он всегда думал об этом, и это была важная причина. — Я не могу.

— Ты никогда не думал о том, что я могу уплыть тоже?

Думал. Часто. Но она была такой маленькой, такой нежной.

— Мой дом — суровое место. Только сильные смогут там выжить.

— Ты думаешь, мой дом — это спокойное тихое место? Что я слабая?

Леиф знал, что она сильная. В эту самую ночь она показала свою силу. Чтобы прожить жизнь, которая у нее была, Ольга должна была иметь настоящее мужество. Но он считал ее хрупкой. Почему? Потому что она была маленькой и легкой? Сила ее рук имела значение?

Нет. Сила ее сердца имела. Ее храбрость.

Этот мир, ее дом, был почти таким же суровым, как и его собственный. Только их маленький уголок, до этой ночи, казался другим.

Разум Леифа осветился этой новой возможностью.

— Ты хочешь уехать со мной?

— Я думаю, — сказала Ольга, касаясь его груди и шеи там, где могла дотянуться, — что если кто-то спросит, чего я хочу, мой ответ будет такой: я хочу быть с тобой. Где бы ты ни был.

Леиф провел руками вверх от ее талии, погладил спину. Никогда прежде он не позволял себе так прикасаться к ней, чувствовать ее, не сопротивляясь воздействию прикосновения. Пока они смотрели друг другу в глаза, его руки поднимались к ее плечам, а затем к ее лицу. Он ухватил ткань ее платка и потянул. Платок соскользнул с темных волос, и Леиф ухватился за косу на ее затылке и взял ее в руку. Тяжелые волосы упали ему на руку.

Он никогда не видел Ольгу с распущенными волосами, и сейчас так сильно хотел это увидеть. Увидеть, почувствовать *ее*.

Эту женщину.

Она подверглась насилию. Была рабыней. Лишилась семьи. И все же у нее не было злобы в сердце. Спокойствие окружало ее. Даже когда она носила веревку на шее, она была такой. Ольга жила среди людей, которые терзали ее, которые убили многих из ее народа, и она сделала их своими друзьями. Ее спокойствие вселяло мир в людей рядом.

Она давала Леифу покой. Она исцеляла его сердце.

Может ли он взять ее с собой? Может ли привести ее в Гетланд и начать с ней новую жизнь? Было ли это справедливо по отношению к ней? Достоин ли он ее?

Леиф не знал. Но он услышал слова, которые она сказала, желание, которое она выразила. Намерение.

— Ольга, — пробормотал он, обвивая ее косу вокруг руки. — Я не хочу, чтобы тебе снова было больно.

— Тогда не причиняй мне боли, — прошептала она и поднялась на цыпочки.

И тогда Леиф наклонился к ней и поцеловал ее раскрытые губы.

Глава 5

Теплые губы Леифа мягко коснулись ее, и Ольга вздохнула от этой ласки. Он отстранился, чтобы откинуть волосы назад, и вернулся, запечатав ей рот влажным поцелуем. Под напором его языка Ольга разомкнула губы.

Между ними больше не было сомнений. Леиф застонал ей в рот, его руки сжались вокруг нее. Ольга обхватила его руками за шею и сжала в кулаки его длинные волосы. Когда она потянула за них, он издал животный рык, дикий и жадный, а затем ее ноги оторвались от пола. Он выпрямился и поднял ее над землей, Ольга повисла на его теле.

Мужские губы касались ее и раньше, но никогда — так. Все, что делал Леиф, казалось, было одной просьбой. Он просто звал ее за собой. И она откликнулась на этот зов. Их языки скользили вместе, их головы двигались, и оба они сразу подхватили ритм, который, хоть и касались они друг друга впервые, уже был известен обоим.

Он снова застонал ей в рот, застонал только для нее. Леиф подхватил ее под ягодицы, прижимая к себе, и простая чувственность этого движения шокировала ее.

Ольга ахнула. Поцелуй прервался, Леиф открыл глаза. Они были синие, как самая глубокая часть моря. И горели страстью.

— Это то, чего ты хочешь?

Ольга кивнула и потянула его за волосы, желая, чтобы его губы снова коснулись ее.

— *Jah*. Давать, а не брать.

— Да, — он поцеловал ее снова, не отпуская, когда повернулся и направился к дверям, за которыми был коридор, ведущий в его комнату.

— Нет. Моя комната, — попросила она. — Чтобы Вали мог найти меня, если я понадобится.

Леиф остановился, и в выражении его лица Ольга ясно прочла его мысли.

— Да, — сказал он, — сегодня было так много горя. Возможно, это не...

— Тише, — перебила она, понимая, что он хочет сказать. — Сейчас самое подходящее время. Это место нуждается в исцелении. То, что между нами, — хорошо. Ты чувствуешь это, не так ли?

— Да, чувствую.

— Тогда сейчас самое время.

Они заглянули друг другу в глаза. Ольга искала в глазах Леифа сомнения, но не нашла. Он был с ней.

Он повернулся и пересек холл, неся ее в ее комнату.

~oOo~

— Ты заслуживаешь комнату побольше, — сказал Леиф, устанавливая засов на ее двери.

Ольге нравилось ее маленькое уютное пространство — намного меньше, чем покои Леифа, Вали, Бренны и других налетчиков, но более роскошное, чем любой дом, который у нее был раньше, даже включая солдатскую казарму ее мужа. И поскольку комната находилась недалеко от кухни, здесь было теплее, чем в более роскошных покоях наверху. Каменные стены притягивали и удерживали жар очага.

Комната Ольги была лучше, чем у большинства ее соплеменников. Большинство спали все вместе в больших комнатах, предназначенных для благородных. Этот маленький уголок принадлежал только ей.

— Мне нравится эта, и я заслуживаю не больше, чем мне нужно.

Прежде чем она успела обернуться, Леиф оказался позади нее, его высокое твердое тело было словно стена у ее спины. Он поцеловал ее в плечо, и она почувствовала, как его пальцы слегка скользят по ее бедру, а затем ощутила мягкий рывок, когда он поднял ее косу и развязал полоску ткани, которая удерживала волосы сплетенными.

Медленными, нежными прикосновениями он расплел косу до самой ее головы, а затем расчесал своими сильными пальцами ее длинные локоны, слегка царапая кожу. Ольга вздохнула и оперлась лбом на дверь, поддавшись чувству легкого расслабления от этой ласки.

— У тебя прекрасные волосы, — его голос был низкий, словно Леиф говорил сам с собой.

Ольга часто отмечала явное увлечение налетчиков уходом за волосами и прическами. Несмотря на то, что во время битвы они часто бывали испачканы кровью врагов, в мирное время и при подготовке к войне налетчики очень заботились о своем внешнем виде.

Они регулярно и тщательно чистили свою одежду и доспехи. Они часто мылись — чаще, чем большинство людей ее народа — и чистили зубы. И, как мужчины, так и женщины, они ухаживали за своими волосами. У них было много разных стилей, и они укладывали и расчесывали, и подстригали, и заплетали, и украшали бисером волосы на голове, а мужчины — еще и бороды. Почти каждый мужчина имел бороду. Некоторые были более впечатляющими, чем другие, но мало кто брил подбородок гладко.

Их косы часто были произведениями искусства. Вали выбривал голову по бокам и заплетал волосы в две косы, скручивая эти косы вокруг друг друга, чтобы они висели за спиной. Его волосы были почти такой же длины, как у Ольги. Бренна в мирные дни просто закручивала волосы в узел, но Ольга видела, как она одевалась на войну, и в те дни толстые косы ее были сплетены особым образом.

Волосы Леифа были гладкими, длинными и прямыми. Ольга никогда не видела, чтобы они выглядели иначе. За исключением случаев, когда он был покрыт кровью после боя, он всегда был чистым, гладким и блестящим.

Ей показалось забавным, что человек из мира, где волосы, казалось, так много значили, поразился виду ее самых обычных темных волос. Но он стоял, пропуская пряди сквозь пальцы, поднося их к лицу, чтобы потереть о щеку.

Он откинул волосы с ее плеча, провел руками вниз по ее рукам и развязал фартук у нее на талии. Ольга стояла с закрытыми глазами, все еще упершись лбом в дверь, чувствуя по движению тела Леифа, как он отбросил ее фартук. Затем его руки обхватили ее талию, и он развязал тканый пояс юбки. Леиф отбросил и его, и юбка, которая обвивалась вокруг ее тела и держалась с помощью пояса и фартука, упала к ее ногам.

Ольга смутилась. Сегодня она надела только длинную расшитую рубашку, шерстяные нижние штаны и маленькие кожаные ботинки. Никто не раздевал ее раньше, никто не раздевал ее так долго, так нежно, трепетно. Когда руки Леифа вернулись к ее шее и его большие пальцы начали разминать мышцы плеч, она задрожала.

Он почувствовал дрожь и остановился.

— Ты действительно этого хочешь? — спросил он еще раз, уткнувшись ей в ухо.

Ольга развернулась и прижалась спиной к двери. Леиф нависал над ней, закрывая мир вокруг.

— Да. Я хочу этого. Тебя.

Он поднес свои огрубевшие пальцы к ее щеке.

— *Sa oled mulle ... kallis...väga.*

Ольга накрыла его руку своей и улыбнулась.

— Ты тоже мне дорог.

С ответной улыбкой Леиф сделал шаг назад и расстегнул ремень. Он отбросил его в сторону с тем же спокойствием, с которым снимал одежду с Ольги, и снял через голову синюю шерстяную тунику, запятнанную кровью этой горькой ночи. Его волосы рассыпались по обнаженным мускулистым плечам.

Ольга видела обнаженную грудь Леифа несколько раз до этого, когда он тренировался с другими мужчинами в зале, но тогда она держалась на расстоянии, зная, что он не хочет ее, и не видя причин мучить себя еще больше.

Теперь он стоял в нескольких дюймах от нее, Золотой гигант. Ольга провела руками по твердой груди, покрытой темными кудрями и множеством шрамов.

Так много шрамов. Никогда прежде, даже когда кровь капала с его бороды, она не осознавала так ясно жестокость его жизни.

И все же он был прекрасен.

— *Sa oled ilus,* — вздохнула Ольга, не понимая, что говорит на своем родном языке.

От смеха голос Леифа стал звонким:

— Не такой красивый, как ты, — ответил он.

Она провела пальцем по длинному шраму над его левым соском. Тяжелая рана оставила этот шрам так близко к сердцу. Сколько раз он чуть не умер?

— Могу и я тебя увидеть? — спросил Леиф, уводя ее от этой темной мысли.

Она никогда не была полностью голой с мужчиной. Даже в загоне для пленных. Леиф забрал ее оттуда до того, как она подверглась такому же насилию, как и остальные, и она сохранила большую часть своей одежды. Ее муж никогда не интересовался какой-либо ее частью, кроме той, что между ног, и никогда не находил времени, чтобы раздеть ее — хотя бы раз.

Застенчивость охватила Ольгу. Но она сама этого хотела. Она хотела, чтобы это произошло. И она развязала ленту на шее и расстегнула рубашку, так что она спала с плеч.

Леиф откинул ее волосы назад, а затем зацепил пальцами ткань рубашки, помогая ей сползти вниз. Он присел перед Ольгой на корточки и снял с нее штаны. Потом помог снять поочередно обувь сначала с одной ноги, потом с другой. И вот Ольга осталась перед ним нагая. Только ее тело — и больше ничего.

Все еще сидя у ее ног, Леиф поднял глаза. Ольга наклонила голову и смотрела, как его глаза поднимаются вверх по ее телу, пока они не встретились с ее глазами. Леиф улыбнулся.

— Ты действительно сокровище.

Поднявшись, он снял сапоги и сбросил штаны. Теперь они были наги оба.

Ее глаза и руки изучали его, и он замер и позволил им. Взгляд и руки Ольги скользили по твердым мышцам его живота, по гладкой поверхности бедер, по крепким ягодицам, затем вниз по мышцам ног. Темные рыже-золотистые волосы покрывали его ноги и поднимались к толстому жезлу его мужественности. Он был толстый, длинный и гладкий.

Ольга видела много мужских жезлов, но они были либо мягкими — у больных людей, нуждающихся в исцелении, либо твердыми — но тогда их обладатели причиняли ей вред. И только сейчас Ольга почувствовала любопытство и желание, и еще кое-что, что всколыхнуло ее грудь и заставило глубоко вздохнуть.

— Ты коснешься меня рукой? — спросил Леиф, его голос гремел, словно ручей по камням.

Ольга подняла взгляд и посмотрела в его синие глаза.

— Ты этого хочешь?

— Да. И еще прикоснуться к тебе. Хочу, чтобы мы прикасались друг к другу.

Она всегда чувствовала, что связь между двумя людьми, которые небезразличны друг другу, могла отличаться от того, что она знала. Всю свою жизнь она видела женщин, которые искали внимания мужчин, и она не понимала, что они ищут. Здесь, в замке с этими дикими налетчиками, деревенские девушки иногда уходили вечером с более чем одним мужчиной и хихикали при этом.

В последнее время Ольга делала довольно много особого чая для девушек, которые хихикали.

Она подняла руки Леифа и положила их себе на талию. Сразу же эти широкие твердые ладони скользнули по ее животу и ребрам, пока не накрыли ее грудь. Ольга задохнулась, и спина ее выгнулась; прикосновение, казалось, тянуло ее тело к телу Леифа. Он провел пальцами по соскам, которые стали такими чувствительными, и она застонала. В ее животе что-то затрепетало, и маленькие мышцы между ног напряглись, а затем расслабились.

— Потрогай меня, Ольга, — хрипло попросил он, наклоня голову к ней. — Прикоснись ко мне.

Когда губы Леифа накрыли ее губы, и его язык скользнул между ее зубами, она коснулась его, обхватив его длину двумя руками. Леиф застонал словно от боли, его жезл дернулся в ее руках.

Внезапно все стало по-другому. Между ними, в ее жизни, в ее желании все стало по-другому.

Его руки покинули ее грудь и опустились к талии. Он поднял ее, пока их языки еще сплетались в танце страсти, и руки Ольги еще ласкали его. Она отпустила его, когда оторвалась от пола, и Леиф разорвал поцелуй.

— Обними меня ногами.

Она сделала так, как он попросил — или приказал, теперь это не имело значения — обвила его ногами вокруг талии, обвила его руками за шею. Он держал ее крепко, и она чувствовала прикосновение его жезла к своим ягодицам. Она никогда раньше не занималась этим так, но внизу было горячо и влажно, и она уже не боялась.

Она совсем не боялась. Она хотела его так сильно, что извивалась в его руках, заставляя их обоих дышать резко и хрипло.

— Я не хочу причинять тебе боль, Ольга, — сказал Леиф тихим низким голосом, подходя к ее кровати. — Ты такая маленькая.

Леиф всегда говорил ей, какая она маленькая. Пока эти странные большие люди не завладели ее жизнью, она не считала себя маленькой. Тощей — да, но не маленькой. Но теперь, находясь в его огромных руках, у его широкой груди, с бедрами, разведенными так широко, она действительно чувствовала себя крошечной.

И теперь, понимая значение его слов, Ольга почувствовала, как нить трепета вплетается в ее желание. То, что она держала в руках, наполнило бы ее до дна, и оно было больше, чем она могла принять. Она уже знала боль от этого, и это никогда не могло стать удовольствием.

Ольга посмотрела Леифу в глаза и позволила ему увидеть ее страх. Но он улыбнулся.

— Если ты хочешь этого, я знаю способ. Но главной будешь ты.

— Я... Я не знаю как.

— Я тебе сейчас покажу, — он уселся на краю ее кровати. Ольга поняла, что даже ее кровать слишком мала для него. Если бы он решил лечь, его ногам не хватило бы места.

Не отпуская ее, Леиф уселся поудобнее и оперся спиной на изголовье. Ее ноги оказались зажаты его спиной, но вот он приподнял ее бедра, и она подогнула ноги под себя. Медленно Ольга опустилась на колени, оседлав его бедра.

Ей показалось, что она уже поняла, чего он от нее хочет.

— Вот так? — спросила она.

— Вроде этого. Ты сама выберешь, когда остановиться.

Леиф провел рукой между ними, между ее ног, и коснулся нежными кончиками пальцев ее складочек, затем между ними, его путь был гладким, скользким и влажным. Такое нежное прикосновение было ей незнакомо, и Ольга задрожала и захныкала — и почувствовала, что там становится еще влажнее и горячее.

— О, — Леиф вздохнул с облегчением. — Ты готова. Ты такая влажная. Ты хочешь этого.

На этот раз это не вопрос. Просто слова. И они были верными. Ольга кивнула.

— *Jah. Jah.*

Он взял свой жезл в руку и помог ей медленно на него опуститься, удерживая ее другой рукой.

Ольга медленно — не потому что боялась, а потому что хотела ощутить его, — опустилась и приняла его в себя. Леиф снова ухватил ее за бедра, пальцы сжались, но он позволил ей двигаться самой и не заставил ее взять его быстрее, чем она хотела.

Ольга замерла, почувствовав, как кончик его длины прижимается к ее входу. Она открыла глаза. Леиф смотрел на нее, его глаза горели огнем. Она наклонилась вперед, вздрогнув, когда ее легкое движение переместило его еще глубже, и поцеловала его.

На долгие мгновения время остановилось. Все, что осталось в этом мире, — сплетение их языков и ощущение его тела в ее. Она замерла, и он тоже не двигался. Ольга завязала золотой шелк его волос на пальцах и поцеловала его снова, лаская губами его губы, позволяя его жесткой бороде царапать ее кожу.

Когда боль нужды внутри нее стала слишком острой, она не смогла больше оставаться на месте. Ольга не думала об этом; она просто двигалась так, как хотело ее тело, позволяя Леифу входить так глубоко, как она могла принять. Они целовались, и она двигалась на нем, и их дыхание становилось все громче и громче, пока ее бедра не начали гореть от напряжения, а дыхание Леифа не превратилось в звериные стоны, наполнявшие ее рот.

И ох, что происходило внутри нее. Она знала ощущение мужчины, но не знала, что оно может быть таким. Не было никакого давления, никакой боли, никакого стыда. Там было только желание, бурлящее наслаждение, жажда. Тело горело, желание становилось все сильнее, и она хотела большего, намного большего, того, чего еще не имела.

Дело было не только в их соитии. Его язык, его борода, резкое хрипкое дыхание, ее собственное дыхание, волосы в ее руках, боль от его пальцев, сжимающих ее плоть — все это было частью большего, часть того, что она больше не могла вынести.

Как раз тогда, когда ее потребность стала настолько велика, что она потеряла контроль над движением бедер и дыханием, Леиф с рычанием разорвал поцелуй и потянул ее назад, взяв контроль в свои руки. Он не прервал ее отчаянную скачку, но замедлил ее, а потом наклонился и поймал ее правый сосок ртом, сжав его губами.

Ольга так сильно выгнулась назад от взрыва удовольствия, что опустилась вниз, почти полностью забрав его в себя. И все-таки ей было нужно больше, чем она имела. Их соединения было недостаточно. Хватки его рук было недостаточно. Даже его прекрасного рта, его бороды на ее груди было недостаточно. Она не знала, что ей нужно.

Но он знал. Она знала, что Леиф знает.

— Возьми меня! — ахнула она.

Он выпустил ее сосок, и Ольга захныкала от жажды ласки.

— Ольга? — она слышала в его голосе ту же нужду.

— Возьми меня. Пожалуйста. Пожалуйста. Мне нужно. Я не знаю. Возьми меня. Нас. Возьми нас, — слова приходили к ней вразброс.

Но он понял ее. Он взял ее на руки и перевернул. Теперь она лежала на спине, в положении, которое хорошо знала, но лицо Леифа, глядящего на нее с ласковой осторожностью сквозь занавес золотистых волос, — это было ново.

Он поцеловал ее и начал двигаться, медленно и очень осторожно, но Ольга не хотела медленно, и когда она стала извиваться под ним, вонзая ногти в его спину, он стал двигаться быстрее.

Это было то, что ей было нужно, — давление его тела, шанс почувствовать и перестать думать. Сдаться. Отдать себя. Дать самой. Сделать выбор.

Он снова оторвался от ее губ и посмотрел ей в глаза, и то, что она увидела в них, было концом и началом ее жизни.

Освобождение обожгло Ольгу жаром и холодом, заставляя ее тело напрягаться и расслабляться снова и снова в череду спазмов, и когда его рот снова накрыл ее рот, заглушая звук, она едва осознала, что почти кричит.

Его тело замерло, пока она дрожала и трепетала, а потом Леиф опустился на кровать рядом с ней. Они слушали хрипкое дыхание друг друга и лежали так — долго, пока приходили в себя.

Это не было похоже на то, что происходило с ней раньше. Это был едва ли тот же самый физический акт. Это было то, ради чего объединялись хихикающие девушки и их мужчины. Теперь она поняла.

Более того, она поняла, что так сильно сближало Бренну и Вали. Не просто соединение. Связь.

Леиф медленно вышел из нее, его глаза не отрывались от ее лица.

— Все хорошо? — спросил он.

Чувствуя себя наполненной и одновременно пустой, счастливой — так сильно, что это было даже больно, она повернулась к нему лицом и провела пальцами по его бороде.

— Все хорошо. А ты как?

— *Sa oled mulle kõige olulisem.* — Леиф поцеловал кончик ее носа.

Ольга прижалась к его груди, чувствуя макушкой его подбородок.

Он тоже был для нее важнее всего в мире.

~oOo~

На следующий день Ольга стояла у окна в комнате Бренны. Бренна спала, укутанная в меха, ее бледное лицо резко выделялось на фоне темной медвежьей шкуры.

Грудь Бренны спокойно поднималась и опадала, но дыхание было частым. Ольга волновалась. У Бренны все еще шла кровь — после родов, после падения, после земля знает, чего еще. Кровь текла не только из женского места, но внутрь Ольга заглянуть не могла. Она капала столько целебного напитка, сколько могла, в сухой рот Бренны, пытаясь сохранить ее жизнь, но знала, что если кто и может помочь Бренне, то только она сама.

Торвальда не смогли похоронить — земля была слишком мерзлой, чтобы принять его. Вместо этого Леиф и несколько налетчиков соорудили небольшой погребальный костер в лесу недалеко от стен замка, и Вали принес корзину с сыном к этому костру, чтобы проводить его в другой мир, которому налетчики придавали столько значения.

Ольга открыла ставни, впуская холод. Из этой комнаты она могла видеть маленький костер. Вали выбрал это место, потому что эти окна выходили на небольшую поляну, где он, и Леиф, и почти все налетчики и несколько жителей деревни теперь стояли, окружив костер, с неподвижными, склоненными головами.

Ольга наблюдала, как Вали ставит корзинку с сыном на сложенный костер. Когда он отошел на шаг назад, заговорил Орм, старший из налетчиков. Ольга могла слышать его речь, но не различала слов. Затем Леиф вышел вперед с факелом, но Вали остановил его, положив руку на его руку, и забрал факел. Он сам поджег костер своего сына.

Когда Ольга, наконец, закрыла ставни, опасаясь, что в комнате стало слишком холодно для Бренны, Вали и Леиф все еще стояли, теперь одни, наблюдая за угасающим пламенем.

Торвальда не стало.

~oOo~

Вскоре после этого Вали вошел в комнату. Он был воплощением печали — опущенные плечи, усталое лицо, блеклый взгляд.

Ольга повернула Бренну на бок, чтобы помассировать ей спину, стараясь не причинить боли и одновременно вытолкнуть кровь из легких. Несмотря на то, что Бренна застонала во сне, ее дыхание стало более ровным, и Ольга оставила ее так, лежа на боку. Она подошла к Вали и положила руку на его руку.

От него сильно пахло дымом. Не осознавая ее близости и ее прикосновения, он спросил:

— Почему она не просыпается?

Ольга вспомнила, когда он последний раз задавал ей этот вопрос: когда Бренна упала в обморок и слетела с лошади. Но тогда причина была радостной. Его семя укоренилось в ней.

И вот, младенец, выросший из того семени, поднялся в воздух, как дым и дух, и Бренна лежала слабая и бледная, как пепел.

— Этот сон помогает ей выздороветь, Вали. Хорошо, что она не просыпается, пока не станет достаточно сильной, чтобы перенести свою потерю.

— Нашу потерю.

Ольга не стала спорить. Он не мог понять, насколько больше потеря Бренны, чем его собственная. Она просто сжала его предплечье, и когда он прошел мимо нее и сел у постели жены. А потом просто собрала использованные полоски ткани, которыми перевязывала раны и впитывала кровь, и оставила Вали и его любимую в покое.

~oOo~

Когда Ольга поздно вечером спустилась по задней лестнице, решив проведать Бренну, Леиф вышел из тени и встретил ее у подножия. Он обхватил рукой ее за плечо и притянул к себе.

— Я скучал по тебе сегодня.

За исключением времени, когда Вали захотел остаться с женой один, Ольга провела почти весь день с Бренной. Она не хотела, чтобы ее друг проснулась в одиночестве, и когда Вали был там, ее присутствие, казалось, и ему давало утешение. Но ночью, когда он захотел раздеться и лечь на кровать к Бренне, Ольга их оставила.

Она устала и была грустна, но Леиф заставил ее кровь забурлить, и Ольга почувствовала, что краснеет.

— Я думаю, она исцеляется. Ее дыхание сегодня мягче.

Он шагнул вперед, осторожно прижимая ее к стене.

— Это замечательно. Потерять ее — это было бы слишком.

И не только для Вали. Их союз объединил замок, как большая легенда, частью которой они все стали.

Когда Леиф наклонил голову, Ольга положила руки ему на грудь и удержала.

— Леиф, мне кажется...

Он нахмурился.

— Ты сожалеешь о том, что мы сделали?

Она оставила его спать в своей постели до рассвета тем утром. Его рука так удобно лежала на ней, а тело так уютно прижималось к ее телу, что ей стало жалко будить его.

Никогда еще она так не жалела, что приходится вставать рано.

— Нет. Ни разу. То, что мы сделали, для меня много значит, и я надеюсь, что это еще не все. Но я думаю... возможно, сейчас не время. Не время показывать всем... перемены между нами.

— Ты сказала, что замку нужно что-то хорошее.

— Исцеление, конечно. Мы принесли его в этот дом, и это хорошо — не только для нас. Но скорбь должна пройти. Когда пройдет горе, настанет время поделиться нашей радостью.

Они были одни на лестнице, и, быстро оглядевшись, Леиф наклонил голову и прижал губы к ее шее. Ольга почти молча застонала и положила руку ему на голову.

— Тогда я приду к тебе незаметно. Ночью, — пробормотал он, щекоча ее кожу своим дыханием и бородой.

— *Jah. Oh, jah.*

Леиф отступил назад с улыбкой и поднес ее руку к губам.

— Не запирай сегодня дверь.

Потом он повернулся и оставил ее, а Ольга застыла на ступеньке, чувствуя, что дрожит.

Глава 6

Вали взревел и смахнул со стола на каменный пол чашки и свечи в подсвечниках. Вскочив со стула, он опрокинул и его на пол.

— Я устал от этих разговоров! Я хочу пойти на юг! Иван должен заплатить!

Они не ожидали нападения принца Ивана. Его владения были бедны и слабы, налетчики были намного сильнее. Они сосредоточили свои силы на севере, там, где правил Тумас, у которого была хорошо вооруженная армия и богатые земли, и который враждовал с Владимиром, но они не ожидали неприятностей зимой. Сидя в заметном снегом замке они думали о зиме, как о главной беде. Постоянно патрулируя северные границы, они думали — и все еще ждали — что, когда погода станет чуть мягче, Тумас отправит к ним большое войско.

Они почти забыли об Иване. Тот послал совсем небольшую группу лазутчиков — и они принесли им смерть.

И теперь деревня была разрушена, погибло почти все поголовье скота, и они потеряли нескольких хороших людей, как из своего отряда, так и из деревенских.

Для Вали, однако, это дело было гораздо более личным. Его жена, правда, пришла в себя, но была сильно ранена и страдала, а его ребенок погиб. Леиф очень беспокоился, что его друг поедет к Ивану в одиночку, если это совещание не закончится решением, которое его устроит.

Но эта идея была безумием.

Леиф спокойно поднялся из-за стола.

— Ты не будешь отмщен, если мы проиграем, Вали. Никто из нас не будет. Мы уже достаточно потеряли — и если потеряем больше, потеряем все. Небольшая группа, о которой ты говоришь, может пробраться в замок Ивана, но наше нападение может побудить его заключить союз с Тумасом. А потом мы потеряем наших лучших бойцов и останемся один на один с врагами. Если это произойдет до прибытия кораблей, нам конец. Снег еще глубокий. Они не могут напасть на нас с серьезной армией так же, как и мы не можем напасть на них. Лучше дождаться оттепели и встретиться с Иваном лицом к лицу, прежде чем он объединится с Тумасом.

Вали снова взревел, на этот раз хлопнув кулаками по столу.

— Я буду действовать! Я не собираюсь просто сидеть здесь, пока он дышит, а мой сын — нет!

— Это дело важнее, чем твоя личная потеря, Вали. Вы с Леифом — наши лидеры, и вы должны думать обо всех нас, — заговорил, сидя рядом с Вали, Орм. Его голос был низким и спокойным, но Вали повернулся к нему так, будто он кричал.

В какой-то напряженный момент в комнате не было слышно ни звука, кроме дыхания мужчин и Астрид, которая тоже села с ними за длинным столом, чтобы обсудить планы возмездия.

Леиф ненавидел стол, на котором на золотом подносе когда-то стояла голова его сына. Ни разу он не сидел за этим столом и даже не проходил мимо него, не увидев этого зрелища снова — и каждый раз словно своими глазами. Он бы с радостью разрубил стол на куски и сжег, но это был единственный стол в замке, достаточно длинный, чтобы посадить всех, кто намерен был участвовать в их обсуждениях — в таких, как это.

Но для остальных стол был просто столом из дерева. И потому Леиф отодвигал прочь свою боль и часто сидел здесь, проводя собрания.

Вали тоже нужно было найти в себе эту силу.

Но, казалось, сейчас он ее не найдет. Бросив злой взгляд на Орму и Леифа, Вали повернулся, пнул перевернутый стул и выбежал из комнаты к лестнице, ведущей в комнату Бренны.

~oOo~

Благодаря Бренне разум наконец-то восторжествовал, и Вали успокоился. На следующий день после того, как он показал свой характер в зале, Вали пришел к Леифу с идеей, которой поделилась Бренна: заручиться помощью подданных Ивана, и тогда они смогут раздавить его даже с небольшим войском. Они встретятся с принцем лицом к лицу, отвлекая его внимание и внимание его армии к фронту, а потом его собственный народ окружит его и покажет ему истинную цену его власти.

Ольга родилась на земле Ивана, а ее семья — отец и два младших брата — все еще были подданными Ивана. Однажды ночью в своей комнате, лежа голой у Леифа на груди, она рассказала, что ее привезли к Владимиру в знак соглашения о перемирии. Не как раба, точно, но по прихоти. Иван послал ее в качестве работницы во владения Владимира, разлучив ее с семьей.

Она стала матерью своих братьев вскоре после рождения младшего, когда их мать умерла от лихорадки. За годы, прошедшие с тех пор, как она была вынуждена покинуть их, Ольга видела своих братьев всего несколько раз, а отца еще меньше.

Владимир подарил ее одному из своих офицеров. Именно этот человек надругался над ней, убил ее ребенка и лишил ее возможности иметь других детей.

Леиф чувствовал, что Ивану тоже есть, за что заплатить.

Ольга знала, как посланник может пробраться в деревню Ивана и к кому ему обратиться за помощью. Посланник вернулся с добрыми вестями: деревня была готова восстать вместе с налетчиками, до их ушей дошла история разгрома Владимира и союза налетчиков с его народом. Они доложили, что готовы и способны сражаться.

Леиф, Вали и остальные составили план. Хороший, как думал Леиф. Тот, который, если все пойдет хорошо, позволит Ольге воссоединиться с семьей.

Когда Вали озвучил идею Бренны, надеясь, что если они победят, то смогут объединить людей и ресурсы обоих замков, Леиф сразу увидел возможность вернуть Ольге ее семью.

Только через несколько часов, лежа с ней, пока она спала, он понял, что это будет их концом. Он знал, что она не покинет родину, если ее семья снова будет с ней.

Он не говорил ей пока, потому что не хотел слишком рано давать ей надежду. Осознавая свою потерю, Леиф решил ничего не говорить ей до тех пор, пока ее семья не вернется с ними после битвы. У них осталось мало времени, но он хотел быть с ней.

И теперь они были на пути к войне.

Их план не включал в себя все еще слабую после болезни Бренну Око Бога, но Вали только что помог ей слезть с каурого коня. Она захромала к лесу, выглядя бледной и вспотевшей. Они остановились в лесу, чтобы дать коням передышку перед нападением на замок Ивана.

В дни между формированием плана и его реализацией лето, наконец, начало побеждать зиму. Настоящая оттепель — Леиф надеялся, что это будет последняя оттепель перед весной — она, наконец, наступила, и большая часть высокого снежного покрова растаяла. С солнцем и теплым воздухом Бренна вернулась к жизни.

Она не была готова сражаться. Как она могла вообще думать, что готова? Прошло едва ли больше двух недель с тех пор, как она была ранена. И все же Леиф понял, почему она настаивала, и, видя, как она распрямила плечи, когда пошла к лесу, он понимал, что в битве она будет сильна. Возможно, она не будет такой сильной, как раньше, но будет храброй и решительной, и ее история в этот день будет продолжена. Даже если их победят, будет так.

И Вали и Леиф оставались рядом и дали ей возможность отомстить.

~oOo~

Шагая во главе передней группы, с Бренной и Вали, Леиф вытащил свой щит из-за спины и выдвинул его вперед. Он оставил свой меч в ножнах. Идущая рядом Бренна сделала то же самое. Вали, берсерк, который сражался иначе, чем они, обнажил грудь. У него не было щита и доспехов, но он так ловко владел топорами и своим телом, что больше ни в чем не нуждался. В этой битве ярость была лучшим доспехом, прочнее всех тех, что мог бы выковать для него кузнец.

У них были команды, готовые атаковать замок со всех сторон. Когда передняя группа вступит в бой с солдатами, жители деревни толпой переберутся через заднюю стену.

Налетчики приблизились, и ворота замка открылись с резким скрипом. Им навстречу вышел отряд. Воины встали в четкую шеренгу. Во главе их был всадник — их предводитель, судя по виду.

Он остановился, и солдаты тоже сразу же остановились. На эстландском языке он сказал:

— Я капитан стражи. По велению принца Ивана спрашиваю, зачем вы пришли к нам. Вы ему незнакомы, и вам здесь не рады. Если вы хотите союза, выберите посланника, и мы сопроводим его, чтобы договориться.

Теперь, почти свободно владея языком этой страны, Леиф понимал каждое слово.

Но они не искали союза. Они хотели убить Ивана и каждого, кто встал бы между ними. Леиф сделал заранее оговоренный жест рукой, и из-за его спины Кнут швырнул копье. Оно пронеслось между Леифом и Бренной и ударило, пронзив горло капитана охранников.

Налетчики спрыгнули со своих лошадей и прогнали их прочь от боя, а затем встретили солдат. Леиф взревел и взмахнул мечом, перерезав шею первого врага, которого он встретил. Он бросил тело в сторону и блокировал вторую атаку щитом.

Их намерение состояло в том, чтобы загнать солдат обратно в замок, чтобы забить их, пока другие группы штурмовали стены. Хотя налетчиков в одной передовой группе было меньше, чем солдат, баланс резко сместится, как только придет помощь. Поэтому они не сделали стену из щитов. Вместо этого они наскочили на солдат, оттеснив их тяжелыми щитами и мечами.

Леиф чувствовал Бренну, когда сражался, и Вали тоже. Он пообещал, что не оставит Деву-защитницу в бою. Не имея конкретного плана, он и Вали двигались в тандеме, удерживая Бренну между собой, прыгая между ней и лезвиями солдат, защищая ее с более открытых краев боя.

Леиф знал стиль борьбы Бренны; он тренировал ее и сражался рядом с ней в течение многих лет. Она предпочитала границы боя — место, которое позволяло ей свободно двигаться. Но она была не совсем здорова, и ее тактика увела бы ее от них. Поэтому, инстинктивно работая с Вали в паре, Леиф держал ее рядом, в центре.

Даже в какофонии битвы он не пропустил ее рычание разочарования.

Увидев, что солдат бросается прямо на нее, Леиф закричал и нырнул вперед. Он принял острие лезвия в грудь и почувствовал, как оно тонет между ребер, но лезвия Эстляндии были уже и легче, чем их собственные, и Леиф отпихнул нападавшего и воткнул в его грудь свой собственный меч. Он хмыкнул, когда удар загнал кончик лезвия еще глубже и сдвинул его вверх, но подождал, пока его меч вскрыет живот солдата, легко разрезав броню, прежде чем выдернуть сломанный клинок из собственной груди.

Не было никакой боли, да ее и не было бы, не в гуще борьбы. Рука его была тверда, как и сердце. Так что Леиф продолжал сражаться, несмотря на травму. Увидев, что Бренна и Вали спорят в середине битвы — а затем Бренна спасает Вали от удара, Леиф ослабил свою бдительность. Они причиняли ей больше вреда, чем пользы, ведь Бренна тоже была наполнена праведной силой битвы. Она не была слабой. Не сейчас.

Поэтому Леиф повернулся и продолжил борьбу.

Запах и брызги крови разжигали ярость в его животе, и он чувствовал, как сила набухает в его мышцах. Это было то, для чего он был рожден, это было то, что он знал. Возможно, разум его был холоднее, а сердце горячее, чем у ярла или многих членов его клана, но он любил борьбу не меньше. Вид клинка, отражающего удар, нацеленный в грудь, вид меча, разрезающего тело солдата, который хотел ему навредить, брызги и струи вражеской крови на лице и руках, на груди — все это питало его голодную душу.

Здесь, на поле битвы, Леиф нашел баланс, о котором так много говорила Ольга, понял, как исцелить раны, которые нанесла ему судьба. Здесь он имел власть над непостоянной судьбой. Здесь он сделал выбор: жить или умереть, убить или быть убитым, стать победителем или побежденным.

Он будет жить и не будет побежден. Поэтому он взревел и продолжил бой.

Леиф обследовал место их победы.

Принц Иван спрятался в недрах своего ничтожного замка, но теперь кровь его впиталась в солому посреди двора. Все солдаты тоже были мертвы.

Они потеряли одиннадцать своих жителей и двух налетчиков. Потери среди жителей деревни Ивана, менее подготовленных и обученных, были больше, но Леиф еще не знал точно, скольких они лишились.

Вокруг него люди проверяли убитых и раненых, а Леиф пытался подсчитать тела жителей деревни.

Он увидел двух молодых людей с темными волосами, склонившихся над телом седого старика. Сломанный наконечник стрелы торчал из груди мертвеца. Он погиб в начале боя; их лучники сняли лучников Ивана еще в самом начале наступления. Должно быть, он был одним из первых жителей за стеной. Храбрый, наверняка один из лидеров.

Леиф пошел к мальчикам, еще безбородым и худым, невысокого роста. Старший из них встал и потянул младшего за собой, пока Леиф продвигался вперед. Две пары темно-карих глаз посмотрели на него, одна настороженно, а другая просто в удивлении.

— Я не причиню тебе вреда. Ты Антон? — спросил он старшего мальчика, который не ответил, но, казалось, удивился, что Леиф знает их язык. Он попытался снова. — Я друг Ольги, и я ищу ее семью.

Младший отмахнулся от руки брата и выступил вперед.

— Ольга? Она здесь?

Леиф подумал, что теперь у него есть ответ. И тело у его ног, скорее всего, принадлежало их отцу.

Отец Ольги. Его сердце сжалось.

Присев на корточки перед младшим из подростков, он спросил:

— Ты Калью?

Мальчик кивнул.

— Ольга здесь?

— Нет. Она в безопасности, но я приведу тебя к ней, — он обратил свое внимание на Антона. — Я Леиф, ее друг.

Антон неохотно кивнул, все еще подозрительно, затем показал на тело.

— Наш отец.

— Мне жаль. Я могу забрать его тело, и вы с Ольгой могли бы похоронить его по вашим обычаям

— Нет. Это и есть его дом. Он должен войти в землю среди священных деревьев, которые знал.

Мальчики не доверяли ему, но он не мог ничего сделать, поэтому просто кивнул и сказал, что готов сделать все возможное, чтобы помочь им похоронить отца.

И снова он спросил себя, что готовит судьба Ольге. И ему самому.

~oOo~

Леиф почти не обращал внимания на свою рану, пока они не вернулись в замок. Он ушел в свою комнату далеко за полночь. Там он снял сапоги и разделся, отложив поврежденный кожаный нагрудник и поморщившись, когда туника, прилипшая к ране, сорвала запекшуюся кровь.

Его грудь и бок были красными от крови, но сама рана была не так уж плоха. Она была длиной с палец и глубока — он видел мышцу в просвете, но кровь остановилась сама.

Рана прошла через старый шрам, который был гораздо более серьезной травмой, и который вполне мог положить конец его жизни. В том бою он искал пути в Вальгаллу с большей, чем обычно, безрассудной энергией. И все же он выжил.

Леиф подошел к умывальнику и намочил льняную ткань. Он хотел бы принять ванну, но пока все было беспокойно. Так что он обошелся чашей и тряпкой. Вытирая засохшую кровь со своей кожи, Леиф вспомнил об их возвращении в замок.

Прежде чем он успел добраться до замка, Бренна привела к Ольге ее братьев. Она обняла их, рыдая.

Никогда прежде он не видел Ольгу плачущей.

Он же вернулся к своей работе: покормил и обтер лошадь, проследил за оружием и снаряжением. Ольга устроила своих братьев и отправила женщин в замок, а затем занялась лечением раненых. С тех пор он почти ее не видел.

В ране снова выступила свежая кровь, поэтому, помывшись, он сложил ткань в несколько слоев и прижал к сердцу, а затем сел в кресло у очага.

С тех пор, как они с Ольгой впервые стали близки, он провел в этой комнате всего одну ночь. Здесь было намного удобнее, чем у нее, с кроватью, на которой он мог вытянуть ноги, но теперь было одиноко и холодно, даже с горящим огнем.

Дверь за ним открылась, хотя стука не было. Леиф повернулся в кресле.

Ольга закрыла дверь и подошла к нему. Час был поздний, и она была одета только в спальный халат и шерстяную шаль. Ее прекрасные волосы были распущены, темные волны ниспадали на ее стройное тело.

Она была прекрасна. Всегда такая красивая.

Он поднялся. Она никогда не приходила к нему сюда. Они согласились хранить в секрете их ночи в маленькой комнате рядом с кухней. Вдоль коридора были жилые комнаты, и ее, скорее всего, заметили... если не заметили еще раньше.

— Ольга.

Поднявшись, он прижал руку к груди, и она нахмурилась, глядя на рану.

— Тебе больно, — она подошла и положила на него руку, слегка сжимая пальцы чуть ниже пореза.

Он подавил желание поморщиться от ощущения пальцев на болящей плоти.

— Не очень.

— Рану надо лечить. Я принесу немного лечебной пасты.

Она повернулась, но он схватил ее за руку — такую гибкую и хрупкую в его неуклюжей руке — и снова потянул ее. Она была здесь, и он не хотел, чтобы она ушла. Она еще долго не сможет быть с ним.

— Нет. Со мной все в порядке.

— Леиф...

— Ты здесь, и я хочу, чтобы ты осталась.

Она улыбнулась и смягчилась.

— Тогда позволь мне хотя бы перевязать ее.

Кивнув, Ольга толкнула его в кресло, подошла к сундуку и вернулась со стопкой ткани. Свернув ткань так, чтобы над раной был небольшой предохраняющий слой, она обмотала ткань вокруг его груди и спросила:

— Почему ты не пришел ко мне сегодня вечером?

— Я думал, ты будешь со своими братьями. Все нормально?

— *Jah*. Они спят. Они были истощены, но остались целы и невредимы. Спасибо, что привел их ко мне.

Не вся ее семья вернулась к ней.

— Я сожалею о твоём отце.

Она остановилась и встретила его взгляд. Тихое удовлетворение, которое наполняло ее глаза, немного отступило, и печаль заполнила пустоту.

— Как и я. Но я знаю, что он был счастлив уйти так. Ему было одиноко без мамы, — Леиф вздохнул, и лоб Ольги нахмурился от беспокойства. — Твоя рана болит.

Тогда он понял, что Ольга не думала об их будущем. Она была охвачена счастьем от того, что ее братья с ней, Леиф и ее друзья вернулись победителями, и даже смерть ее отца не сильно омрачила это блаженство.

Ей не пришло в голову, что ее братья изменят ее намерение покинуть дом и поехать с ним, и что они двое окажутся в разлуке, вероятно, навсегда.

Или, возможно, нет. Леиф подумал, что ее братья могут присоединиться к ним. Он сделает все, что может, чтобы помочь им в Гетланде. Они были маленькими и тощими юношами, похожими больше на мальчиков, но он научился не недооценивать силу духа Эстландии. Калью был по возрасту близок к Эйнару. Они могут не быть налетчиками, но могут научиться ремеслу или торговле. Или он мог бы дать им землю. Если они согласятся, он заберет их всех.

Леиф был уверен, что Эйк позволит; он никогда раньше не просил ярла о личном. Можно было бы доказать, что он должен ему одолжение или два.

На сердце Леифа стало легче. Когда Ольга закончила с повязкой, он схватил ее за руку и прижал костяшки пальцев к губам.

— Нет. Боли нет. Только желание.

Понимая, чего он хочет, Ольга нахмурилась, поведя бровью в сторону его груди.

— Если будешь напрягаться, пойдет кровь.

Он усмехнулся.

— Тогда будешь напрягаться ты.

Свет от очага танцевал в ее глазах, когда она сжала пальцы на его руке и отступила, побуждая его встать. Он подчинился. Она не смогла бы даже сдвинуть его с места, если бы он не захотел, но Леифу нравилось такое подчинение, и он позволил отвести себя к кровати.

Встав у кровати, Ольга опустила руку и взялась за пояс его бриджей, стягивая их с его бедер. Она присела, и он отпихнул бриджи прочь.

Они и раньше раздевались, но это был первый раз, когда Ольге принадлежал полный контроль, и он подчинялся ей. Она была у его ног — но контролировала его — и это было необычно.

Ольга провела длинными гибкими пальцами по его покрытым синяками ногам. Сражаясь сегодня, Леиф получил несколько ударов щитом по бедрам, и вдобавок ударил себя сам, блокируя нападение, которое заметил слишком поздно.

— Это не причиняет тебе боль? — спросила она, поглаживая его кожу.

— Да. Но эту боль я хорошо знаю. Она не имеет значения, — он пульсировал перед ней. Эта боль мучила его больше.

Она подняла глаза.

— В тебе так много силы.

— И в тебе. Ольга... поднимайся.

Вместо этого она улыбнулась и схватила его в руку. Леиф застонал от прикосновения ее мягкой ладони — она была такой мягкой; как она могла быть такой мягкой, когда она так много работала, прошла через такое? — и бедра дернулись вперед, а ее ладони скользнули вверх и вниз по его длине.

Потом она поцеловала кончик. Она никогда не делала этого раньше, и он никогда не спрашивал. Он всегда относился к Ольге с осторожностью, позволяя ей говорить ему, чего она хочет, как ей нравится. Он никогда не спрашивал о том, как это было у Ольги с ее мужем или другим мужчиной, и он не чувствовал, что ему это нужно. Он видел в своей жизни достаточно, чтобы знать, как часто говорила Ольга, *порядок вещей*.

Когда она легко обхватила губами головку, Леиф дернулся от ощущения, более острого, чем лезвие ножа, и простонал ее имя, и на этот раз она встала. Леиф готов был умолять ее вернуться, когда она положила руки ему на живот. По ее мягкому требованию он сделал шаг назад и сел на кровать.

Она встала между его ног и наклонила голову, чтобы поцеловать его, ее руки крепко обхватили его лицо, пальцы сжались в его бороде и слегка потянули. Ее волосы упали вокруг, удерживая их в полутьме и наполняя интимное пространство своим ароматом.

Он обхватил руками ее бедра и ответил на поцелуй, позволив маленькому язычку Ольги вести их танец. Сердце колотилось, кровь стучала, рана ныла.

Ее запах, вкус, ощущение.

О, как он любил ее.

Леиф любил свою жену. Не сразу, как они поженились, но Эйк хорошо подобрал ему пару, и они, возможно, влюбились бы друг в друга в любом случае. Они поженились до того, как узнали друг друга, сразу после того, как их обоих признали совершеннолетними. Они понравились друг другу сразу. Любовь пришла к ним после, и Леиф был счастлив по-настоящему к тому времени, когда Торил носила их первого ребенка.

Сначала его любовь к Торил была похожа на дружбу. Они научились быть супругами и повзрослели, и между ними образовалась сильная связь.

Она была сильной женщиной своего народа. Хорошая жена, хорошая мать, хороший помощник. Когда они начали терять своих детей, любовь Леифа к жене, а ее к нему стала чем-то другим. Потери сломали ее, ослабили. Ее любовь превратилась в желание утешения, а он стал этим утешителем. Он обратил свое горе внутрь себя, чтобы найти в себе силы увидеть Торил через ее душу.

И понял, что чувство вины постоянно сопутствует скорби.

Только вот Леиф не был уверен, что знает, как скорбеть не в одиночку.

Любовь к Ольге была другой. Она не была похожа на Торил; его жена была высокой и крепкой, как большая часть их народа. Как и сам Леиф. И все-таки Ольга не казалась слишком чужой. Она была тихой женщиной, сильной, понимающей свою роль.

Но в глубине души она и Торил были совершенно разными. Утрата и горе, испытания и скорби, казалось, делали Ольгу сильнее, а не слабее — как железо, выкованное в огне. Позвоночник не сломался под тяжестью, он согнулся и научился переносить вес. Ее спина, такая узкая, что он мог накрыть ее одной рукой, удерживала силу духа целого отряда свирепых воинов.

Его любовь к ней была основана на этой силе. Он хотел забрать ее домой в Гетланд, взять с собой ее братьев — братьев, которые годились ему в сыновья, — и создать семью. Он хотел этого так сильно.

Он застонал ей в губы, а она легко засмеялась и отстранилась. Посмотрев на него, Ольга толкнула его в грудь, и он лег на спину, опустившись на кровать.

Ольга, все еще одетая в спальное платье, заползла на кровать и поднялась над ним, упершись коленями ему в бедра. Это они хорошо знали. Он был слишком большим для ее тела; она не могла принять его полностью, и они нашли способ быть вместе, теряться друг в друге без боли.

Ей нравилось быть сверху, контролировать себя, хотя бы поначалу. Ольга обнаружила, что если опираться на его бедра, она может сама определять для себя, сколько может принять. А Леиф понял, что так получает еще больше удовольствия.

Но в конце она хотела, чтобы он был сверху. Леифу это тоже нравилось. Трудно было быть пассивным, пока Ольга приходила к своему оргазму. Зрелище ее экстаза могло свести с ума любого мужчину.

Однако сейчас в ее взгляде было что-то другое. В ее глазах. Не отрывая от него взгляда, она ослабила ленту на шее платья и стянула его через голову, обнажая свое чудесное тело. Она была худенькая, с изящной фигурой, тонкой талией и маленькой круглой грудью с крошечными темными точками сосков. Холмик ее естества был покрыт темными кудряшками, а остальное тело было почти безволосым.

Тело Ольги было покрыто шрамами, но и они делали ее красивой, заставляли ее силу сиять на лунно-бледной коже.

Что Леиф больше всего любил в ее фигуре, так это ключицы: эти идеальные, изящные арки в верхней части груди. Часто, когда они были вот так одни, он проводил пальцем по их изящным очертаниям.

Он сделал это сейчас, и Ольга улыбнулась ему таинственной ухмылкой. Она поднялась и ухватила его, удерживая, чтобы он мог скользнуть в нее.

Она была шелковисто-влажной, и Леиф застонал, когда ее красивое тело приняло его, ее самая чувствительная плоть заскользила по его плоти. Он закрыл глаза, чтобы сосредоточиться только на этом — идеальном жаре ее самых интимных объятий.

— Открой глаза, Леиф.

Улыбаясь, он сделал, как ему было велено. Затем она совершенно шокировала его. Как только ее бедра начали двигаться, она подняла руки и обхватила себя за грудь. Ольга никогда прежде не прикасалась к себе, но теперь на ее лице вспыхнула улыбка, а пальцы сжали вершинки грудей, играя с ними.

Он убрал руки с ее бедер, желая присоединиться к ней, почувствовать, как ее руки двигаются по ее собственному телу, но она покачала головой.

— Сегодня напрягаюсь я, *jah*? — спросила она.

Леиф услышал намек на напряжение в ее словах и понял, что она сама возбуждена. Боги. Видеть ее, знать, что она чувствует, что она доставляет себе удовольствие — и Ольга знала, что то, что она делает, тоже доставляло ему большое удовольствие... Леиф изо всех сил пытался контролировать отчаянную нужду своего тела. Он был почти болен от желания, от необходимости двигаться вместе с ней, наполнять ее, но каждое его движение встречало сопротивление. Она хотела, чтобы он ей уступил.

Так что он лежал и смотрел на нее, и мучился сладкой мукой невероятных ощущений.

Он был почти на грани к моменту, когда она оставила игру в соблазнение и полностью сосредоточилась внутри себя, на своей собственной потребности в освобождении. Он любил этот момент, когда ее глаза и разум теряли фокус, а тело обретало его, когда каждая ее часть двигалась к одной цели.

Она зажмурилась и свела брови. Зубы прикусили губу. Руки опустились с груди на предплечья Леифа. Ее дыхание стало громким и резким, и бедра набрали новый ритм, быстрый и не такой глубокий.

Улучив момент, когда собственное желание стало невыносимым, Леиф сел и обнял ее. Он вонзился в нее на всю длину, и они оба ахнули. Глаза Ольги распахнулись, и Леиф посмотрел на нее.

— Оставайся со мной, — сказал он, слыша в своем голосе намек на отчаянную тоску. — Посмотри на меня. Ольга, послушай меня. *Ma armastan sind. Armastan sind kogu südamest.*

Она замерла в его объятиях, и Леиф был готов застонать — он был так близко. Она была так близко. И все же его слова заставили ее замереть.

Он надеялся, что правильно их произнес. Он хотел использовать ее родной язык, чтобы впервые сказать ей, что любит ее, и он знал эти слова. Но второе предложение: *я люблю тебя всем сердцем* — он мог только надеяться, что он не пропустил ни слова или звука и не сказал вместо этого что-то ужасное.

Затем она улыбнулась и запустила пальцы в его волосы, чуть болезненное потягивание сказало ему, что кровь из волос он вымыл не до конца. В его жизни так и было — война и кровь, любовь и секс, жизнь и смерть смешались в равной мере.

— *Ja ma armastan sind. Ma ei suuda sinuta elada.*

Он не думал, что это буквально правда, что она не может жить без него. Она была слишком сильна, чтобы сломаться под любым давлением. Но он верил чувствам, стоящим за этими словами, и он верил, что она любит его так же, как он любит ее. И он верил, что они будут вместе, что она и ее братья будут с ним. Они поедут с ним, и она будет его женой в Гетланде.

Его сердце познает исцеление, как и ее. Леиф позаботится о том, чтобы ее жизнь была спокойной и мирной.

Глядя друг другу в глаза, они нашли свой ритм и пришли к освобождению вместе.

Глава 7

Они больше не были мальчиками, ее братья.

Шестнадцатилетний Антон был на целую голову выше Ольги. Его плечи стали широкими и крепкими, и под носом уже пробивались светлые усы. Даже Калью был выше, чем она, хотя ненамного, подбородок стал тверже, нос — шире, и он уже тоже не был похож на ребенка, которого она знала.

Ольга была опечалена, узнав о смерти их отца, но он погиб в бою, и она знала, что он был рад умереть так. С тех пор, как ушла в землю их мать, он не знал радости.

Горе, которое точило ее сердце, смягчилось от этого осознания. Ее братья были правы, похоронив его в земле, которую он знал, дома. Это был дом, полный несчастий, но все же.

В Калью еще было много от мальчика. Он удивлялся всему, что видел в замке и за его пределами. Повсюду гиганты-налетчики с заплетенными волосами и бородами, тяжелыми мечами и щитами, каменно-серая роскошь замка, настолько отличающаяся и превосходящая все, что они знали раньше, обилие еды и питья, тепла и хорошего настроения — младший брат Ольги был впечатлен всем этим.

Антон не был таким, как Калью. Он по большей части молчал, смотрел на налетчиков с подозрением и на каждом шагу пытался сдерживать рвение Калью. Ольга думала, что Антон подозревает даже ее. Она обнаружила, что он пристально смотрит на нее, когда она говорит или смеется со своими друзьями. Но его самое большое подозрение, казалось, было сосредоточено на Леифе.

Годы, что прошли в разлуке, отдалили ее и Антона друг от друга. Он сильно изменился, и она не знала его так, как раньше. Она думала, что тоже изменилась. Таков был ход вещей: волны жизни сдвигали пески, сглаживали одни берега и создавали другие.

Но Калью все еще был Калью, несмотря на то, что становился мужчиной. Ольга верила, что это заслуга Антона. Он защищал их младшего брата, и это позволило Калью сохранить невинность. Однако его собственная невинность, казалось, давно исчезла. Он больше не был дерзким мальчишкой.

Ольга попросила Леифа держать их связь в секрете, пока Антон не привыкнет.

Когда она попросила его об этом, они как раз гуляли вместе за стенами замка по тропинке, отороченной свежей зеленью первых дней лета. Он посмотрел на голубое небо западного горизонта, где лежало море, и вздохнул, но согласился.

Ольга понимала тяжесть этого вздоха. Корабли прибывали уже скоро. Теперь, когда близилось лето, корабли могли приплыть в любое время, и она должна была отправиться с ним в Гетланд. Она хотела быть с Леифом, где бы он ни был, как не хотела ничего другого в своей жизни. Она любила своего золотого гиганта всем сердцем и душой.

Но не могла оставить братьев.

Леиф тоже не хотел, чтобы она покидала свою семью. Он хотел забрать с собой и их.

Но Антон не поедет, не при существующем порядке вещей.

Ольга не могла без братьев. Они потеряли отца и мать. Старший брат скитался по миру. Но Антон и Калью вернулись к ней, а она к ним; она никогда не оставит их снова.

Она должна сделать так, чтобы Антон поверил.

~oOo~

Антон стоял в дверях, наблюдая за тренировкой мужчин в зале. Ольга подошла сзади и коснулась его руки. Он подскочил и повернулся к ней.

— Почему бы и тебе не присоединиться к ним? Твои друзья тоже учатся драться.

С момента захвата земель Ивана прошло несколько недель. Поддержав предложение налетчиков, оставшиеся в живых жители обоих владений согласились поселиться вместе и заново отстроить разграбленную деревню. Некоторые из налетчиков решили остаться в Эстландии поселенцами — например, Бренна и Вали, хотя об этом они пока не особенно распространялись. Вали начал строить их с Бренной дом без особой суеты и внимания, как если бы строил просто еще один дом в деревне.

Ольга знала, что Леиф был глубоко обеспокоен решением своих друзей, хотя и не был удивлен. Но сам он определенно не хотел оставаться.

Корабли еще не прибыли, и это, по мнению Ольги, было хорошо. Антон все еще относился к налетчикам и Леифу с опаской. Даже теперь, когда его друзья были здесь, в этом замке, тренируясь с настоящими воинами, Антон оставался в стороне.

Отвечая на ее вопрос, Антон покачал головой:

— Они приносят сюда войну. Смерть и кровь. Я не хочу.

— Смерть и кровь — часть жизни, а война была здесь до них. Ты ищешь причину держаться порознь, когда все остальные хотят объединиться. Почему?

— Их путь — это не наш путь. Они изменяют нас, — он сердито махнул рукой. — Наши женщины теперь носят бриджи. И владеют мечами!

Сначала это шокировало и ее, но сейчас Ольга уже привыкла к женщинам-воинам. Антон был прав, налетчики изменили их.

— Женщина, которая может сражаться, не нуждается в защите. А бриджи — это просто удобно. Изменения к лучшему, Антон. Мы здоровее, мы лучше едим, мы живем лучше. Мы сильнее. Я была там, когда они пришли с моря, и я тоже думала, что они — чудовища. Они совершали чудовищные поступки. Но они — мужчины и женщины, как и все остальные. Некоторые хуже других, некоторые лучше, чем большинство. Они не просто отобрали у нас наш дом. Они строят новый дом с нами. Если мы меняемся, то и они тоже.

Брат усмехнулся и отвернулся от двери.

— Они хотят большего. Любой, у кого есть власть, хочет большего. В этом и состоит игра, а мы просто фигуры, которые нужно двигать по полю. Ты увидишь.

Ольга была на шесть лет старше, чем Антон, и она много занималась его воспитанием, но теперь он говорил с ней так, как будто он был мудрецом, а она — глуповатой девочкой. Раздражение заставило ее проглотить вертевшийся на языке ответ, и прежде чем она успела подумать о том, что сказать, он повернулся и пошел прочь. Ольга смотрела, как он уходит, рассерженная и оскорбленная, потом повернулась к двери.

Леиф стоял в зале недалеко от нее. Золотой гигант. Его обнаженная грудь была влажной и вздымалась от тренировок. Он посмотрел на нее, и выражение лица сказалось Ольге, что ей не нужно задаваться вопросом, что именно он слышал.

Его глубокие голубые глаза были грустными. Он услышал достаточно.

~oOo~

— А какой дом наш? — спросил Калью несколько дней спустя, когда они занимались делами в деревне.

Мужчины и сильные мальчики строили дома и конюшни, а женщины готовили еду. Младший брат Ольги пришел за мехами с пресной водой, чтобы отнести их мужчинам.

Ольга погрузила мех в бочку с водой, сосредоточившись на этом простом задании, как будто оно требовало ее пристального внимания. Она не знала, как ответить на вопрос Калью. Она не хотела оставаться здесь, не без Леифа. Она даже не думала об этом. Но

новая деревня была наполовину отстроена. Они заключили мир с Тумасом и могли теперь спокойно работать над восстановлением того, что было разрушено зимой и войной.

Если бы Антон попытался понять, что происходит, он первым бы задал ей этот вопрос. Но он решил помочь, охотясь в лесу. Один. Его не интересовал ни их новый дом, ни деревня, которую помогали строить налетчики.

— Его строит Вали.

Ольга повернулась на голос Бренны и увидела, что ее подруга улыбается Калью. Взгляд Бренны переместился к Ольге, и она чуть заметно приподняла подбородок. Кроме Леифа, только Бренна знала, что Ольга надеялась — нет, что она *намеревалась* — уплыть с Леифом и увезти с собой братьев. Только Бренна знала, что успех этих намерений теперь зависит от Антона. Это был план, который Ольга хотела сохранить в тайне до тех пор, пока не будет уверена, что Антон согласится. Но он был слишком подозрителен, чтобы понять и принять предложение сейчас.

Ольга не думала, что даже Вали знает. Леиф и Бренна, казалось, хранили тайну.

Бренна и Вали молчали и об их желании остаться здесь. То, что Вали строил в первую очередь дом для Ольги, а не для них с Бренной — в противном случае это должен был быть длинный дом — помогало им отвечать на неудобные вопросы.

Но у них было мало времени. Вытирая пот со лба, Ольга думала о том, что счет идет уже на дни. Скоро ей придется поговорить с Антоном, неважно, оттаял он к налетчикам или нет.

Но сможет ли она отпустить Леифа, выдержит ли его отплытие, если ее брат не согласится отправиться с ними?

Однажды Ольга их бросила. Она не выбирала такой судьбы, но она покинула их, когда братья больше всего нуждались в ней. Она не могла сделать этого сейчас.

Калью повернулся и разинул рот, глядя на большого человека, строящего для них большой дом.

— Но он же такой большой...

Бренна кивнула.

— Работа Ольги очень важна. Она делает людей здоровыми. Ей нужно больше пространства.

Бренна говорила на их языке не совсем хорошо, но она делала успехи, и Ольга гордилась ею.

— Почему бы тебе не помочь? — добавила она, улыбаясь, и Ольга тоже улыбнулась. Вали не очень нравилось, когда ему помогали, если он не просил об этом напрямую. Он поворчал бы, но наверняка нашел бы мальчику занятие.

Калью закинул мех на плечо и побежал помогать. Бренна стояла рядом с Ольгой и смотрела ему вслед.

— Корабли уже вот-вот будут, Ольга. Ты должна поговорить с братьями.

— *Jah*, я должна. Должна. Но я уже знаю, что скажет Антон, и это разобьет мне сердце.

— Он уже взрослый мужчина. Калью тоже. В нашем мире и в твоём они оба, возможно, уже были бы женаты. Ты не можешь уплыть без них?

Бренна решила покинуть свою семью. Ольгу забрали у ее семьи. Ее подруга не могла понять, каково это: знать, что она нужна, знать, что она любима, знать, что она часть семьи — и не иметь возможности быть с близкими. Теперь у нее был выбор. Она не могла бросить их снова. Даже если они стали другими.

— Я не могу.

Она почувствовала, как рука Бренны сжимает ее руку.

— Леиф все поймет.

Ольга знала: Бренна права. Она разобьет его сердце, как разбила свое, но он все равно поймет и будет ее любить. Такова любовь, такова жизнь. Ей будет безумно больно смотреть, как он уплывает.

Но это будет ее выбор. А отъезд будет его выбором.
О, как она хотела, чтобы он остался.

~oOo~

В ту ночь она открыла дверь, и Леиф стоял там в ожидании, выпрямившись и сосредоточенно глядя на нее. Он уже давно входил без стука, но сегодня подождал, когда она предложит ему войти. Когда она улыбнулась и отступила, давая ему дорогу, он не сдвинулся с места.

— Я видел, как ты сегодня разговаривала со своим братом. Это не выглядело как беседа счастливых брата и сестры.

Это и не было такой беседой.

— Заходи, Леиф. Посиди со мной.

Еще мгновение он не двигался, не отводил взгляда. Затем моргнул и шагнул вперед. Он посмотрел в сторону кровати, и Ольга подумала, что Леиф решил сесть туда, но тот вдруг отвернулся от нее и опустился на единственный стул рядом с маленьким камином, в котором не было огня; теперь ее комнату можно было не топить.

У Ольги осталось только два варианта: кровать или пол у его ног. Она уселась на пол.

— Ты не поедешь со мной, — Леиф уставился в камин, как будто в нем танцевало пламя.

Разговор Ольги с Антоном был в лучшем случае сложным. Она объяснила, что происходит между ней и Леифом, сказала, что хочет, чтобы они все вместе уплыли с ним. Объяснила, что они смогут создать новую семью, что Леиф в его мире — большой человек, и что они не будут нуждаться.

Антон назвал ее глупой. Тот остаток почтения, что он все еще имел к ней как к своей старшей сестре и женщине, заменяющей мать, исчез из его взгляда и души, когда Ольга заговорила. Теперь он видел в ней глупую женщину, обманутую красивым влиятельным мужчиной.

Но Леифу она не станет об этом говорить.

— Антон не хочет плыть по морю куда-то в неизвестность. Эстландия — наш дом. Если бы у меня было больше времени...

Леиф прервал ее слова резким взмахом руки.

— Близится лето. Наши корабли могут прибыть в любой момент.

— Я знаю. Поэтому я и поговорила с ним сегодня. Но это было слишком рано. Этих недель было недостаточно, чтобы помочь ему поверить вам.

— Корабли привезут поселенцев. Мои люди останутся здесь, даже когда меня здесь не будет.

— Но это тот мир, который он знает. Земля, которую он пахал. Лес, где он охотился.

Леиф вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Правда в том, что чтобы убедить его, нужно не только время. Я вижу это в его глазах. У меня никогда не будет его доверия.

— Скорее всего, ты прав. Я надеялась. Я надеялась всем сердцем, но он не хочет уезжать отсюда.

Ольга положила руку Леифу на бедро. Подавшись вперед, он взял ее руку и притянул Ольгу к себе.

— Тогда позволь ему остаться. Уедем со мной, Ольга. Он — мужчина. Калью — мужчина. Они достаточно взрослые, чтобы жить самостоятельно.

— Ты вернул их мне. Ты так быстро заберешь меня у них снова?

— Я бы взял вас всех с собой, если бы это был ваш общий выбор. Каждый из вас должен сделать свой собственный выбор. Я хочу, чтобы ты выбрала меня.

— Ты можешь остаться здесь. Ты можешь выбрать меня и остаться.

Она потянула его за руку, но он не отпускал ее.

— У меня нет другого выбора.

— Почему нет? У Бренны и Вали есть.

Леиф выпустил ее руку и резко встал. Ольга подумала, что он собирается уходить: Леиф направился напрямик к двери. Но он остановился и уставился на голую каменную стену, на мгновение поддавшись чувствам.

— Как раз из-за выбора Бренны и Вали я не могу остаться, — сказал он, наконец.

Она почему-то не ожидала ничего подобного.

— Я ничего не понимаю.

— В нашем мире они — легендарные воины. О них рассказывают истории.

— Я уже слышала это раньше.

Он повернулся к ней.

— Да. Бренна известна как Око Бога. Она считается чем-то... — он заколебался, как будто искал нужное слово.

Они говорили на смеси языков, которая стал привычной для тех, кто прожил в замке зиму. Он пытался подобрать слово на одном из двух языков, которые знал.

— Сверхъестественным, — пришла на помощь Ольга. — Из-за ее странного глаза.

— Именно.

Эти гиганты и их боги. Леиф пытался объяснить ей это, но все казалось нелепо сложным.

— Но ведь нет никакого другого мира. Есть только один, и глаз Бренны — всего лишь прихоть природы.

— Я знаю. Наш мир не похож на твой. И Бренна в нашем мире — больше чем просто человек, и она поклялась моему ярлу в верности.

Ольга знала это.

— Эйку.

— Да. Он верит, что она — его дар. Дар нашего величайшего бога.

— Дар Одина, — Леиф рассказал ей историю об оке Одина, об оке Бренны. Ольга пыталась понять, к чему он клонит.

— Да. Но Вали поклялся в верности другому ярлу. Он — могущественный воин и тоже легенда. Эйк видит в нем угрозу. А теперь Вали женился на его знаменитой Деве-защитнице. Когда мой ярл узнает об этом — и больше того, о том, что они планируют поселиться здесь — он будет в ярости. Он вполне может рассматривать это как объявление войны. У меня есть основания полагать, что альянса, который привел сюда наш объединенный отряд, уже не существует. Когда Эйк узнает, что Бренна вышла замуж за врага, и что она намерена остаться, прольется кровь. Я волнуюсь.

— Вали тебе не враг.

— Мне — нет. Он мой хороший друг, и я люблю его как брата. Он действительно хороший человек. Но он враг Эйку, если он поклялся ярлу, который не является его союзником. Эйк узнает, что Бренна теперь — жена Вали. И если я решу остаться, хоть и в качестве его наместника... — Леиф остановился, а затем снова заговорил, его голос был полон сожаления. — Он не потерпит такого. Он убьет всех, кто мне дорог, чтобы у меня не было причины оставаться здесь. Он может убить тебя. Он может сделать это у меня на глазах.

Ольга все еще сидела на полу и смотрела на него, рот ее приоткрылся от ужаса.

— И ты поклялся в верности такому человеку? Ты убил здесь двух принцев, и они были едва ли так жестоки, как твой Эйк.

— Ты хочешь, чтобы я убил его?

Ольга не отвечала словами. Она позволила глазам сказать «да». Если этот ярл был таким мстительным и жестоким, значит, его сила нарушала равновесие в мире.

Но Леиф покачал головой.

— Он не всегда был таким, как сейчас. Ему всегда было тяжело, но он был рассудителен и давал хорошие советы. Власть изменила его, да и возраст тоже. Но он был мне как отец, и он любил меня как одного из своих сыновей. Я дал клятву другому человеку, но эта клятва лежит на мне. Этой клятвой я отдал ему свою жизнь и свой меч. Я не оговаривал условия. Я просто поклялся. Мое слово — самое ценное, что у меня есть.

Это не имело для нее никакого смысла. Клятва, принесенная плохому человеку, была плохой клятвой. Как это может быть верным?

— Так ценно, что ты оставишь меня, чтобы сдержать это слово. Даже если слово дано такому человеку, как твой ярл.

Он вернулся и опустился на пол рядом с ней.

— Я не оставлю тебя. Боги, я просто не смогу. Ольга, пожалуйста. Любовь моя, пойдем со мной.

Все эти разговоры ничего не меняли. Она не могла понять его верности, и он не мог понять, почему она не оставит своих взрослых братьев.

Нет — все было неправильно. Она думала, что они оба понимали это. Леиф был преданным и самоотверженным. Как и она. Их любовь была обречена.

Ольга провела рукой по его мягким густым волосам.

— Я люблю тебя. Но я не могу уплыть с тобой, а ты не можешь остаться.

Леиф опустил голову.

— Я знаю.

— Что нам теперь делать?

Он посмотрел на нее темными от печали глазами, улыбнулся и поймал ее подбородок пальцами.

— У нас есть еще время. Будем любить друг друга.

Это все, что они могли сделать. Сердце Ольги сжалось, предчувствуя потерю, но она тоже нашла в себе силы улыбнуться.

— Я никогда не буду сожалеть о том, что мы познали эту любовь.

— Я тоже.

Леиф поднялся сам и помог подняться Ольге. Затем он подхватил ее на руки и отнес в постель.

ЧАСТЬ 2. ОГОНЬ

Глава 8

Два дня спустя — всего каких-то два дня — налетчики из замка поехали на побережье, чтобы встретить Эйка и его корабли.

Только Эйка. Корабли пришли под его флагом.

И вот узы, которые уже связали тех, кто остался в замке на зиму, узы радости и дружбы, общих трудностей и битв, начали рваться, когда те, кто принес клятву Снорри, стали спрашивать себя, а что же случилось с их ярлом и почему он не прибыл. Они бросали подозрительные взгляды на людей Эйка, а товарищи, которые еще вчера вместе смеялись у костра, стали говорить друг с другом, держа руки на рукоятках мечей.

Вали, лидер людей Снорри, провел весь день среди своих воинов, уговаривая их помнить о том, что они были друзьями, и не поддаваться на провокации.

Но Леиф думал об уклончивости Колдера прошлым летом, о его намеках на великие планы, и понимал, что, скорее всего, Снорри мертв. Если это правда, если Эйк решил приплыть сюда сам и стать единоличным хозяином владений за морем, то да, это был действительно великий план. Владения двух ярлов находились между северными землями Снорри и владениями Эйка на юге. Если он убил и их, значит, у него были действительно великие планы. Грандиозные планы.

Легендарные планы.

Когда они приблизились к лагерю ярла на берегу вместе с Бренной и Вали, Леиф увидел только воинов. Поселенцев не привезли. Казалось, Эйк передумал селиться в Эстландии.

В этом не было никакого смысла. Тогда почему они вообще приплыли обратно?

Было так много того, чего он не знал. Решение остаться и удерживать замок отдалило его от Эйка. Он должен был снова с ним сблизиться. Только находясь поблизости, он мог надеяться предотвратить беду.

Они спешили, и Эйк и его старшие сыновья Колдер и Эйвинд вышли их поприветствовать.

Одетый в свою лучшую кожу и меха, украшенный драгоценностями, с медальоном на груди, ярл широко раскинул руки и подошел к Леифу.

— Леиф Олафссон! Как я рад тебя видеть. Я скучал по тебе, как по своему родному сыну.

Леиф обнял своего ярла, как отца, которым тот когда-то для него был, и почувствовал, как теплота и привязанность вернулись. Когда Эйк отступил назад, ухватив его за плечи, Леиф почтительно склонил голову.

— Ярл Эйк. Зима была долгой. Мы рады, что вы благополучно добрались сюда.

Ярл улыбнулся и легко похлопал его по плечу, затем повернулся к Бренне.

— И Бренна Око Бога. Моя прекрасная воительница. Корабли принесли нам еще больше историй о твоих подвигах в бою. И ты очень хорошо выглядишь. Один был с тобой этой зимой, как я вижу.

Затем Эйк коснулся ее лица, и Леиф увидел, как Вали мгновенно напрягся. Разница была почти незаметной: чуть расправились плечи, чуть нахмурился лоб, но Леиф провел большую часть года бок о бок с Вали и знал язык его тела. Тем более что в этом случае он наблюдал за ним.

Бренна, со своей стороны, спокойно приняла ласковое прикосновение ярла. Она кивнула, признавая его власть.

Когда Эйк повернулся к Вали, Леиф замер. Вали посмотрел на низкорослого ярла сверху вниз, гнев все еще не отпустил его.

— Вали Грозовой волк. Тебя хорошо знают, и я рад видеть, что твоя история продолжается.

Леиф мог слышать неискренность в тоне Эйка — а может, он видел ее повсюду, даже там, где ее не было.

Вали едва наклонил голову.

— Благодарю тебя, ярл Эйк, так и есть. Но я хотел бы знать, как поживает мой ярл, Снорри.

Вот оно. Беда, о которой Леиф думал, обязательно придет к ним, когда ярл заговорит.

Эйк, казалось, не заметил вызов в словах Вали. Но все же приосанился.

— Снорри пирует с богами в Валгалле. Прости, друг.

Наступила долгая тишина. Эйк и Вали уставились друг на друга. Бренна и Леиф уставились на них. Леиф повернулся и встретился глазами со своим другом, Колдером, и увидел, что глаза его холоднее льда.

Так много изменилось, пока был вдалеке от дома.

Ярл пригласил Бренну к себе в шатер для беседы. Когда Вали тоже шагнул вперед, Леиф положил руку на рукоятку меча.

Он слышал, как его друзья объявили о браке. Он увидел удивление, а затем холодную ярость во взгляде ярла. Он видел, как Колдер положил руку на рукоятку меча, и крепче сжал свой.

Разум Леифа метался. Ему нужно было увидеть, понять. Они хотят драки прямо здесь? Если так, по крайней мере, это случится вдали от деревни. По крайней мере, Ольга и остальные невинные не пострадают.

Но Эйк улыбнулся.

— Это благая весть, и мы еще выпьем за добрых богов, решивших так вашу судьбу. И я приветствую великого Грозного Волка в своей семье.

Вали не стал возражать, когда Эйк предположил, что он решил принести ему клятву верности, и Леиф почувствовал небольшое облегчение. Когда двое его друзей последовали за ярлом, он убрал руку с меча. Его не позвали — это было необычно. Но как только он подумал об этом, Эйк остановился и обернулся.

— Идем, Леиф. Нам потребуется и твоя мудрость.

Леиф последовал за ним, его сердце было полно беспокойства. По крайней мере, он все еще был своим в семье Эйка, а значит, все еще мог попытаться понять, что не так, увидеть беду — и попробовать ее остановить.

~oOo~

— Я вижу здесь длинные дома, — сказал Эйк, оглядывая восстановленную деревню.

Они разбили лагерь на рассвете на следующее утро и вернулись в замок. Бегло оглядев замок, Эйк объявил, что хочет увидеть деревню.

Они уже оглядели руины прибрежной деревни. Ее тоже должны были отстроить, но сначала решено было сосредоточиться на деревнях подальше от берега — тех, что были окружены полями и могли прокормить население замка.

Леиф и Кнут сопровождали Эйка и его сыновей, и теперь все они стояли в центре деревни. Пахло свежим деревом и землей. Хороший, спокойный запах. Но Леиф не знал спокойствия.

— Да, — ответил он. — В Эстландии предпочитают жить в маленьких домах, но мы построили эти дома для поселенцев. Пусть это место для них тоже будет домом.

Эйк потянул за свою длинную белую бороду.

— Я слышал, что Вали Грозной Волк строит здесь дом.

Кнут бросил взгляд в сторону Леифа. Были разговоры, но Бренна и Вали пока не говорили об этом открыто. Кнут вряд ли мог знать точно, но Леиф не смог решить, был ли этот быстрый взгляд полон удивления или беспокойства. Он пытался найти слова.

— Мы все строим. Помогаем всем, кто ищет помощи. Это место хороших людей, Эйк. Мы построили для тебя хорошее место.

Но ярлу как будто было все равно.

Эти часы рядом с Эйком, после стольких месяцев его отсутствия, позволили Леифу кое-что понять. Всю свою жизнь он знал сложного и могущественного человека, сурового и холодного во многих отношениях, но теплого и открытого в других. Человека, который проявил к нему любовь и благосклонность. Он знал, что Эйк может быть суровым, и он видел, как годы изменили его, но Леиф помнил человека, которого любил, даже когда тепло в его душе иссякло.

Он не был слеп и видел, что ярл изменился. Он просто соблюдал свою клятву и помнил человека, которым Эйк был, и с высоко поднятой головой принимал последствия своей преданности, хоть и соглашался с ярлом все реже и реже.

Бренна тоже была предана Эйку — пыталась быть даже сейчас — но Леиф понимал, что ее преданность не такая, как его. Она предложила себя ярлу в рабство, и он принял это. Когда она спасла его жену и маленьких детей от врагов, которые убили жену и нерожденного сына Леифа, Эйк погасил этот большой долг, освободив ее и доверив ей свой меч и щит. Он заставил ее поклясться в верности. Он все так же держал ее при себе, но теперь в качестве воина.

Но он дал ей дом, когда у нее его не было, и он был честен, когда Бренна отдала свой долг. В этом заключалась ее верность. Леиф знал ее лучше, чем большинство других, и он думал, что она примирила свою преданность с человеком, которым стал Эйк, просто потому что приняла бы его решение и его путь. Она бы закрыла глаза на его недостатки и видела бы перед собой только человека, которого хотела видеть.

У Леифа не было такой роскоши. Он видел Эйка таким, какой он был. Теперь, после разлуки, он видел его по-настоящему.

И ему было стыдно.

Но дело было не в том, чтобы просто отказаться от клятвы. Последствия любого решения любого из них сейчас могли привести к беде. Вали не хотел видеть дальше того, что видел. Он взял себе жену и решил поселиться здесь, полностью осознавая опасность такого выбора, и ему было все равно, потому что он презирал Эйка. Леиф снова и снова пытался поговорить с ним о том, с чем они столкнутся. Но Вали всегда просто пожимал плечами и говорил, что пусть все идет своим чередом.

Но приближалась беда. И Леиф вдруг оказался единственным, кто мог отвернуть корабль их будущего от скал. Попробовать, по крайней мере.

Теперь Эйк бросил на него пытливый взгляд, и Леиф уверенно вернул его.

— Ты тоже строишь длинный дом, мой друг? — спросил Колдер, его голос звучал преувеличенно ласково.

От ответа зависело, останется ли он в семье ярла или станет чужим.

— Я помогаю. Как я уже сказал, мы все помогаем. Но если тебе интересно, хочу ли я остаться, то я отвечу, что нет. Мой дом — Гетланд.

Ярл тепло улыбнулся и, кивнув, повернул своего коня обратно к замку.

~oOo~

Вскоре после их возвращения Леиф разыскал Ольгу. Он поймал ее, когда она спускалась по задней лестнице, и потащил по темному коридору, не останавливаясь, пока не они не оказались в укромном уголке, который она называла своим. Там он захлопнул дверь.

— Леиф! Что случилось?

Вместо ответа он поцеловал ее. Он схватил ее за руки и крепко прижал к груди, прильнул губами к ее губам и яростно поцеловал.

Отчаянно.

Леиф пытался вложить все свои чувства к ней в этот поцелуй. Он пытался вложить в него годы любви.

Когда она преодолела шок и смятение и поцеловала его в ответ, он отпустил ее пальцы и подхватил на руки, прижав к себе, оторвав от земли. Она обняла его, и их души слились в поцелуе, который должен был остаться в их воспоминаниях на всю оставшуюся жизнь.

Потому что он будет их последним.

Ольга, наконец, отстранилась, покраснела и задохнулась, но Леиф не отпустил ее. Просто не мог. Ее пальцы запутались в его волосах, губы касались его щеки чуть выше линии бороды, и он не мог отказаться от этого ощущения.

— Что-то не так, — прошептала она.

Все было неправильно, но он еще не совсем понимал, что именно.

— Скоро всему придет конец, любовь моя. Ты должна держаться от меня подальше, пока Эйк здесь, пока я не уплыву с ним. Он подозрительно относится ко всему, что происходит, и он приплыл не затем, чтобы все решить миром. Я не знаю его намерений, но они не такие, какими должны быть. Теперь я представляю для тебя опасность. Все мы. Я бы хотел, чтобы ты поехала в деревню.

Она отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— Ты знаешь, что я не могу. Я должна управлять замком. Теперь, с таким количеством новых людей, у меня еще больше работы — и если все мы, кто работает здесь, сбежали бы в деревню, не сделало бы это твоего ужасного ярла еще более опасным?

Но Леиф думал только об Ольге.

— Я не хочу, чтобы ты была рядом с Эйком или кем-то из тех, кто приплыл сегодня.

— Рядом с твоими людьми.

Да, это были его люди. Он не мог претендовать на нее, как на свою собственность, а его люди были грубы с женщинами, которые им служили. В их мире все люди, которые служили, были бесправной скотиной. Потребовались недели, чтобы обуздать налетчиков, оставшихся здесь в прошлом году. И теперь Эйк и Колдер были здесь, во главе нового отряда. Они наверняка закроют глаза на жестокость своих людей.

Леиф уже поговорил с теми, кто назвал этот замок домом, и они сказали, что сделают все возможное, чтобы не позволить прибывшим бесчинствовать. Но тех было больше — во много раз.

— Тогда отошлите в деревню как можно больше народа, и Ольга, пожалуйста, держись подальше от Эйка и его сыновей, и особенно от меня.

Ее красивые бездонные темные глаза долго смотрели на него, прежде чем она кивнула.

— Я постараюсь. Это... прощание?

— Это оно. *Ma armastan sind.*

Ее глаза наполнились слезами, но Ольга не заплакала.

— И я тоже тебя люблю. *Igavesti.*

— Да. И всегда буду, — кивнул он.

А потом он поцеловал ее снова. И это был последний поцелуй.

~oOo~

Эйк сел, и со своего места по другую руку от Колдера Леиф почувствовал гнев ярла, как будто волна тепла прокатилась по залу.

Бренна только что объявила о своем намерении остаться в Эстландии с Вали. Нет, она сделала все намного умнее. Она попросила разрешить ей остаться. Она не отвернулась от их ярла; она не нарушила своей клятвы.

То, что он исполнил ее желание почти без сопротивления, сказало Леифу больше, чем все другое. Он и раньше питал разве что слабую надежду, но теперь вовсе не верил,

что ярл действительно позволит ей остаться. Он просто выигрывал время. Он что-то задумал.

Эйк сердито взглянул на него — всего за несколько часов до этого Леиф уклонился от разговора о планах Вали и Бренны.

Две легенды вскоре должны были оборваться по приказу ярла. Леиф должен был предотвратить это. Любой ценой. Не только потому, что Вали и Бренна были его друзьями, но и потому, что они были больше, чем просто люди. Их гибель будет ударом для всего народа, потрясением для их веры.

Леиф перебирал в голове все замеченные оговорки и несоответствия, и думал, что понимает, почему на кораблях не было поселенцев. Ярл не собирался перебираться в Эстландию. Никогда не собирался. Даже налет, который привел их сюда годом ранее, не был связан с грабежом.

Эйк и Колдер заключили союз со Снорри только для того, чтобы берсеркер Вали Грозовой Волк и многие из его сильнейших воинов не смогли прийти ему на помощь, когда Эйк нападет. Он сыграл мудро, думая, что Вали останется, когда Колдер попытается присвоить землю себе.

Но он не ожидал, что останутся и Леиф с Бренной.

Даже без них он победил Снорри. И он прибыл сюда, готовый к битве, не для того, чтобы уладить претензии, а чтобы уничтожить последних людей Снорри. Леиф был в этом уверен.

Такие союзы не создаются честными людьми. Это был поступок труса. Обман и ложь, мелкая зависть и холодная жестокость — таков теперь был ярл Эйк.

И значит, Леиф ничего ему не должен. Человек, которому он поклялся жизнью и мечом, исчез.

Но это знание не давало ему покоя. Ничего не изменилось. Здесь Эйк был в своем замке с отрядом верных солдат, воинов, у которых не было времени узнать другую версию событий. Людей Леифа было безнадежно меньше. Им не видать победы. Не здесь.

Он не мог поговорить с Вали. Личная неприязнь его друга к Эйку была слишком велика. Он бросится сражаться сломя голову, и это только погубит их всех быстрее — их и невинных людей.

Нет. Они помирились с Тумасом. Если Леиф сможет заставить Эйка отплыть как можно быстрее, деревня будет в безопасности. Ольга и ее братья будут в безопасности.

Он должен был найти способ сохранить жизнь Вали и Бренне.

~oOo~

После трапезы Эйк и его сыновья переместились в кресла у очага, как будто для уединения. Леифа не позвали, и он остался на месте и включил свой ум для решения головоломок этой ночи.

Спустя какое-то время Колдер опустил руку на плечо Леифа.

— Иди посиди с нами, брат. Давай выпьем сладкой медовухи Эстландии, и ты расскажешь нам, как ты жил этой зимой. Нам тебя очень не хватало.

Леиф улыбнулся своему другу.

Все еще его друг. Всю жизнь они были на одной стороне. Бесчисленное множество маленьких клятв и тайн хранили еще в детстве. Колдер был воспитан своим отцом, но он не был Эйком. Он должен понять причину. Он должен был увидеть не только предательство, которое увидел Эйк.

Но Колдер был участником этих игр. Возможно, его отец оказал на него большее влияние, чем думал Леиф.

Забрав чашку, Леиф встал и последовал за своим старшим другом к группе тяжелых кресел, где сидели Эйк и Эйвинд.

Прежде чем он уселся в кресло, которое оставили для него, ярл заговорил, и его голос гудел:

— Она сдохнет. Сегодня вечером.

— Кто? — Леиф знал, но все равно спросил.

— Шлюха, которая называет себя дочерью Одина. Око Бога.

Бренна никогда себя так не называла. Она ненавидела имя, которое ей навязали.

— И этот самодовольный ублюдок тоже. Меня не волнует, как. Я хочу, чтобы это было сделано сегодня. Мы оставим его обнаженное тело на стене, когда уйдем, а ее привяжем к носу моего корабля. Когда они умрут, мы заберем тех, кто поклянется мне, и убьем остальных. Мы уйдем до рассвета.

Сердце Леифа колотилось. Его разум яростно работал, ему нужно было подумать, чтобы выиграть время.

— Корабли нужно подготовить к отплытию.

— Пока мы говорим, Вигер занимается этим, — ответил Колдер, и Леиф понял, что не видел его довольно давно. Затем Колдер ухмыльнулся и нежно похлопал Леифа по руке. — Слушай, помнишь ту темноволосую маленькую бабенку, на которую ты положил глаз прошлым летом? Я вижу, она бродит здесь. Ты хочешь забрать ее? Или она тебе уже наскучила? Может, я присуну ей пару раз, если ты с ней закончил. Она должна быть тугая, если только ты не разорвал ее на части.

Колдер хорошо знал, как Леиф относится к женщинам, и часто шутил над этим. Возможно, из-за того, что до женитьбы Леиф не знал женщин, он не испытывал сильного желания. После смерти Торил он сблизился с несколькими женщинами, но действовал мягко. А если женщина не хотела, он справлялся со своими нуждами сам.

Замечание его друга, такое грубое, содержало злобный намек.

На мгновение вся воля Леифа перешла к его рукам и заставила их сжаться. Он бы убил Колдера этими руками на глазах у отца и брата, если бы тот сделал хотя бы шаг навстречу Ольге. Что бы это ни значило для будущего.

Но Эйк ударил кулаком по подлокотнику кресла:

— Нет времени для этого. Я хочу справедливости и хочу, чтобы меня увезли отсюда. Все ценное уже погружено. Колдер, ты берешь шлюху. Леиф — ты прикончишь ее волка.

Когда он встал, Леиф поднял руку, останавливая ярла.

— Стойте!

Ярл и его сыновья замерли. Их подозрительные взгляды не отрывались от Леифа.

Думая быстро, стараясь сдержать свой разум, он сказал:

— Что даст ее убийство? Это сделает ее мученицей. Если ты не убьешь ее в бою или после суда, легенды будут гласить, что ярл Эйк — трус, который убил Око Бога. И такая темная смерть может привлечь внимание Одина.

Глаза Эйка сузились, но он позволил Леифу продолжить.

— Почему бы не сделать ее снова твоей рабыней? Поработи ее. Покажи, что ее клятва не может быть нарушена.

Пока эти слова не прозвучали в воздухе, Леиф не поверил бы, что смог бы сделать такое предложение. Он знал, что только что навсегда потерял своих друзей.

Бренна будет презирать его. Вали убьет его по той же причине, по которой он сам сейчас едва не прикончил Колдера. Они будут видеть только то, что на поверхности — предательство. Они не поймут, что он желал им добра. Но он пытался спасти их жизни, жизни своих друзей, семьи.

Да, вот, чем они стали здесь: семьей. И Леиф потеряет ее. Еще одну семью. Еще одну любовь.

По крайней мере, на этот раз он отказался от семьи и любви, чтобы спасти их.

— Привези ее домой в цепях. Это хорошая идея, отец, — сказал Эйвинд. — Это будет справедливо. Победа. Она — подарок тебе от Одина. Я верю, что Великий Отец увидит справедливость в таком наказании.

Эйк подергал себя за бороду, повернулся к Леифу и улыбнулся.

— Ты — мой сын, как и любой другой, Леиф Олафссон. Твой отец был моим хорошим другом и советником, и я рад, что ты теперь на моей стороне. Я по тебе скучал.

Он протянул руку и Леиф ухватился за нее.

Ему было плохо. Плохо на сердце, плохо в душе. Но другого пути он не видел.

Эйк сказал:

— Сделаем так. Колдер, возьми ее живой. Леиф, пусть Грозовой Волк умрет. И тогда мы посмотрим, кто восстанет против меня.

Он встал и ушел, звеня золотыми цепями. Ольга была права, он был не лучше Владимира или Ивана.

Леиф посмотрел через зал, где Вали сидел за столом, один. Их глаза встретились, и Леифу пришлось отвернуться.

Боги, в чем только он собирался участвовать.

~oOo~

Некоторое время спустя он потушил факелы в боковом коридоре на восточной лестнице и стал ждать в темноте, пока Вали не пойдет в их с Бренной покои.

Бренна. Леиф знал, что ее не было в комнате. Колдер уже схватил ее и забрал отсюда. У него было разбито лицо, но он смог ее связать, напав на нее, пока она спала. Действительно, работа труса.

То, что планировал Леиф, было немногим лучше. Когда Вали поднялся по лестнице, Леиф шагнул вперед.

Удивленный, Вали спросил:

— Что-то случилось? — и привычно потянулся к месту, где за поясом у него обычно был топор.

— Да, мой друг. Случилось, — Леиф взмахнул топором, наклонился вперед и ударил Вали по голове обухом. Он ударил сильно и верно, и его друг упал на пол, и от стука, казалось, сотрясся весь замок.

За несколько месяцев до этого потребовалось четыре сильных человека, чтобы поднять Вали по лестнице на противоположную сторону замка. Леиф был одним из них. Теперь, в одиночестве, в темноте, он схватил лишившегося сознания друга за руки и потянул вниз по коридору. Он должен был найти место, чтобы укрыть его, чтобы пережить эту ночь.

Кровь текла из раны, которую нанес топор. Леиф надеялся, что не убил Вали.

~oOo~

Это он начал кровавую бойню, хотя и непреднамеренно.

Ему удалось спустить Вали по задней лестнице в конюшню под покровом темноты, в то время как Эйк держал в зале речь, предъявляя свои претензии и условия. Он связал своего друга и оставил его в дальнем стойле, надеясь, что опасность грозить ему здесь не будет.

Но выйдя из конюшни, он наткнулся на Кнута, одного из людей Эйка.

Не зная, чью сторону примет Кнут, но будучи уверен, что в любом случае придется драться, Леиф достал меч. Кнут моргнул, тоже удивленный, и достал свой.

— Эйк хочет разрушить все это, Леиф. Все, что мы построили. Мы не можем это позволить.

Значит, Кнут был еще другом. Вали понадобится столько людей, сколько можно спасти. И Леиф увидел шанс спасти Вали — и, возможно, Кнута, если будет осторожен.

Заставив голос понизиться, он сказал:

— Как и ты, я поклялся Эйку. Он мой ярл, и у меня нет другого. Грозовой Волк мертв. Ты можешь присоединиться к нему, или можешь сохранить верность клятве и жить.

Он взмахнул своим мечом.

Кнут блокировал удар, выражение его лица сменилось на враждебное. Леиф был более сильным воином и лучшим фехтовальщиком, но он не бил в полную силу, и дрался почти для вида.

И тут в ночи раздался неземной боевой рев Астрид, и Леиф повернулся, чтобы увидеть, как она бежит прямо к нему, ее щит и топор подняты в угрожающем жесте. Из-за угла наперерез ей выскочил Олуф. Удар — и Астрид оказалась повержена. Леиф увидел, как топор вылетел из ее руки, когда она упала в грязь.

И потом полилась кровь.

~oOo~

Битва продолжалась недолго. Люди Снорри сопротивлялись Эйку, как и большинство деревенских мужчин, оставшихся на праздник. Некоторые из воинов Эйка, Астрид и Кнут среди них, тоже сопротивлялись. Но их было мало. Недостаточно, чтобы склонить чашу весов на их сторону.

Несмотря на то, что он пытался сохранить жизни друзей, инстинкт самосохранения овладел им в разгар битвы, и Леиф убил троих из людей Снорри. Может, и Кнута, хотя и он, и Астрид дышали, когда Леиф уходил. Орм с разрезанным лицом лежал возле двери замка. И так много других. Все, кто сопротивлялся Эйку, были мертвы или считались таковыми.

Леиф считал, что Орм выживет. Он надеялся на это.

Земля была усеяна телами. Зловоние пропитанное кровью дерна наполнило воздух. И было еще совсем темно.

— Где тело Вали Грозового Волка? — спросил у Леифа Эйк. — Я хочу помочиться на его тело, как помочился на тело его любимого ярла.

Слишком уставший и обескураженный, чтобы что-то придумать, Леиф вздохнул и попытался объяснить.

— Я его видел, — крикнул кто-то из-за спины. — Лежал, разрубленный напополам. Вот там!

Ярл и Леиф повернулись на звук, но позади них уже никого не было, и Леиф не узнал голос. Он не знал, был ли это кто-то, кто хотел отвлечь Эйка, или кто-то просто хотел сделать свою выдумку частью легенды.

В любом случае, это ему помогло.

Как раз в этот момент Колдер вышел из замка, неся Бренну через плечо. Она была связанная, с кляпом во рту и завязанными глазами, одетая только в свое тонкое спальное платье. Колдер бросил ее на землю около ног Леифа, и она захрипела.

Колдер посмотрел на отца.

— Она очнулась. Она уже пытается бороться.

— Тогда оглуши ее. Я не хочу, чтобы она пришла в себя, пока мы не будем в море, — рявкнул Эйк своему сыну, и Колдер повернулся и ударил Бренну по голове.

Она затихла.

Эйк огляделся вокруг.

— Сжечь это все!

Леифу снова пришлось быстро думать. Голова от усталости болела.

— Ярл. Огонь привлечет сюда жителей.

— Ну и что? Думаешь, какие-то фермеры представляют для нас угрозу?

— Нет. Но они замедлят нас, а мы готовы к отъезду. Почему бы не оставить тела гнить на солнце?

Он уже ненавидел гордую усмешку на лице ярла.

— Да. Мы оставим тела. И покинем это никчемное место и вернемся домой, чтобы вершить свою судьбу.

Пока они загружались на корабль, Леиф огляделся.

Так много тел. Люди, о которых он заботился. Люди, которые ему доверяли.

Он надеялся, что некоторые выжили, но окажется ли их достаточно, чтобы помочь Вали?

Это была единственная надежда, причина, по которой он сделал то, что сделал, а не занял свою позицию бок о бок с Вали и Бренной. Он хотел, чтобы люди, которых он любил, остались живы. Хотел дать им шанс сразиться в другой день, когда появится надежда на победу. Хотел увидеть собственными глазами тот день, когда Эйк встретится с возмездием.

Леиф не видел Ольгу со времени праздника. Он больше никогда ее не увидит. Он даже не знал, жила она или умерла.

Боги, а что если он совершил ужасную ошибку? Что, если он отказался от всего в обмен на ничто?

~oOo~

Когда корабли покинули побережье Эстляндии, уже вошло яркое летнее солнце. Ветер был силен и весел, и в воздухе была та ледяная прохлада, что обычно бывает летним утром в море. Этот холод будет усиливаться по мере их продвижения в открытое море, даже если погода не изменится.

Леиф стоял у кормы и смотрел, как земля уходит к горизонту.

Он изо всех сил старался спасти своих друзей, но все, что он оставил после себя, это кровь и предательство. Он не знал, живы ли в замке Вали, Ольга или кто-то еще. Бренна лежала позади него, связанная, избитая и брошенная на произвол судьбы.

Если бы он просто вонзил свой клинок в мягкий живот Эйка, по крайней мере, ярл тоже был бы мертв.

Он потерпел неудачу.

Леиф бросил последний взгляд на землю своей любви, свой истинный дом и сосредоточился на Бренне. Все, что он мог сделать сейчас, — заботиться о ней.

Они оба были воинами, и они продолжают сражаться. Он сохранит ей жизнь. И он сохранит в них обоих надежду на то, что Вали все еще жив.

Глава 9

— Он выживет? Он нам нужен.

Ольга оторвалась от раны на голове Вали, которую зашивала, и обернулась, чтобы посмотреть через плечо на Орма.

— Удар был сильный, опухоль большая. Но кость не пробита, и это хорошо. Я не могу сказать, выживет он или нет, но, кажется, этого великана просто невозможно убить.

Орм издал сдавленный смешок и поправил сползшую повязку на лице. Его рана тоже была серьезной, удар рассек лицо пополам, но старик не обращался за помощью, пока не нашли Вали. Вали был главным в замке, он был важнее всего.

Этот гигант был выше всех в замке — выше всех виденных когда-либо Ольгой мужчин. Даже среди высокорослых налетчиков было мало таких, кто мог сравниться с ним по росту. Одним из таких был Леиф.

Удар был нанесен прямо в висок — Ольга видела много ран, пока была целителем в своей деревне, много проявлений жестокости или просто случайных ударов. Она

научилась видеть, как наносился удар. Удар Вали нанес человек, который был почти такого же роста, как он.

Леиф. В своем сердце Ольга уже знала, что это Леиф пытался его убить.

Она видела своими глазами, как он сражался с ее друзьями — со своими собственными друзьями. Она видела, как он вскрыл живот Тока, молодого парня едва ли старше ее брата Антона. А ведь они так часто смеялись вместе в залах замка.

К наружной стене были прибиты тела. Земля была еще влажной от крови. Почти все налетчики были мертвы или ушли с Эйком. Только некоторые остались — те, кто еще мог дышать, те, кого она могла вылечить, и среди них не было тех, кто не нуждался в помощи.

И она тоже. Она тоже нуждалась в помощи. Пока битва кипела за пределами замка, группа налетчиков ворвалась внутрь — грабя, хватая то, что попадалось под руку. Ольга сделала то, о чем просил ее Леиф. Она отправила большую часть женщин прочь из замка. Но для тех, кто остался, ночь наполнилась уже знакомым ужасом. И налетчики снова стали врагами и вели себя, как враги.

Таков был ход вещей.

Ольга не смогла вынести зрелища Леифа, прорубающего себе путь сквозь ряды бывших друзей. Она пыталась сбежать, но была поймана уже в кухне и зажата у стены. Ее заставили лечь на камень у очага лицом вниз, и Ольга снова слышала крики женщин, но теперь уже не могла призвать их крепиться. Большая рука заставила ее уткнуться в камень лицом, и мужчина овладел ей так жестоко, что она даже не нашла в себе сил закричать.

Теперь ее губы были разбиты и опухли, тело — истерзано, а сердце разбито.

Когда налетчик оставил ее в покое и ушел на чей-то зов, она нашла тихое место и спряталась там, ожидая, пока в замке станет тише. Когда она выбралась из своего укрытия, везде стояла мертвая тишина. Вокруг лежали тела убитых. Тяжелый запах крови и внутренностей наполнял воздух.

И потом те, кто мог двигаться, начали двигаться, и история этой ночи начала сплетаться из разрозненных нитей. Они нашли Вали, связанного и безжизненного, в конюшне. Бренны не было с ними, ее забрал ее ужасный ярл и его ужасные мужчины.

И Леиф был одним из них.

Антон был прав. Она была просто глупой женщиной, которую обвел вокруг пальца красивый могущественный мужчина. Она слишком замечталась и забыла о том, что такое жизнь. Но уже никогда не забудет.

Закончив зашивать рану, она обрезала черную нитку.

— У Вали самая тяжелая рана из тех, что я видела у живых. Позови кого-нибудь из деревенских, пусть помогут перетащить его в его покои. Надо сделать это так осторожно, как только сможем.

Строительство деревни остановилось, когда мужчины и женщины вернулись в замок помочь тем, кому нужна была их помощь. Мужчины исполняли свой темный долг перед павшими, уносили их тела в священные леса, отделяли тела друзей от тел врагов. Женщины помогали Ольге разобрать припасы, оставшиеся после нападения. Они намеревались покинуть замок сразу после того, как поправятся раненые.

Она поднялась и решительно поглядела на Орма.

— А потом я помогу тебе с твоим лицом.

Ее сердце было разбито, но дух был цел. Она не будет плакать о том, чего, как оказалось, не имела. Она была сама по себе впервые в жизни, и пусть Леиф и подарил ей эту свободу, он не сможет ее сокрушить тем, что оставил ее.

Даже золотоволосому гиганту не под силу сломать ее.

~oOo~

Но с горем и гневом Вали ей было не справиться.

Видя его отчаянную ярость, ужас в его все еще мутных от боли глазах, пока он пытался понять сердцем то, что случилось, осознать свою потерю и предательство Леифа, оказавшегося виновником их поражения, Ольга чувствовала, что готова сдаться.

Когда мужчина, огромный, как медведь, этот легендарный несокрушимый воин, упал на колени, повторяя имя жены, Ольга услышала в его рыдании свое собственное горе. Она опустилась на колени рядом с Вали и попыталась утешить его, разделить с ним его боль, но он отстранил ее.

У них было общее горе, но каждый должен был сам справиться с ним.

~oOo~

Мир должен удерживать равновесие.

В конце концов, все придет к равновесию.

Таков ход вещей.

Таков ход вещей.

Таков ход вещей.

Ольга проснулась ночью, села на своей узкой кровати в хижине, которую делила с братьями, и повторяла эти слова снова и снова, как безумная. Как заклинание, чтобы прогнать темноту прочь.

Но в ее мире не было заклинаний, не было призраков и чудовищ, не было богов и гигантов. Не было магии. В нем была только сила. Сила в земле, в воздухе, в воде — и сами земля, вода и воздух были этой силой. И знание об этой силе, уважение к ее приливу и отливу было знанием о самом мире, видением, позволяющим узреть равновесие. Если чаша весов наклонилась в одну сторону, она скоро наклонится и в другую. Всегда движение, но всегда равновесие. Таков был мир.

День и ночь. Солнце и луна. Лето и зима. Сев и жатва. Жизнь и смерть. Все это было сплетено между собой в этом мире. Земля, воздух, вода, огонь.

Но был еще дух, да, хоть он и не являлся чем-то потусторонним. Это была воля и душа, это было то, что направляло разум и сердце. Это было то, что можно только получить в дар, но никогда — подарить самому.

Ольга была талантливой целительницей не только потому, что знала растения. Ее целительная сила исходила из понимания элементов, из которых состоит их мир. Она видела равновесие. Она знала ход вещей. И это знание открывало ее разум и направляло ее руки. Делало ее спокойной — и это мощное спокойствие просачивалось в ее снадобья, в ее прикосновения.

Знание хода вещей было знанием мира.

Ольга знала, что такое потрясение. Она знала, что такое ужас и печаль. Она знала боль. Но никогда еще она не знала страха. Страх приходил от незнания мира, от неумения принять равновесие, а Ольга знала и понимала. Она видела. Так что она не боялась.

До сих пор.

И теперь Ольга боялась всего — и так сильно, что не могла справиться с этим страхом. Она боялась темноты. Сна и снов. Непредсказуемости будущего. Истины прошлого. Она боялась того, что не знала, и того, что знала.

Она не могла найти равновесия. Она потеряла его. Она потеряла себя.

~oOo~

Калью вошел в хижину, держа в руке большую охапку папоротника.

— Тебе. Для твоего целебного чая. На дальней стороне поля его много.

Ольга улыбнулась и забрала растения.

— Спасибо.

— Ты выглядишь усталой, — сказал Калью, моя руки в миске.

Она и была усталой. Она была измотана. Уже неделя прошла с момента, как ее мир пошатнулся. И если он постепенно обретал равновесие, то она нет.

Деревенские вернулись к работе: строили, сажали то, что можно было еще посадить теперь, пока время сева еще не кончилось. Те налетчики, что остались, тоже пришли в деревню.

У них не было корабля, чтобы переплыть море, так что им пришлось смириться.

Все смирились. Кроме Вали. Он был настроен вернуть Бренну, и он остался в замке один, и строил своими руками корабль, который должен был доплыть до Гетланда. Он словно сошел с ума: от желания увидеть Бренну, от желания отомстить, от желания хоть что-то делать.

Ольга поставила миску с супом из потрохов на стол и положила рядом краюху свежего хлеба, улыбаясь брату.

— Не так уж я и устала, *kullake*, — сказала она, когда Калью сел. — Антон придет?

Ольга взяла другую миску и приготовилась наполнить ее.

Калью ухмыльнулся и ткнул пальцем в сторону окна.

— Не думаю, что он придет. Анна здесь.

— Анна? — девушка много помогала Ольге и даже училась лечить раны. Ольга не знала, что Антон обратил на нее внимание.

Она подошла к окну и оглядела улицу. Некоторые дома еще строились, кое-где еще были пустыри, но деревня определенно уже превращалась в настоящий город.

И там стоял ее брат, у колодца, наклонившись к Анне и глядя на нее так, что у Ольги закололо в груди. Она теперь знала, чем для женщины может обернуться такое внимание мужчины.

Ее брат был взрослым. Да, ему было достаточно лет, чтобы обзавестись женой. Завести свою семью.

Таков был ход вещей. Жизнь шла своим чередом. Мир вернулся к равновесию.

А она нет.

Ольга стояла у окна и наблюдала за тем, как жизнь ее брата движется вперед. Антон улыбнулся каким-то словам Анны и отступил. Застенчиво кивнув, девушка повернулась и направилась к дому отца. Антон проводил ее взглядом.

Он уже был на полпути к домику, который делил с Ольгой и братом, когда Харальд, один из налетчиков, а теперь поселенец, влетел в деревню на взмыленном коне. Лошадь хрипела — было видно, что скачка была долгой. Харальд был с Даном и Астрид на патруле где-то на севере.

— Солдаты! — крикнул он, проезжая по улице. — Они скачут за нами! Хватайте оружие! Мы умрем, если не дадим отпор!

Антон повернулся в направлении дома Анны, но сделав пару шагов, остановился и, развернувшись, направился к дому сестры и брата.

~oOo~

У некоторых поселенцев в новом городе были щиты и мечи, и топоры; они тренировались с налетчиками всю долгую зиму, и их кузнецы выковали им новое оружие.

У Ольги и ее братьев не было оружия. После того, как был захвачен замок Ивана, после того, как погиб отец, Антон не хотел больше быть частью войны. Но теперь он вбежал в домик и схватил со стены вилы. Швырнув их Калью, он схватил косу.

— Прячься! — крикнул он Ольге, отталкивая ее вглубь домика, потом повернулся к брату. — Защищай ее!

Не дожидаясь их ответа, Антон выбежал прочь. И почти тут же земля начала дрожать от топота копыт сотни лошадей.

Ольга схватила со стола нож. Она не станет прятаться. Женщины, которые прячутся, оказываются, в конце концов, на столе, лицом вниз. Их насилуют. Вот каков ход вещей.

Она больше не хотела оказаться изнасилованной.

Она убьет любого, кто попытается взять ее силой, или убьет себя. Для нее теперь не было разницы. Но она не позволит кому-то снова овладеть ей. Больше никогда.

Калью уставился на нее огромными от страха глазами, вилы дрожали в его руках. Но когда Ольга попробовала отобрать оружие, он сжал его крепче, спина выпрямилась, и голос зазвучал твердо.

— Я не позволю им тронуть тебя, сестра, — сказал он, отстраняя ее.

~oOo~

Солдат ворвался в дверь: пылающий факел в одной руке и меч в другой. Калью рванул вперед и всадил вилы в широкую грудь, и вилы пронзили защитный доспех, но не причинили особого вреда. Солдат выдернул вилы, и Калью отлетел прочь. Он упал на стол, на котором Ольга готовила свои снадобья, прямо в кучу сухой травы, которую она разложила для вечера.

С жестокой усмешкой солдат ткнул факелом Калью в грудь. В мгновение ока сухие растения и легкая ткань туники вспыхнули, как костер жатвы, а потом ее брат начал кричать.

Ольга удержала свой собственный крик и бросилась вперед, прыгнув солдату на спину. Она погрузила свой маленький нож в затылок воина, нажимая все сильнее, вонзая лезвие в плоть под его черепом. Несколько мгновений — и солдат упал на колени, а потом и лицом вниз на пол.

Крики ее брата почти заглушали звон оружия и стоны смерти, наполнявшие воздух. Ольга схватила ведро с водой и вылила на Калью, и он закричал громче, когда пламя погасло, и от тела повалил пар. Он кричал и кричал, и Ольга видела, как сползает почерневшая кожа с его лица и шеи.

Для него уже не было спасения. Не было такой травы, которая могла бы облегчить его боль.

Был только один выход.

Ольга опустилась рядом со своим маленьким братом на колени и вонзила нож в его грудь.

~oOo~

Когда Калью умер, Ольга отложила нож и поднялась. Она схватила меч, выпавший из руки мертвого солдата, и вышла из дома навстречу бою.

Она не задумывалась о том, что будет делать. Ее мысли были поглощены мертвым братом, которому она заменила мать. Она снова и снова видела перед собой его горящее тело, чувствовала, как нож пронзает его сердце, вдыхала запах жареного мяса. Больше она не знала ничего.

Ольга подняла меч и вышла через дверь так решительно, словно ее кто-то вел. Она прошла через весь город почти по прямой линии, едва ли обращая внимание на то, что происходит вокруг, едва ли замечая дым и огонь. Удушающий запах огня и дыма, и жареного мяса. Весь город был объят пламенем.

— Ольга! — закричал ей в лицо Антон, и на мгновение она вернулась в реальность.

Его лицо было покрыто кровью. Он все еще держал в руке косу, где-то раздобыл щит, один из толстых деревянных щитов, которые несли налетчики.

— Ты чего? Где Калью?

Она не могла говорить, потому просто покачала головой. Боль потери на мгновение омрачила чело ее брата, а потом он отшвырнул прочь косу и взял у нее из руки меч. Резким движением Антон оттолкнул Ольгу прочь, и вовремя — к нему подскочил воин с мечом. Ольга упала на землю, но тут же вскочила на ноги, когда тот взмахнул оружием.

Антон не тренировался обращаться с мечом, но он блокировал первый удар щитом, а потом ударил в ответ. Но с косой ему бы повезло больше. Солдат с силой ударил снизу, и меч Антона отлетел прочь, вращаясь на лету. А потом отлетел и щит. Он упал рядом, и Ольга подхватила его, собираясь вернуть брату...

...но тот уже лежал на земле с перерубленной шеей, и жизнь фонтаном вытекала из его горла.

А потом солдат повернулся к ней. Все еще держа в руке щит, Ольга завопила и подняла его, и меч ударил в дерево так сильно, что вибрация пронзила все ее тело, заставив зубы клацнуть.

Он ударил снова, и она снова блокировала удар. И снова. И снова. Ее руки взрывались болью в ответ на каждый удар.

С последним ударом щит треснул пополам.

Солдат напал, и Ольга поняла, что сейчас умрет. Ей было все равно. Она даже была рада этому. Она уйдет в землю, и ее тяжелая жизнь будет окончена, и она была этому рада.

Но потом меч солдата отлетел прочь, как и его отрубленная рука, и перед ней вырос Вали.

Она должна была умереть. Она хотела умереть.

Он закричал что-то, но она не понимала его. Она ничего не понимала.

~oOo~

Из всех налетчиков и жителей деревни и замка в живых после нападения осталось двенадцать человек: пятеро налетчиков и семь деревенских, семь мужчин и пять женщин. Вали увел всех уцелевших в замок.

А потом он заключил союз с Тумасом. Он попросил его дать им возможность уплыть отсюда. Через море на судне, больше похожем на рыбацкое.

Вали пообещал Ольге, что Леиф заплатит за то, что сделал.

Теперь она понимала его слова и понимала еще одну вещь: ненависть. Только она в ней и осталась.

Она села на корабль с теми, кого еще могла назвать друзьями, и смотрела, как мир, который она знала всю жизнь, исчезает за горизонтом. Она найдет Леифа и заставит его заплатить, или умрет на пути к чужой земле. Только так.

Мир обрел свое равновесие.

Глава 10

— Она сильная, ярл. Эта сука по-настоящему сильна. Я могу попробовать смягчить ее норы, если ты поз...

Когда ярл Эйк махнул рукой, Игул, толстый раб, который обычно выполнял самые мерзкие его поручения, закрыл рот и не стал заканчивать фразу.

— Ты ее не тронешь. Она — Око Бога, и она принадлежит мне. Но ты сказал, она не сдалась.

— Нет, ярл. Она сегодня утром вырывалась, как бешеная, и пыталась даже плюнуть в меня.

Леиф послал косой взгляд в сторону Колдера. Они говорили утром, и он пытался убедить старшего сына ярла и своего старого друга, что его отец искушает богов, мучая Бренну. Ему нужно было, чтобы именно Колдер говорил с отцом об этом, потому как Эйк уже подозревал Леифа, и это подозрение все росло. Но пока на Колдера можно было воздействовать. А вот на его отца уже нет.

Леиф не думал о том, что будет, когда ярл лишит его своего доверия. Наверняка последствия будут ужасны, но эта правда не помешает его планам.

Они уже несколько дней как вернулись в Гетланд, и Бренну сразу же заковали в цепи и посадили в амбар на окраине города. Ее здоровье и силы утекали с каждым днем. Эйк ждал, пока она сломается, пока станет умолять его — просить еду или воду, или травы, чтобы унять жар, да что угодно, лишь бы умоляла.

Но она не станет этого делать, как бы ярл ни мучил ее, и Леиф это знал. Она не умерла от «заботы» Игула только потому, что Леиф приносил ей хлеб и воду, и мясо, если мог достать, и травы от лихорадки. Чтобы ей стало хоть чуточку лучше.

Бренна снова ему верила, и эту веру ему было легко вернуть. Когда он рассказал ей, что Вали еще жив — а Леиф не мог позволить себе сомневаться в этом — и о том, что он сделал, чтобы спасти их, она просто сразу поверила.

Может, в неволе и страданиях ей просто был нужен друг, а может, все решили годы дружбы и преданности, но она сразу приняла его слова, и Леифу стало намного легче жить, зная о ее доверии.

А теперь он балансировал на лезвии меча, пытаясь оставаться на хорошем счету у ярла и одновременно сохраняя жизнь и силы своего друга. Но каждый раз как Леиф заговаривал о Бренне, неважно, какой был повод, он чувствовал на себе долгий взгляд Эйка. Он больше не доверял ему так, как раньше.

Это могло закончиться тем, что Леифа самого посадят на цепь рядом с Бренной, а то и вообще — отрубят голову.

Ему нужно было убедить ее просить о милости. Не умолять, не сдаться. Просить о помиловании, не падая духом. Просить о времени, которое им было нужно до возвращения Вали — или до момента, пока они сами не соберутся с силами — и потом расправиться с Эйком навсегда.

А теперь Эйк говорил, не обращаясь в отдельности ни к кому, говорил всем им: своим сыновьям Колдеру, Эйвинду и Ульву, Леифу, Вигеру и Игулу:

— Может, Око Бога хочет внимания своего ярла?

И уже Игулу:

— Помой ее и приведи сюда. Мы скоро узнаем, насколько она сильна.

~oOo~

И вот, перед ним оказалась Бренна Око Бога, еще сильнее, чем прежде. Она стояла перед Эйком в своей рваной, кое-как заштопанной одежде, волосы и тело вымыты наспех так, что на лице остались грязные потеки. Шея и запястья Бренны были скованы, и Игул держал ее цепь, как поводок.

Эйк сидел в большом кресле, обтянутом шкурами, — Ольга наверняка бы назвала это кресло тронном.

Бренна стояла прямо и держала голову высоко, словно ей не было дела до цепей, натирающих кожу. Взгляд ее пронзал ярла насквозь. Так Бренна смотрела в бою — сосредоточившись и не отвлекаясь ни на что другое. И правый глаз буквально сверлил врага. Ее боевой взгляд. Леиф видел и не раз, как враги трусили под этим взглядом еще до того, как Бренна поднимала меч.

И теперь этот взгляд был обращен к Эйку.

— Я отрекаюсь от тебя, — прошипела она, четко выговаривая каждое слово.

Эйк пытался вести себя как добросердечный хозяин, искренне страдающий от неблагодарности своего любимого слуги. Он предложил Бренне облегчить ее боль, дать ей еду и одежду. В обмен на все это она должна была снова стать его рабыней.

И вот в ответ на это, так называемое милосердие, Бренна проявила новую неблагодарность.

Эйк отбросил прочь притворство и подался вперед.

— Кто сказал тебе, что ты можешь отречься от меня? Я — твой ярл!

— Нет, ты не мой ярл, — ответила Бренна. Она вела себя так, словно стояла перед ним не в цепях, а в одежде Девы-защитницы, со щитом и мечом. Столько силы было в ее словах, пусть даже и звучали они хрипло, с трудом продираясь сквозь сухое горло.

Вокруг повисло напряжение. Эйк откинулся в кресле, его плечи снова расслабились.

— Тебя сломают, Бренна, Око Бога. И я буду смотреть, как это происходит. Вы знаете, что с ней делать, — сказал он Игулу, который выступил вперед, потянув за цепь.

Эйк хотел, чтобы ее отвели в комнату для пыток. В этой темной комнате ярл подвергал пытке тех, кто отказывался ему подчиняться. Леиф поднялся, сердце его сжалось.

— Ярл Эйк.

Все взгляды в зале обратились к нему. Глаза ярла опасно сузились.

— Тебе есть, что сказать, Леиф?

В той комнате Бренну могли сломать. Никто не выдерживал пыток.

Он должен был спасти ее. Леиф сделал глубокий вдох и, собравшись с силами, заговорил, твердо и решительно.

— Она — Око Бога. Вы заставите богов гневаться, причиняя ей вред?

Это были слова, которые Леиф повторял снова и снова с тех пор, как вернулся с ярлом из Эстландии, и он знал, что сила их иссякает с каждым днем. Но у него не было другого решения.

Колдер пока еще боялся богов, возможно, не совсем обезумел и его отец. Страх гнева Одина еще жил в них.

Эйк повернулся к Бренне перед тем, как ответить. Глядя на Деву-защитницу, он сказал:

— Ты прав. Но боги отдали ее мне, и она нарушила свою клятву. Она лежала в постели с моим врагом и вышла за него замуж. Боги согласятся, что такое предательство должно быть наказано.

Итак, страх перед богами больше не мог помочь Леифу. Он потерял единственную возможность спасти Бренну. И потерял доверие ярла, он это тоже осознавал.

Ярл кивнул Игулу.

— Подготовь ее. И приготовь прутья. Посмотрим, есть ли предел силы у Ока Бога.

Прутья. Желудок Леифа сжался при мысли о том, что ей предстоит.

Когда Игул потащил Бренну прочь, Леиф попытался поймать ее взгляд. На короткое мгновение, прежде чем ее лицо снова стало полным безразличия, он заметил на нем вспышку страха.

~oOo~

Эйк позвал Леифа присоединиться к нему и его сыновьям и стать свидетелем того, как подчинится ему Око Бога. Леиф знал, что это зрелище будет ему настоящим наказанием и что ярл и позвал его именно с этой целью, но он бы и сам попросился его сопровождать. Он потерпел поражение в попытке спасти Бренну. Он должен будет испытать до дна всю чашу своей вины за этот провал.

Она уже была раздета и привязана к большому деревянному столу в центре комнаты. Древесина давно потемнела и стала мягкой от крови многочисленных жертв.

Игул развел огонь, и железные прутья лежали там, ожидая своего времени. Сердце Леифа уже познало самую страшную муку на свете, но он не отвел глаз от спины Бренны: покрытой синяками, грязной и такой худой спины. Он не отвернется.

Эйк подошел к столу и наклонился, чтобы заглянуть Бренне в лицо. Она смотрела на него, гордо и спокойно даже сейчас.

— Тебя сломают, Бренна Око Бога. Ты будешь умолять о милости.

Она молча смотрела на него.

— Леиф, — сказал Эйк, отступив, и при звуке его имени Бренна сжалась и дернулась в своих путах.

Леиф тоже сжался. Эйк хотел, чтобы он был тем, кто накажет ее. Но он не станет. Он не может. Не было способа облегчить боль, которую намеревался причинить ей Эйк, — его руками или руками другого палача. Он не сможет облегчить эту боль, и он не станет тем, кто ее причинит. Им придется силой заставить его, если они захотят.

В этой темной комнате с Леифом и Бренной были Эйк, Колдер, Эйвинд, Ульв, Вигер и Игул. Ульв, младший из сыновей ярла, казался бледным в ожидании того, что должно было случиться, но Леиф не думал, что он повернет меч против своего отца. Может, он и еще слаб в искусстве боя, но против отца точно не восстанет, и если Эйку будет угрожать опасность, Ульв поднимет меч на его защиту.

Бренна была связанной и голой. Даже если бы она была готова сражаться — а он знал, что она готова, — на нее рассчитывать не приходилось.

Они все были безоружны, но в комнате было полно оружия. Леиф мог бы убить Эйка, это бы ему точно удалось. А потом ему пришлось бы сражаться с пятью воинами, четверо из которых были молоды и хорошо знали свое дело. Он мог бы убить двоих или троих, но потом его достанут. И Бренна останется на милость выживших.

Приготовившись сражаться, Леиф, тем не менее, попытался сначала поговорить.

— Эйк, нет.

В глазах Эйка вспыхнуло нетерпение.

— Ты отказываешь мне?

Тщательно подбирая слова, Леиф ответил:

— Я хотел бы просить тебя, как тот, кто любит тебя, как сын любит отца, пожалуйста, не заставляй меня это делать. Я выбрал тебя и снова принес тебе свою клятву, но ведь именно ты когда-то сделал Око Бога моим другом.

Долго и тяжело смотрел на него Эйк, и Леиф не отводил взгляда, в уме воскрешая перед собой обстановку комнаты и думая о том, как схватит оружие и погрузит его в плоть человека, стоящего перед ним.

А потом ярл вздохнул и подарил Леифу то, что могло быть намеком на улыбку.

— Вигер, тогда ты. Ты мне откажешь?

— Нет, ярл. Я служу твоей воле.

Освобожденный от одной ноши, Леиф сосредоточился на другой. Он заставил себя смотреть, как раскаленный докрасна железный прут ложится на спину Бренны и остается там, пока красное свечение не гаснет. Один за другим, пока ее спина не превратилась в череду идущих друг за другом свежих ожогов — от самых плеч и почти до ягодиц.

Она замирала и вздрагивала, и каждая мышца в ее теле напрягалась до предела, но ни звука не сорвалось с ее губ. Последний прут, кажется, довел ее до предела, но и тут она не закричала.

Эйк не сломал ее. Но он мог убить ее, если она не подчинится.

— Достаточно, — рявкнул ярл, и Вигер, выглядя почти разочарованным, отложил последний прут. — Верни ее обратно в амбар.

Ярл повернулся и вышел прочь из комнаты. Его сыновья и Леиф последовали за ним, не обменявшись ни словом.

~oOo~

Леиф убедил Бренну подчиниться. Он убедил ее покориться и снова принять участь рабыни.

Или это, или он будет свидетелем ее гибели. Эйк не остановится в своем намерении сломать ее и замучает до смерти.

Эйк обещал хорошо с ней обходиться, вылечить и накормить ее, и снова вернуть ее в свой зал — если она попросит о милости. Но это было до того, как он применил прутья.

А теперь он оставил Бренну в ее темной тюрьме, прикованной на всю ночь, а потом отправил выполнять самую черную женскую работу. И теперь ошейник с нее не снимали. Даже работая, Бренна носила его.

По настойчивой просьбе Леифа Колдер убедил отца позволить Оку Бога принять лечение от ожогов и дать ей соломенный матрас для сна.

Но влияние Леифа на семью ярла кончилось. С этого момента он оставался в стороне. Его не прогнали, но и не держали поблизости.

Он больше не был своим.

Но он все еще оставался рядом с ними. Сидя в зале рядом с Эйком, Леиф то и дело обегал помещение взглядом, ища тех, кто тоже видел истинную натуру Эйка. Волны беспокойства исходили как от свободных, так и от рабов; многие явно волновались, видя Око Бога униженной. Одину наверняка не понравится такое, и он может обрушить свой гнев на весь Гетланд и всех тех, кто будет предан Эйку.

Но некоторые видели в унижении Бренны доказательства могущества Эйка и милости богов к нему.

Он так долго был великим ярлом, а до этого — великим воином. Он водил воинов в бой, а потом готовил налеты, бесчисленное количество налетов, принесших горы золота. В его отряде к защитницам относились с почтением, а богатство его воинов росло вместе с его собственным.

Когда-то Эйк был великим. Но больше нет. Теперь он был просто могущественным. Но даже это могущество зиждилось на насилии.

Проходили дни, пролетали недели, и Вали все не было. Следы на спине Бренны стали заживать, а Леиф начал терять последние остатки надежды на то, что Эйк получит по заслугам.

~oOo~

Довольный своей победой над Снорри и Оком Бога, и своим пророком, обещавшим ему долгое и светлое будущее, Эйк снова отправил налетчиков в поход: Колдера, Эйвинда и Ульва.

Ярл оставил при себе Леифа, сказав, что ему нужен мудрый советник под рукой. Это было наказание, Леиф знал; и Эйк знал, что Леиф знал. Все знали.

Но Леиф был рад. Он не представлял себе, как оставит Гетланд и Бренну, да даже если бы и оставил, не думал, что вернется обратно. Он потерял всех друзей, тех, с кем был близок всю свою жизнь.

Из всех потерь эта была самой горькой.

~oOo~

Леиф никогда не забудет этого прекрасного выражения на лице Эйка, когда он увидел плывущие с севера корабли. Его ужас. Его кошмар.

Вигер, который пострадал в пьяной драке за ночь до отплытия сыновей Эйка и потому вынужден был остаться в Гетланде, влетел в зал несколькими днями позже, выкрикивая весть о трех длинных кораблях с цветами ярла Снорри Торссона. Они везли воинов. Они плыли сюда, и сам Вали Грозовой Волк стоял на главном корабле, глядя вперед.

В то время Леиф был в зале. Эйк не доверял ему настолько, чтобы оставить при себе, и одновременно опасался отослать его. Так что Леиф был там, когда на лице Эйка проступило понимание того, что он может и не победить в сражении с Вали Грозовым Волком. Он отправил своих лучших воинов в поход, наполнить сундуки сокровищами из земель, лежащих неподалеку. Эйку нужны были деньги, чтобы подготовиться к войне с ярлами Финном и Иваром.

Эйк быстро оправился и приказал мужчинам встретить корабли на берегу. А потом подскочил с кресла и ухватил Леифа за воротник туники.

Леиф не сопротивлялся. Он просто посмотрел Эйку в глаза. Не было времени доказывать свою преданность, его мысли были только о Бренне.

О Бренне Оке Бога, великой Деве-защитнице, благословленной Великим Отцом Одним. О рабыне.

— Ты сказал, он умер! Ты сказал, что убил его! Ты поклялся!

— Я не клялся, ярл. Я думал, что убил его. Я ошибся, — и слава богам за это.

Эйк выхватил из-за пояса кинжал. Это была красивая вещь, инкрустированная драгоценностями, больше демонстрация богатства, нежели оружие. Он приставил оружие к груди Леифа, прямо к сердцу, покрытому шрамами.

— Я относился к тебе, как к сыну. Я любил тебя, как сына. А ты оказался предателем. Клятвопреступником.

— Нет. Эйк, я не предатель.

Вигер вернулся в зал, его движения были быстры, словно и не было того ранения.

— Вали вызывает тебя, ярл. Он вызывает тебя на поединок.

Леиф не ожидал этого. Он ждал, что его горячий друг просто пойдет направо, размахивая топором направо и налево.

Он увидел в этом свой шанс. Шанс изменить все: вернуть Бренну Вали, дать им возможность отомстить Эйку, спасти Гетланд от его тяжелой длани. И, возможно, вернуть себе доверие настоящих друзей.

— Я буду сражаться за тебя, Эйк. Позволь мне доказать свою преданность.

Эйк отступил на шаг.

— Ты принесешь мне голову Волка?

— Ты никогда больше не будешь сомневаться в моей преданности, ярл Эйк Иварссон.

— Так сделай это, Леиф Олафссон, сын моего друга. Сын моего сердца.

Леиф кивнул, схватил стоящий у двери меч и вышел навстречу Вали, своему другу, чтобы сразиться с ним поединке. Вигер шел рядом, неся его щит.

Вали пришел не один, а с армией. Его люди заполнили берег рядом с кораблями, отрезав подступы к морю. На холме стояли люди Эйка, половина, не больше — те, кто остался, когда налетчики уплыли. Леиф прошел мимо них, направляясь к своему другу. Вали стоял на краю пирса, с обнаженной грудью и без щита, как обычно, держа в руках свои неизменные топоры.

— Вали Грозовой Волк, — позвал Леиф. — Ярл Эйк принимает вызов и посылает меня, Леифа Олафссона, как своего лучшего воина.

Если Вали и был удивлен, он этого не показал.

— Я с удовольствием убью тебя, Леиф, чтобы отомстить за предательство, которое ты совершил. Но я хочу видеть Эйка, и пусть он выйдет и сражается, как воин, или я убью его, как трусливую собаку.

Эйк уже показал себя трусом, он не заслужил достойной смерти. Леиф улыбнулся.

— Понимаю. Тогда я предложу другой план.

Он повернулся и поднял меч, вскрывая горло Вигера. Разрез был быстрым и резким, и Вигер просто стоял там, ошеломленный, держа щит, пока кровь стекала по его груди.

Прежде чем он упал, пока люди Эйка еще не поняли, что происходит, Леиф повернулся к Вали.

— Я твой друг, Вали. Всегда им был.

Он не мог ждать ответа: как только Вигер упал, люди ярла пришли в себя и обратили свое оружие против Леифа.

Он сражался за свою жизнь, когда заметил рядом тень. Вали сражался бок о бок с ним.

~oOo~

Мужчины и женщины, с которым сражался Леиф, были далеко не самыми лучшими воинами Эйка. Они были стариками, детьми и слабаками — кто-то уже без сил, а кто-то еще без опыта. Он знал почти каждого из них, некоторых — всю жизнь. Они были его друзьями, его народом. Он обучал некоторых из них, некоторые учили его самого. Он ел и пил в их компании. Смеялся с ними. Проводил обряды. Они были жителями Гетланда, его соседями, и он не хотел убивать их.

На самом деле, среди них было лишь несколько его настоящих врагов.

Но они служили Эйку, а он — нет. Он был их врагом, и они были его врагами. Он защищался, стараясь не нападать, но если они пытались убить его, он был вынужден убивать в ответ.

Старый Эгилл издал боевой клич и ринулся на Леифа, высоко держа свой старый топор. Его старческий голос сломался в крике. Леиф легко выбил топор из его руки и вонзил меч в грудь старого воина.

Эгилл был стариком уже во времена его отца. Очень давно он был великим воином, о котором ходили легенды. Говорили, что он убил однажды одиннадцать мужчин голыми руками и зубами.

Леиф поймал падающего воина и удерживал его, пока битва — хотя это уже было больше похоже на резню — кипела вокруг них. Положив Эгилла на землю, он выдернул из груди старика меч, а потом наклонился к его уху.

— Ты будешь в Валгалле, великий старый воин. Счастливого пути.

Эгилл улыбнулся. Кровь хлынула из раны и из беззубого рта, и воин закрыл глаза.

Леиф сомневался, что если погибнет он сам, его ждет Валгалла. Силы Вали намного превосходили силы защитников города. В их нападении не было доблести.

Но и выбора не было. Эйк должен был пасть, и должны были пасть все те, кто попытается этому помешать. Вот в чем была правда, в чем была доблесть. Это Леиф тоже знал.

Поднявшись, Леиф заметил на себе взгляд Вали. В этом взгляде не было любви или сочувствия. Вали просто кивнул и побежал к длинному дому, туда, где спрятался ярл.

Эйк был повержен еще до того, как нога Вали ступила на берег.

~oOo~

Двумя днями позже Леиф снова стоял на пирсе и наблюдал, как Вали и Бренна отплывают прочь на маленькой лодке, оставляя свои большие корабли там, где они пристали к берегу.

Ярл Вали Грозовой Волк, хозяин земель ярла Снорри Торссона.

И ярл Леиф Олафссон, владеющий землями Эйка.

Обряды прошли, клятвы были даны. Боги должны были услышать просьбу о милости.

Эйк умер от топора Вали. Бренна была свободна и вернулась к мужу. Они получили свое возмездие. Большинство людей Вали осталось в Гетланде, ожидая возвращения из похода сыновей Эйка, готовясь к новой битве, к первой битве нового ярла Леифа.

Вали не остался. Он хотел забрать Бренну из этого места, и Леиф согласился с его желанием. Она достаточно страдала. Она нуждалась в исцелении, ей нужно было вернуть свои силы.

Леиф показал Эйку свою настоящую преданность. Они с Вали были союзниками, и Леиф был его настоящим другом.

Но Вали больше не считал его своим другом.

Он обвинял Леифа в страданиях Бренны. Каждый шрам на ее теле, каждое мгновение ужаса, пережитое его женой, смерть друзей — во всем этом Вали винил Леифа. Он винил его и не доверял ему.

И поклялся, что больше никогда не поверит.

Но Бренна верила ему, и она сохранила свое влияние на мужа. Леиф надеялся, что Вали увидит, в конце концов, что он делал все, что мог, — ради тех, кого любил. Что его жена поможет ему это увидеть, и однажды они снова станут друзьями.

Потому что Ольга была в Карлсе, в месте, которое Вали называл домом. Она выжила и приплыла с Вали сюда.

Она была всего в двух днях пути по морю. Если Вали сможет снова стать другом Леифа, возможно, и она его простит.

Она была жива и так близко.

И может быть, все еще не было потеряно для них двоих.

Глава 11

Ольга скормила еще одно бревно пламени в очаге и вытянула руки над огнем. Карлса была намного севернее тех мест, что она когда-то называла домом, и даже лето здесь было холоднее, особенно сейчас, ближе к его концу.

По указанию Вали ей предоставили маленький домик рядом с центром города. Здесь раньше жил и работал Свен. Лекарь, которому она помогала, казалось, так давно, когда налетчики только-только ступили на землю Эстланда, когда Леиф, Вали и Бренна пришли в ее мир. Он погиб в море по пути домой.

Все друзья Вали погибли в море. Тот мужчина, которого Леиф называл своим другом, который, как она знала, был старшим сыном ярла, приказал своим людям убить их.

Вот они — люди, которых Леиф предпочел видеть своими друзьями. Переступив через Ольгу и ее любовь. И теперь она снова была одна в этом мире. Все из-за его выбора.

Ну, не совсем одна. Якоб потянулся и сел, смешной в своей растерянности: казалось, он не совсем понимает, где находится. Его растрепанная шевелюра свидетельствовала о беспокойной ночи, волосы стояли дыбом. Якоб передернулся и забрался обратно под одеяло.

— Доброе утро, *kullake*. Скоро будет овсянка и теплое молоко.

Мальчик что-то пробормотал и потер глаза.

Якобу было четырнадцать — столько же, сколько Калью. Ольга не планировала такого, но как-то вышло, что она взяла над мальчиком опеку. Не то чтобы она хотела заменить им своих братьев, нет. Но одинокий подросток заполнил часть зудящей пустоты внутри нее.

Ольга, Якоб, Яан, Ханс и Георг — вот и все, кто пережил ужас последнего года. Анна и Эха погибли в пути. Остальные были убиты либо налетчиками, либо солдатами, пришедшими после их отплытия.

Яан отправился вместе с Вали, вершить свою и его месть, а остальные остались в городе, среди людей, который не знали, что делать с ними дальше.

Сразу после прибытия им пришлось сражаться, когда Вали и остальные, еще слабые после путешествия, подняли людей на борьбу с захватчиками. Ольга многого не помнила — она болела и была слабой и растерянной (и все еще оставалась такой), — но Эйк захватил Карлсу в то время, пока Вали отсутствовал, и оставил в городе отряд своих людей. И они обращались с народом Карлсы жестоко.

А потом Вали узнал о том, что все его друзья, уплывшие с Эйком обратно, были убиты.

И хоть его щеки все еще были впалыми от голода, Вали сумел захватить длинный дом наместника ярла, ведя за собой своих людей. Ольга убедила Якоба не присоединяться к ним. Они вместе прятались на лодке. Он был молод и болел после того, как едва не утонул во время путешествия. Она не могла потерять еще кого-то в этом сумасшествии.

С нее хватит войны, крови и потерь. Хватит.

И теперь, когда Карлса снова стала той, что раньше, маленький отряд беженцев мог воспользоваться передышкой и попытаться вернуть себе силы. Их покормили и обогрели. Им дали приют. Люди относились к Вали как к герою и спасителю. Как к богу. И его друзья, даже чужаки, прибывшие с ним из-за моря, были приняты с почестями.

Они спланировали атаку на Гетланд, и вот уже Вали и с ним большой отряд сильных мужчин и женщин отплыл прочь.

Пока Вали не было, Ольга стала замечать на себе подозрительные взгляды горожан. Вали объявил, что она — целитель, он отдал ей старый дом Свена. Ольга видела в глазах людей, что они считают ее ведьмой, слышала, как люди говорили «вёлва».

Но в ее мире не существовало ведьм, по крайней мере, не в том смысле, который в это слово вкладывали здесь. Не было ясновидцев, не было тех, кто знал больше, чем другие. Просто надо было присмотреться поближе и открыть все свои чувства.

Пока за исцелением к Ольге не приходил никто, хоть в городе и не было другого целителя или повитухи. Возможно, пока было рано отчаиваться, но отчаяние теперь прочно поселилось в сердце Ольги, и она боялась, что останется навсегда зависимой от Вали и его милости.

Якоб поднялся и плюхнулся за стол, и она наложила в миску горячей овсянки и поставила перед мальчиком. Когда тот начал уплетать за обе щеки, она неосознанно протянула руку и провела пальцами по его волосам. Кудрявые, как и у Антона. И как у Микеля, того брата, которого она тоже потеряла.

— Ты плохо спал, — сказала она, наполняя свою миску и тоже усаживаясь за стол.

Якоб замер, не донеся ложку до рта, и посмотрел на нее.

— Я мешал тебе?

— Нет, я тоже не спала. Ночью... беспокойно.

Он кивнул.

— Непривычные звуки. И их так много.

— Да.

Карлса была намного больше, чем их маленькая деревенька, и даже с учетом того, что большая часть мужчин уплыла с Вали, вечерами было шумно. На город уже садилась тьма, а люди не спешили расходиться по домам.

Ольга предположила, что это потому что ночи здесь были длиннее. Дневные часы пролетали быстро, и Орм рассказал ей, что зимой здесь бывают дни, когда солнце не показывается на небе. Летом же бывало наоборот, солнце почти не садилось.

В ее мире зимние ночи и летние дни тоже были долгими, но не такими. Все здесь казалось другим. Это было не то равновесие, которое она знала.

Лишь его подобие, то, что на самом деле мешало ей спать. Это был страх, заставляющий ее сжиматься в клубок под шкурами в этом чужом доме в чужом городе. Это было осознание потери.

Воспоминание о том, как она погрузила нож в обожженную пламенем грудь своего брата, о крови другого брата, плеснувшей ей под ноги, когда она пыталась спасти свою жизнь. Это было ощущение прижимающегося к ее лицу камня у того очага, где чужой воин овладел ею — о, это насилие было хуже всего, что она уже познала, потому что такого бы не случилось, если бы ее не бросили и не предали.

Это было осознание того, что она подарила всю себя и всю свою любовь мужчине, который использовал ее и обманул. Он взял ее сердце, а потом бросил ее одну, обрекая на страдания и потери.

То, что сделал Леиф, было хуже всего. Его поступок опустошил ее, сломал.

Вот что на самом деле мешало Ольге спать ночами.

~oOo~

— Вот, — Ольга кивнула Рикке, чтобы та убрала ведро с рвотой, и протянула Бренне чашку с отваром. — Попробуй это.

Бренна отстранила ее руку.

— Не могу.

— Ты должна питаться, дочь, — мать Бренны, Дагмар, забрала питье из руки Ольги и уселась на край кровати, поднеся чашку к губам Бренны. Та отвернулась, как капризный ребенок.

Великая Дева-защитница всегда была сложной пациенткой — храбрая и безмолвная, даже когда боль была невыносимой, и капризная, когда ей приходилось терпеть малейшее неудобство.

— Меня снова вырвет! — Бренна поглядела через плечо матери на Ольгу, ее глаза умоляли. — Это намного хуже, чем в первый раз.

Она говорила правду. Шли дни, и от недомогания Бренна стала так слаба, что едва могла стоять.

Ольга присела на кровать и положила руку на чрево женщины.

— Скоро станет лучше. Я обещаю. Вспомни, ты говорила, что носишь ребенка, уже давно.

Дагмар кивнула.

— Ойли сказала, это будет тяжелое время, но внутри тебя растет сильная дочь.

Бренна и Вали вернулись в Карлсу победителями, но вернулись не только они. Они прибыли на другом, маленьком корабле, и с ними приплыла мать Бренны.

Большая часть воинов Вали осталась ждать в Гетланде возвращения сыновей ярла, чтобы помочь Леифу в новом сражении.

Сражений будет еще много, но Вали возобновил альянс с Гетландом и вернул Бренну домой. Но было еще кое-что, чего Ольга не понимала — Бренна простила Леифа. Вали — нет, но они снова были союзниками. Вали вернулся домой как хозяин, и люди приветствовали его.

Ольга подумала о принцах своего мира, вспомнила того единственного ярла мира Вали, которого ей довелось встретить. Не очень она была рада тому, что ее друг так возвысился. Было что-то в большой власти, что делало людей чудовищами.

Леиф выжил и тоже стал ярлом, и то, что теперь он снова был другом Бренны и союзником Вали, заставляло Ольгу чувствовать растерянность. Леиф был ее врагом. Она с радостью убила бы его, прокралась бы в его спальню ночью и вонзила бы в его грудь нож, чтобы проткнуть его покрытую шрамами грудь и добраться до черного сердца.

Бренна вернулась в Карлсу, измученная и покрытая шрамами — и уверенная в том, что беременна, хоть они и провели с Вали меньше недели. Потому что именно так сказала ей пророчица.

Ольга сильно сомневалась насчет пророчества и насчет здоровья Бренны, которое после всех перенесенных ужасов сильно пошатнулось. Вряд ли она могла понести, и вряд ли от Вали, за такое короткое время.

Бренна заверила Ольгу, что ни один мужчина ее не касался. И вскоре оказалось, что пророчица была права. Бренна носила дитя.

Ольга не знала, что и думать. Пророчица оказалась права и насчет тяжелой беременности, но Ольга не знала, на самом ли деле это так, или оттого, что Бренна внушила себе, что так будет.

Как бы то ни было, еда в Бренне не держалась. Ольга перепробовала все, что могла. Кое-какие травы в Карлсе были ей знакомы, но многих она не знала. Здесь не было настоящего целителя, так что она полагалась на советы тех, что мог и хотел помочь, а

другие травы просто испытывала на себе. Несколько раз после таких испытаний ей становилось плохо.

С тех пор, как Вали и Бренна вернулись к Карлсу, жизнь Ольги и Якоба стала чуть легче. Они были хорошими друзьями возлюбленного господина и его легендарной жены, и снова нашли защиту и уважение в их авторитете. С Ольгой начали заговаривать, а Якоб и вовсе нашел работу помощником на верфи.

Ольга нашла способ успокоить свой сломленный дух. Здесь, в доме своих друзей, заботясь о Бренне — и о Вали, который был не на шутку встревожен состоянием жены и изо всех сил сдерживался, чтобы не кружить над ней как наседка, она могла сосредоточиться. Что-то делать. Заняться чем-то правильным и хорошим.

Это не излечило боль, но облегчило ее, и пока этого хватало. Ольга снова выжила там, где почти все погибли, и там, где она тоже хотела погибнуть. Она выжила в мучении и рабстве, которым был ее брак. Она выжила в набеге на побережье. Выжила в лагере налетчиков. В замке, захваченном предателями. В горящей деревне, где умерли ее братья. В лодке на море.

Она теряла и теряла, и теряла, и все же жила. Она потеряла саму себя, и все же жила.

Если земля не была готова ее принять, то хотя бы у нее были друзья, которые нуждались в ее помощи и которые могли быть с ней рядом. Их любовь исцеляла Ольгу. По крайней мере, хоть какое-то равновесие в мире еще сохранялось.

Бренна сделала крошечный глоток чая, который приготовила Ольга, и нахмурилась.

— Он горячий, но на вкус... холодный. Как тот чай, который ты делала мне, когда я носила сына.

Ольга улыбнулась.

— Да. Это не та же самая мята, которую я собирала дома, но похожа на нее. И еще я нашла остролист, еще молодой, но уже хороший. И еще люцерну. Мята и остролист успокаивают, а люцерна даст сил. Пей медленно, но, думаю, ты удержишь в себе этот чай.

Бренна улыбнулась и сделала еще один, более уверенный, глоток.

— Хорошо. Спасибо.

По крайней мере, это у нее все еще было: сила, чтобы исцелять. Мальчик, чтобы заботиться. Друзья, ищущие ее поддержки.

Она выжила, потому что в ней нуждались, и этого было достаточно. Это позволило сну окутать ее разум той ночью в промежутке между отчаянием и кошмарами.

~oOo~

Позже Ольга оставила Бренну отдыхать и вышла в зал, где Вали сидел на обитом мехом кресле, которое выглядело, как настоящий трон, и выслушивал жалобы, просьбы и негодование своих людей. Она села у стены, незамеченная, и стала наблюдать.

Вали казался таким потерянным. Рядом с его креслом стояло еще одно, пустое, где сидела бы Бренна, если бы ей не было так плохо. Чуть поодаль стоял Орм, один из немногих друзей Вали, кто остался в Карлсе. Другие — Бьярке, Харальд, Астрид — задержались в Гетланде, чтобы помочь Леифу. Остальные были убиты.

Ханс и Георг, люди народа Ольги, тоже были в Гетланде. Ян остался здесь, но он был слишком юн и не мог поддержать Вали советом. Только дружбой и преданностью. Яна не было в зале, но Ольга знала, что он где-то рядом.

Вали сидел в окружении своих людей и женщин и казался одиноким и несчастным.

Ольга была рада видеть это. Если бы он выглядел довольным, сидя на этом троне, он не был бы тем Вали, которого она знала. Мужчиной, которому она доверяла. А в ней теперь осталось так мало доверия.

В том, как он вел свои дела, было какое-то необычное благородство. И его люди уважали это. Он не вершил судьбы. Вместо этого Вали предлагал варианты — чаще, сначала оглянувшись на Орма, и не менее часто — бросив взгляд в сторону шкуры,

завешивающей вход в покои, где лежала его жена. И люди, выслушав его, соглашались или высказывали свое мнение. Они обсуждали ситуацию и только потом решали.

В Ольгином мире все было не так, принцы там раздавали указания направо и налево, и людям приходилось склонить головы и смириться.

Если бы она никогда не слышала об Эйке, то подумала бы, что мир Вали справедлив. Но она слышала о нем. Она страдала из-за него, и она знала, что власть одинакова во всем мире. Она смешивает, разрывает и разъединяет все хорошее.

Ее мысли были всегда полны холода и горечи.

~oOo~

Когда все жалобы были выслушаны, люди остались в зале. Они просто расселись поудобнее тут и там, и рабыни начали разносить еду и воду. Вали оставил свой одинокий трон и подошел к Ольге. Она и не думала, что он ее заметил.

— Как она?

— Лучше. Она выпила немного укрепляющего чая и удержала его в себе, и теперь спит. Время болезни пройдет, Вали. Как проходило и раньше.

Вали уселся рядом, и Ольге не пришлось больше выворачивать шею, чтобы поглядеть в его лицо. Чело гиганта омрачало беспокойство.

— Что если то, что случилось... что если это травмировало ее внутри? Что если этот ребенок причиняет ей боль?

Такая возможность существовала. Преждевременные роды и ранение, ставшее им причиной, могли оставить рубцы в тех местах, которые нельзя было увидеть. Но Ольга не хотела говорить об этом Вали; он знал это, и Бренна знала. Она улыбнулась и положила руку на его руку.

— Твой пророк сказала, что у вас может быть еще много детей, и что этот ребенок родится сильным. Доверься ее словам, верь в силу самой Бренны.

Вали улыбнулся и благодарно кивнул ей.

Не важно, во что верила сама Ольга. Вали и Бренна верили в богов и сверхъестественное, и эта вера сейчас давала им исцеление.

Только теперь, когда ее собственный дух был сломлен, Ольга начала понимать силу этой веры. Для нее существовал только один мир, и он рушился раз за разом. Обещания не могли ее излечить. У нее не было веры, чтобы удержать мир в равновесии.

Рабыня подошла с блюдом и чашками, и Вали кивнул. Она наполнила чашку и подала Вали, потом предложила еще одну Ольге. Когда та кивнула и улыбнулась, девушка наклонила голову в застенчивом кивке и поспешила прочь.

Ольга проследила за ней взглядом, ощущая грусть — и разочарование. Она думала, что Вали, освободивший когда-то ее и сделавший рабов принца Владимира равными, освободит и своих рабов, но теперь, видя, как мало он или Бренна обращали на это внимания, чувствовала себя уязвленной.

Вали отпил из чашки и приподнял бровь, глядя на Ольгу.

— Ты хмуришься, мой друг, — сказал он, отбрасывая через плечо длинную косу.

— Брена была рабыней. Она вся в шрамах от ошейника и цепей. Почему ты держишь рабов?

Теперь нахмурился уже Вали.

— С Холмфрид все иначе.

— Ты знаешь ее имя?

— Конечно, я знаю ее имя. Она служит мне.

— Почему с ней все иначе? Бренна тоже служила ярлу.

Ольга видела, что Вали начинает раздражаться, но пытается это скрыть. Ответил он спокойно.

— Холмфрид родилась такой.

— Каждый из нас родился таким, какой есть.

Теперь его раздражение прорвалось, и голос стал напряженным.

— И она родилась рабыней. Ее мать и отец были рабами. И их родители. Здешние рабы либо родились такими, либо были захвачены в плен во время набегов. Таков, как ты всегда говоришь, ход вещей.

Захвачены в плен или украдены из своих домов. Для Вали и его людей не было разницы.

Ольга покачала головой.

— Это не ход вещей. Это только люди. Плохие или хорошие.

Если то, что она отреклась от своего же собственного кредо, удивило его, он этого не показал.

— И я плохой, потому что позволяю всему идти своим чередом?

— Ты не хороший, — говорить так с облеченным властью человеком было опасно, но Ольга сейчас говорила не с ярлом Карлсы, а со своим другом.

Вали приподнял бровь, удивляясь ее настойчивости, и снова нахмурился, теперь еще сильнее.

— Рабы здесь живут хорошо. Они жили хорошо во времена Снорри, ничего не изменилось и при мне. Они работают не больше, чем везде. У них есть еда и кров, друзья и семьи.

— Но они не свободны. У них нет права выбора.

— А у тебя оно было? Когда ты была свободной? Когда принц отнимал у тебя все, что ты заработала, и оставлял голодать?

— Я была свободна, когда жила в замке. С тобой и Бренной, и... — Ольга замерла, не произнеся еще одного имени, и опустила голову.

Вали положил руку ей на щеку и заставил посмотреть на него. Выражение его лица смягчилось.

— Ты и сейчас свободна. И всегда будешь, — глядя на нее задумчивым взглядом, он добавил: — Не так-то легко освободить сразу всех людей. И я не принц, который может запросто решать такие вещи. Я поговорю с Бренной и Ормом. Может, есть какое-то решение.

Вали поцеловал Ольгу в щеку и поднялся. Кивнув ей, он направился в сторону покоев Бренны.

И Ольге подумалось, что ярл Карлсы может быть тем, кто не поддастся разрушительному влиянию власти.

Глава 12

Астрид передвинула нападающего и откинулась на сиденье, хитро улыбаясь. Леиф наклонился вперед на локтях и изучил доску. Она оставила его королю возможность хорошего хода, но явно сделала это не просто так.

— Уф! — фыркнула она. — Опять будешь думать над ходом целый день.

Это было огромное преувеличение. Леиф тратил на обдумывание хода даже не часы — минуты. Но Астрид едва ли делала паузу между его и своим ходом.

Леиф посмотрел на своего противника и хмыкнул.

— Хнефатафл (*прим. старинная скандинавская настольная игра. Играют два игрока (сторона короля и сторона врага) на размеченной клеточками доске, в центре которой в начале игры — трон, на котором сидит король. Цель стороны короля состоит в том, чтобы переместить короля в любую из четырех угловых клеточек. В этом случае король убежал и его сторона выигрывает. Нападающие выигрывают, если они могут захватить короля прежде, чем он убежит*) — это игра-стратегия, мой друг. Это не налет.

Она закатила глаза.

— Ты играешь как ярл, а не как воин.

Все еще изучая доску, Леиф проигнорировал эту подначку и разгадал задумку противника. Хорошая, надежная ловушка, но он блокировал ход ее нападающего одним из своих защитников и спас короля. Подняв голову, Леиф увидел, как Астрид хмурится, глядя на него руку.

— Ярлы потому и ярлы, что побеждают, — усмехнулся он.

— Ну, пока победа еще не близка, — она контратаковала и убрала нападающего, которого он открыл для удара. С трех сторон король Леифа теперь был зажат в ловушку, и Астрид наклонилась вперед с торжествующей ухмылкой. — Слишком долгие раздумья тебя тормозят.

Леиф не успел ответить — в зал вошли Харальд и Бьярке. Он отправлял их с патрулем вдоль береговой линии, они должны были первыми заметить возвращение Колдера и его кораблей.

Прошли недели с тех пор, как Вали и Бренна покинули Гетланд. Лето закончилось, а корабли Колдера еще не вернулись. В это лето Эйк планировал большой набег под предводительством своего старшего сына, но Леиф не был в курсе подробностей — потому как, если говорить по правде, он уже не был в то время близок к ярлу.

Тем не менее, терзать себя догадками он не собирался, тем более теперь, когда Эйк уже был мертв. Если налетчики не вернуться домой поскорее, наступит зима и плыть станет опасно. Они поспешат в Гетланд — но они еще не знают, что их ждет дома.

Под началом Леифа были двести воинов Вали; они остались здесь, в Гетланде, ожидая возможности разгромить остатки войска Эйка. Силы, скорее всего, окажутся равны, но Леиф все равно не сидел без дела. Они были хорошо защищены и вооружены, тренировались и набирались сил. Они были готовы к жестокому сражению, но Леиф не думал, что оно будет именно таким.

Она использовал эти недели не только для подготовки воинов. Его заботой стали и жители Гетланда — а их обеспокоила и смерть Эйка, и выдвижение Леифа на пост ярла. Его любили и уважали, но он стал ярлом после кровопролитного боя, в котором погибло много людей.

Ему повезло — Эйк уже успел потерять уважение большей части своих воинов, и не обрел авторитета среди народа. Самые преданные ярлу люди уплыли в поход. Леифу не потребовалось много усилий, чтобы доказать своим людям, что он намного лучше прежнего ярла.

Доказать это тем, кто был с ним в Эстландии, тем, кто был оставлен на верную смерть — вот эта была действительно трудная задача.

Астрид, женщина его собственного народа, плюнула ему под ноги в тот день, когда впервые увидела его. Ей было все равно, что он сражался с ними бок о бок; и она, и Бьярке, и Харальд, люди Вали, с радостью бы увидели, как он умрет.

Они были теперь его главными советниками. Харальд и Бьярке скорее всего покинут Гетланд сразу после того, как войско Колдера будет разгромлено, но пока Леиф держал их рядом. Он и Астрид хорошо знали Колдера. Харальд и Бьярке жаждали мести. Как и Астрид, оставленная умирать в Эстландии, когда Леиф перешел на сторону Эйка, чтобы спасти ее друзей.

Леифу удалось завоевать их доверие. Или, если сказать иначе, ему удалось завоевать их.

Астрид снова сплюнула ему под ноги, когда он спросил ее, не хочет ли она остаться при новом ярле. Понимая, что заслужил ее презрение, даже если намерения его и были самыми добрыми, Леиф не почувствовал себя оскорбленным или униженным. Колдер и его братья должны были вот-вот вернуться, и у Астрид не было выбора кроме как сражаться, так что ей пришлось согласиться хотя бы выслушать его. По той же причине с ним в зале теперь находились Харальд и Бьярке, хотя и тот и другой часто возражали ему — и часто просто из духа противоречия.

Леифу казалось, что иметь советников, которые не вполне ему доверяют — хорошая идея. Если ему удавалось убедить их в чем-то, это значило, что план по-настоящему хорош. Те, кто боялся, могли промолчать там, где молчать не нужно — просто из-за страха. Об этой правде Эйк забыл, но Леиф поклялся помнить всегда.

Харальд и Бьярке подошли к столу, за которым сидели Леиф и Астрид, и рабыня по имени Вигфрид тут же скользнула из тени с медом для них. Пока она наполняла чаши, Леиф кивнул Бьярке, старшему из двоих, давая знак заговорить.

— Мы принесли весть о том, что приближаются корабли, — сказал тот. — Ветер дует им навстречу, но нам все равно стоит быть готовыми к их прибытию. Завтра или послезавтра они будут здесь.

— Наконец-то, — выдохнула Астрид. — Мой топор гудит в ожидании.

— Потерпи, защитница, — ухмыльнулся Бьярке. — Скоро ты прольешь кровь.

Леиф увидел возможность для хода и передвинул короля, завершая игру. Астрид недовольно фыркнула, и мужчины засмеялись.

— Терпение и стратегия, мой друг, — сказал Леиф, ставя сбежавшего короля на стол рядом с собой. — Победу дарует мудрость.

С еще одним злым рыком Астрид ударила его по руке и сбила фигурки с доски на пол.

~oOo~

Когда корабли Колдера показались на горизонте, Леиф уже стоял на пирсе, с Астрид, Бьярке и Харальдом, держащимися чуть поодаль. Две сотни воинов заняли свои позиции: лучники выстроились на первой линии, а за ними, подняв щиты и обнажив клинки, стояли воины.

В тот момент, когда корабли приблизились настолько, что стало видно стоящего на носу главного судна Колдера, когда они оказались на расстоянии полета стрелы, Астрид начала бить топором по своему щиту. Другие подхватили ее ритм, и вскоре воздух вокруг загудел от угрожающего рокота.

— ЛУЧНИКИ! — крикнул Леиф, и они подняли луки.

— ЗАРЯЖАЙ! — крикнул он, и лучники достали из колчанов стрелы и уложили их на луки.

Леифу казалось, он видел, как меняется выражение на лице Колдера, как сначала на нем появляется удивление, потом — шок, когда он понимает смысл того, что происходит.

Он повернулся и отдал команду:

— ГОТОВЬСЯ! — под грохот щитов звук натягивающейся одним слаженным движением тетивы десятков луков прозвучал, как один. Лучники знали цель, кончики стрел усталились в сторону кораблей.

— ПЛИ!

Дюжины стрел взлетели в небо, описав широкую дугу, и ударили в корабли до того, как воины сообразили, что к чему, и успели укрыться за щитами. Леиф слышал крики и звуки падения тел, когда на людей пролился дождь смерти.

— ЖДИТЕ! — крикнул Леиф, и лучники замерли, держа руки у колчанов.

Два корабля причалили к открытому побережью вдали от пирса, и мужчины начали прыгать на песок еще до того, как корабли остановились окончательно. Вокруг себя Леиф чувствовал нетерпение воинов — но пока не давал команду к бою.

— СТЕНА! — крикнул он, и грохот щитов стих. Деревянная крыша закрыла от него солнце, когда лучники скрылись за щитами.

В тишине, последовавшей за этим, Леиф отдал приказ:

— ЛУЧНИКИ — В БОЙ! ВОИНЫ — ВПЕРЕД!

И день наполнился шумом боя, когда воины с громкими криками понеслись вперед, к морю, где их уже ждали люди Колдера. Лучники с обеих сторон сыпали стрелами.

И только Колдер спокойно стоял на своем судне. Теперь он был очень близко, и Леиф мог видеть, как его бывший друг сверлит его взглядом.

Слишком поздно он услышал еле заметный свист стрелы, а потом солнце скрылось от него за щитом. Стрела ударила в щит, и Леиф услышал голос Астрид:

— Ты справишься? Я хочу сразиться.

— Иди. Но пусть сыновей Эйка оставят в живых. И я хочу сам сразиться с Колдером.

Дева-защитница одарила его скептическим взглядом, но кивнула и понеслась к месту боя, ее боевой клич прорезался сквозь общий хаос.

Леиф пошел вперед, используя меч и щит, только чтобы отражать случайные удары. Он мог позволить своим воинам сразиться за него, ему нужна была только одна смерть. Бой теперь кипел с фланга. Леиф ступил на пирс, спрашивая себя, что чувствует Колдер. Мучает ли его то же горькое чувство в груди, когда он смотрит на человека, которого привез с собой из далекой страны, чтобы тот предал его. Чтобы отнял жизни у своих собственных друзей, людей, слуг.

— Леиф, — позвал Колдер, когда корабль его пристал на пирсе — единственный из трех. Лучники стояли рядом, но братьев Колдера не было видно — наверное, они командовали каждый своим кораблем.

— Колдер, — он убрал меч в ножны; Колдер пока не обнажил свой, и на пирсе было мало места для драки, так что опасности пока не было. Но щит Леиф держал наготове — несколько лучников все еще оставались с их предводителем на корабле.

Но когда Колдер вытянул руку, сошли с корабля и они.

— Мой отец?

Леиф обернулся и бросил взгляд в сторону черепа, висящего на пике в конце пирса. Бренна хотела, чтобы Колдера встречала голова его отца, но налетчики вернулись нескоро, и птицы и черви уже сделали свое дело. Только несколько волокон сухой плоти висело на костях.

— Если он был достоин Валгаллы, он там, — сказал он сыну Эйка.

— А ты думаешь, что он недостоин?

— Думаю, что об этом судить богам.

— Как он умер?

Леиф покачал головой.

— Трусливо. Спрятался за рабыней в цепях.

Рот Колдера скривился в уродливой усмешке.

— Ты имеешь в виду Око бога? Вряд ли ее можно назвать рабыней. Это был ты?

— Нет. Вали Грозовой Волк.

Колдер вздернул бровь.

— Ты сказал отцу, что убил его.

— Я солгал.

Колдер схватил щит, прислоненный к борту, и спрыгнул на пирс. Они оказались лицом к лицу, разделенные расстоянием, не большим, чем длины двух их мечей.

— Ложь и удар исподтишка. Не похоже на тебя, мой друг, — кивнув за спину Леифа, на битву, кипевшую позади, Колдер добавил: — Но твоя засада, похоже, удалась.

Леиф не стал отводить от Колдера взгляд, опасаясь выпустить его из виду, и только кивнул. Он слышал звуки битвы и насколько мог судить, она уже подходила к концу. Такой быстрый финал мог говорить только об одном.

— Ты покоришься? — спросил он, и Колдер захохотал и обнажил меч.

Леиф обнажил свой.

— Никогда. Я убью тебя как предателя и покажу всем *твою* голову, и потом я отвоюю то, что отец завоевывал так долго и с таким трудом.

Он взмахнул мечом, и Леиф ударил, блокируя нападение. Звук удара меча о меч прозвучал громко в звуках утихающего боя. Она разошлись, мечи проделали сверкающий

путь, разрезая воздух, и потом Колдер напал снова, теперь уже сбоку, заставляя Леифа повернуться, чтобы заблокировать этот удар.

Леиф понимал его стратегию. Она были на узком пирсе, и Колдер пытался прижать его к краю, не оставив пространства для маневра со щитом и ударов с других сторон — только прямо, только балансируя на краю у воды. Если он упадет, бой не закончится, но у сына Эйка появится преимущество. Леифу придется тогда сражаться в прибрежном песке — как вынудили его люди сражаться людей Колдера.

Когда Колдер напал с ударом, который должен был лишить Леифа равновесия, он пригнулся и ударил щитом, оттолкнув сына ярла, когда пробежал мимо.

Щит ударил в локоть его бывшего друга, и Леиф услышал, как хрустнули кости. Меч Колдера вылетел из его руки и упал в воду.

Леиф повернулся и выпрямился, стоя теперь на краю, примыкающем к берегу. Битва почти закончилась, и воины Гетланда сгрудились на берегу, наблюдая, как Леиф и Колдер дерутся в поединке. Вокруг них сформировалось кольцо — Леиф скорее почувствовал это, чем увидел.

Колдер отбросил щит и выхватил из-за пояса топор. Леиф тоже бросил щит. Его сражение за Гетланд было не совсем благородным и в том, и в другом случае, но эта битва между двумя мужчинами, которые когда-то называли друг друга братьями, должна была быть честной.

— ИДИ СЮДА! — завопил Колдер, раскручивая топор.

Леиф покачал головой. Это было его владение. Он был налетчиком, не был врагом. Если бой, то бой на его земле.

— Я — ярл Гетланда. Это мое владение, и я его защищаю. Если ты покоришься и поклянешься мне в верности, я с радостью приму твою верность, Колдер Эйкссон, — не отводя от Колдера взгляда, Леиф повысил голос. — То же самое я скажу тем, что сегодня высадился на эту землю, тем, кто приносил клятву Эйку Иварссону. Покоритесь и принесите клятву верности, и живите. Сохраните верность трусу, голова которого торчит на пике в конце пирса, и умрете.

Колдер закричал — это был почти женский крик, полный ярости. Его топор взметнулся над головой, и Леиф ударил мечом, блокируя удар, но в последний момент топор изменил траекторию движения, и он промахнулся. Оружие ударило его в грудь, и Леиф тут же почувствовал, как по телу под кожаным доспехом потекла кровь.

Рана была глубокой, но она не убьет его сразу; Леиф понял это сразу же, как оправился от удара. Он повернулся вовремя — Колдер ударил снова, и меч и топор скрестились. Пойманные в горьком объятии боя, двое мужчин уставились друг на друга.

— Я тебя любил, — прохрипел Колдер, пытаясь двинуть топор так, чтобы он вонзился Леифу в горло.

— И я тебя.

Леиф осознавал, что рана в груди с каждой секундой становится все опаснее. Он собрал все силы, которые смог собрать, и оттолкнул Колдера. Тот едва ли пошатнулся, но в этот короткий миг Леиф успел схватить меч обеими руками и ударить. Он почувствовал, как разошлись края раны на груди от этого усилия.

Голова Колдера отлетела прочь, из шеи все еще стоящего тела в небо выстрелил фонтан крови. Он омыл Леифа и уже пропитанную кровью землю.

— Нет! — раздался из толпы крик. Эйвинд, теперь старший из живых детей Эйка, стоял на коленях рядом с Астрид, держащей у его горла топор. Ярость искажила его лицо.

Уставший, тяжелораненый и омытый кровью своего друга, Леиф прошел по косе и остановился рядом с другим своим другом. Воины расступались, давая ему путь.

— Поклянись мне, Эйвинд Эйкссон. Я не причиню тебе вреда. Я знаю, ты понимал, что стало с твоим отцом, и видел настоящий ход вещей, — его раненное сердце сжалось, когда с губ сорвались слова Ольги. — То, что я сделал, я сделал с добрыми намерениями. Поклянись мне, и я введу тебя в свой зал, как своего советника.

— А моя мать? Братья и сестры?

Мать Эйвинда, общая для него, Колдера и Ульва, умерла. Но Эйвинд был еще мал, когда Эйк взял в жены Хильде, и ее он называл матерью. Как и Ульв.

— Она жива. Она и Турид, и дети. Мы дали им провизию и отправили искать себе новый дом. Поклянись мне в верности и сможешь отыскать их, если захочешь.

Эйвинд плюнул ему в лицо.

Не утрудившись стереть плевков с лица, Леиф перевел взгляд на Астрид. Одним ударом, в тишине, нарушившейся лишь свистом топора, она снесла сыну Эйка голову.

Леиф едва держался, но все же повернулся к Ульву, который теперь смотрел прямо на него. Его глаза были широко распахнуты, но голову он держал прямо и смотрел бесстрашно. Ульву не было еще и двадцати лет, и в походы он ходил без особой охоты. Он был тих и мягок — настоящее разочарование для своего отца. Но он не был трусом.

— Ты не убил их? — спросил Ульв, прежде чем Леиф заговорил. — Мать и детей? И Турид?

Турид тоже была женой Эйка, он взял ее, потому что Хильде рожала только одних дочерей. Ей едва было больше, чем Ульву.

— Ярл сказал, — ответила за него Астрид. — Они живы.

Она казалась — и была — не очень рада такому решению. Эйк всегда убивал тех, кто был близок врагу, независимо от пола и возраста. Он называл это защитой от будущего. Астрид была согласна с таким решением.

Леиф улыбнулся.

— Друг однажды сказал мне, что если мы убьем всех, кто однажды может стать нашим врагом, то откуда же потом возьмутся наши друзья. Так что нет, мы не убили двух женщин и их маленьких детей.

Ульв дернулся в хватке Бьярке. Леиф кивнул, и мальчика отпустили. Тут же Ульв выпрямился и вытянул вперед руку с охватывающим ее золотым браслетом.

— Кольцом, жизнью, мечом и честью, перед богами я клянусь в своей вечной верности тебе, Леиф Олафссон, ярл Гетланда.

Леиф посмотрел на Бьярке.

— Его меч?

После короткого замешательства Бьярке отыскал меч Ульва и передал Леифу. Клинок был все еще покрыт кровью тех, кого Ульв успел убить или ранить в этой битве. Леиф вернул меч владельцу. Мужчины и женщины вокруг них подозрительно напряглись, но Ульв только оттер лезвие о ткань штанов и убрал меч в ножны.

— Я рад, что твой меч теперь служит мне, Ульв.

Тот склонил голову.

— Идем, — сказал Леиф, кладя руку на плечо юноши. — Время чествовать воинов, погибших в битве.

Он сделал шаг вперед, к своим друзьям и своему народу — и это было последнее, что он помнил.

~oOo~

— У тебя столько ран на груди, что тебе не нужны доспехи. Шрамы защитят тебя от любого меча.

Без малейшего сожаления Бирте, целительница Гетланда, шлепнула комок пасты на длинную строчку швов на груди Леифа.

— Ты не думаешь, что боги хотят добраться до твоего сердца, раз посылают тебе врагов снова и снова?

Он крикнул, когда Бирте наложила новую порцию пасты и прижала ее к ране.

— Оно все еще бьется.

— Пф. Я бы не бросала щит на твоём месте. Я видела, что ты сделал. У тебя был щит, и ты его просто выбросил. Глупые мужчины и их глупые представления о чести. Победа была твоей ещё до того, как он разрубил тебе грудь, но тебе надо было сражаться честно. Вы могли оба быть честно мертвы. Мертвый ярл — что тут хорошего?

Леиф легонько постучал по груди у края повязки.

— Тук-тук, Бирте. Все ещё живой.

В комнату вошла Астрид, но остановилась, увидев голого Леифа, лежащего в кровати. Бирте заодно помыла его и поменяла постель.

— Ты закончила? — спросила Астрид.

Целительница наложила последний слой повязки и накрыла Леифа шкурой.

— Ему нужен отдых, — сказала она, собирая свои принадлежности. — Он думает, сильный, но глянь, он белый как полотно. Не заставляй его волноваться, дочь.

Она повернулась к своему пациенту.

— Ты! Остаешься в постели! Я загляну после обеда.

Астрид кивнула матери, и Бирте ушла. Лицо Астрид было хмурым — Леиф знал, что так она выражает озабоченность.

— Со мной все хорошо, — улыбнулся он.

Она ещё сильнее нахмурилась.

— Ты белый как снег. С тобой не все хорошо.

Да, с ним было далеко не все хорошо. Грудь горела огнем, и он едва мог держать голову. Топор Колдера ударил глубоко, вошел в кость, к тому же, из раны вытекло много крови.

— Тогда я буду отдыхать, пока не станет хорошо.

Она нетерпеливо скрестила на груди руки.

— Людям Карлсы не терпится вернуться по домам.

Он провалялся без чувств целый день, кровопотеря сделала его мысли вязкими и туманными. Два дня прошло с тех пор, и только сегодня Леиф оказался способен сесть и связано мыслить.

— Тогда их надо отпустить. Но я хочу увидеть наших друзей до того, как они уедут.

Ему было жаль отпускать Бьярке и Харальда; он только-только завоевал их доверие. Он предполагал, что и Ханс, и Георг уедут на север, они были эстландцами. Люди их народа были в Карлсе. Яан. Якоб. И Ольга.

Ольга. Она была так близко, но это ничего не значило.

— Ты не хочешь поехать с ними? Там Ольга. И ты мог бы принести весть о своей победе сам. Это помогло бы восстановить доверие Вали.

Но он не мог поехать в Карлсу. Друзья рассказали, что случилось после того, как Эйк разорил замок — при непосредственном участии Леифа, да. Он надеялся, что Ольга и ее семья, и ее народ в безопасности, потому что с принцем Тумасом был заключен мир.

Если бы у него было чуть больше времени на раздумье, он бы сразу понял, что его вера — не более чем безумие. Конечно же, Тумас, этот любитель набегов, не мог упустить возможность отвоевать земли, которые защищала всего лишь горстка воинов. Захватив эти земли, он стал господином запада Эстландии и даже больше. Он мог претендовать на титул короля всей Эстландии.

И теперь, из-за того, что сделал Эйк при помощи Леифа, братья Ольги и почти весь ее народ был убит, а их дом оказался сожжен дотла.

Даже если бы она сейчас вошла в эту комнату, она не стала бы ближе ни на шаг. Нет, он не может поехать в Карлсу. Он не может ранить ее снова, а Леиф знал, что один его вид причинит ей боль.

Леиф не собирался делиться своими чувствами с женщиной, стоящей рядом. Он вздохнул, едва удержав вскрик от боли, разорвавшей грудь.

— Как ты заметила, со мной не все хорошо, а людям не терпится вернуться домой. Пусть они отплывают и несут с собой историю об этой битве. Я увижу своих северных друзей позже, когда я и Гетланд оправимся от наших ран.

Недоверчиво вздернув светлую бровь, Астрид развернулась и все-таки ушла, оставив его наедине с болью и тоской в сердце.

Глава 13

— Раскроши два цветка — только два! — и добавь в еду, — Ольга протянула маленькую горсть сушеных цветков худенькой молодой женщине с большими испуганными глазами. — Это успокоит его.

Когда женщина убрала травы в складки фартука, Ольга добавила:

— Сходи к Вали, Эльфа. Он не позволит так с тобой обращаться.

Она потянулась, чтобы коснуться припухшей щеки женщины, но Эльфа отдернула голову.

— Я не могу. Это унизит его и помешает его работе. Он не плохой мужчина, просто быстро выходит из себя.

Ольга вздохнула и кивнула в сторону уже спрятанных трав. Она понимала все очень хорошо и все же не была согласна с тем, что муж Эльфы — хороший человек.

— Больше двух цветков может быть опасно. Давать больше шести — смертельно опасно.

Эльфа опустила глаза.

— Спасибо, Ольга. Я заплачу, когда он уедет.

— Хорошо, *kullake*. Хорошо.

Когда Эльфа вышла, Ольга захлопнула дверь, с трудом справляясь с порывами зимнего ветра, и снова повернулась к своему столу, где готовила целебный чай от морской болезни. Она спихнула со стола курицу и обнаружила в корзине с сушеной горчицей свежее яйцо.

Дом, который теперь принадлежал Ольге, был в разы больше того, что она имела в деревне, но все же меньше большинства домов Карлсы, и теперь он был забит припасами. По повелению Вали она заняла место Свена, став городским целителем. В Эстландии Ольге платили, в основном, едой и продуктами. Здесь люди были богаче, и ей платили провизией и даже иногда, правда, редко, настоящим серебром.

У нее теперь был немного серебра в мешочке для денег. Она не совсем понимала, как им пользоваться, но теперь у нее были деньги, и значит, она была богаче.

Несколько раз ей платили животными. Теперь у Ольги было четыре курицы и три маленьких козочки. Кузнец, сыну которого она вылечила ногу, сделал ей небольшой загончик, чтобы животные могли кормиться там в течение дня, но ночью по традициям народа Вали вся живность должна была оставаться в доме. И иногда из-за этого в домике было совсем тесно.

— Ты сказала Эльфе, как убить Оле?

Да. Раньше она не делала этого, ни разу в жизни, но теперь Ольге казалось, что у нее были на то причины.

Не поворачиваясь на звук голоса своей помощницы, Ольга ответила:

— Я сказала ей, насколько опасным может быть лекарство.

— Но зачем? Все знают, что Оле ее бьет. А теперь она знает, как незаметно убить его.

Фрида подошла и встала рядом с ней. Девочка недавно отметила свой тринадцатый день рождения, и уже успела показать себя как хороший целитель. Она училась у своего дяди, Свена, до того последнего налета. Ее мать, сестра Свена, была полна подозрений насчет женщины из-за моря, которая приплыла и заняла дом ее брата, так что Ольге

потребовалось несколько недель, чтобы хотя бы получить разрешение заговорить с Фридой.

Но теперь у нее была помощница. Ольга была рада — забота о Фриде давала ей облегчение, ведь Якоб все больше времени проводил у берега, помогая строить корабли, и темное одиночество все чаще подступало к сердцу. У Фриды было пять младших братьев и сестер. Как только ее мать решила, что общение с Ольгой не отвернет девочку от богов, она стала охотно отпускать Фриду в ее дом.

Боги и вера были самой трудной частью для Ольги. Эти люди верили в жестоких, злобных, вечно пьяных, вечно сражающихся, мстительных, надменных богов. Они верили в богов, живущих где-то над ними — в то, что они живут, дышат и бьются между собой — но каким-то образом ухитряются думать о людях внизу, раздавая свои милости одним или другим. Убивали животных, умывались их кровью и посвящали это своим страшным богам. И она слышала о ритуалах с человеческими жертвами. Люди Карлсы отдавали богам даже тех, кого любили.

Ольга не верила в эти вещи, и все вокруг об этом знали. Она вызывала любопытство. И казалась странной. Люди спрашивали, просили рассказать истории о ее мире. Это делало ее не такой как все, но ни для одного из народа Карлсы из-за своей веры Ольга не стала врагом. Может, если бы она верила в других богов, их любопытство не было бы таким добродушным. Но поскольку она не верила и уважала другую веру, ее воспринимали спокойно. И даже пытались научить.

Ольга начала понимать всю эту идею с богами. Иногда она думала о том, что могла бы поверить в них, как в существ не людского рода, которые просто имели силу вершить чужие судьбы, которые могли злиться и сожалеть — и потому посылать ей испытания, потому что таков был ход вещей.

Но она не верила. Единственными, кто мог вершить судьбы — и ее судьбу тоже — были люди. Она больше не верила в равновесие. Весы могли клониться в одну сторону сколь угодно долго, не важно, что случалось.

Она положила пестик в ступку и повернулась к Фриде.

— Я сказала ей так, потому что ей нужно было это знать. Использует ли она это знание для того, чтобы успокоить мужа или с другой целью — это не наша забота. Эльфа сама решает, куда потечет река ее жизни.

— И жизни Оле.

Ольга провела рукой по рыжим волосам девушки. В Карлсе люди сторонились, если не сказать, опасались, рыжеволосых, даже тех, кто родился среди их народа. Она слышала, что те, чьи волосы тронуты солнцем, отмечены магией.

— Ты мудрее, чем многие люди твоего возраста, юная Фрида, но в лечении есть нечто большее, чем травы, чай и швы. Целитель дает облегчение не только лекарством. И сегодня я дала Эльфе контроль над своей жизнью. То, чего она не имела ранее. И обретя его, она обрела исцеление. Что бы ни выбрала Эльфа, это будет ее выбор. И Оле уже сделал свой выбор, правда? Его выбор и привел Эльфу к нам.

Фрида посмотрела Ольге в глаза. Потом кивнула, и обе вернулись к работе.

~oOo~

Ольга открыла окно и позволила солнечным лучам согреть дом. Воздух был все еще прохладным и дышал зимой, но солнце показалось на небе впервые за долгое время, и стоя под холодным дуновением ветерка с закрытыми глазами, Ольга наслаждалась светом.

Это все же было настоящее солнце. Большая часть зимы здесь проходила без него. У ее ног собрались курочки, квохча и хлопая крыльями. Они тоже устали сидеть взаперти в темноте. Она открыла дверь и выгнала их во дворик, где в этом году собиралась посадить свои травы. Почва тут была мягкая, подходила для огорода.

К ней с теплой улыбкой приблизился Якоб. Мальчику было уже пятнадцать лет, его плечи стали шире, фигура стала более коренастой от работы на постройке кораблей, а на щеках и подбородке даже появилась небольшая щетина. Несмотря на то, что теперь Якоб жил с Амундом, он часто навещал Ольгу.

Она наклонила голову, когда он поцеловал ее в щеку. Но еще до того, как успела поприветствовать его, Якоб заговорил сам:

— Могу я поговорить с тобой?

— Что-то случилось?

— Нет, — он улыбнулся. — Да. Случилось. Есть новости и вопросы.

Ольга проводила его в дом и закрыла за ними дверь.

— Садись. Рассказывай.

Они уселись за стол, и Якоб взялся разглядывать ее вышивку, лежащую на столе. Ольга нахмурилась и отобрала ткань.

— В чем дело, Якоб?

— Я... я хотел бы... я хочу жениться на Фриде.

Ольга не была удивлена. Фрида жила с ней, и они с Якобом очень подружились. Несмотря на то, что в их близости ничего кроме дружеских чувств Ольга не замечала, она не думала, что парень и девушка, проводящие так много времени вместе, не могут полюбить друг друга.

— А Фрида знает? — и она улыбнулась, когда Якоб покраснел.

— Конечно. Я говорил с Амундом, и он разрешит ей жить с нами. Но я хочу и твоего благословения.

Ольга скользнула рукой по его запястью и взяла Якоба за руку. Теперь он носил металлический браслет, золото и серебро, сплавленные в наручное кольцо. Вали дал ему этот браслет, как знак того, что Якоб теперь — мужчина, и что он принят в общество Карлсы. Якоб поклялся «своим наручным кольцом» в верности и любви к ярлу Вали.

— Это делает тебя мужчиной, да? Тебе нужно только благословение ярла и желание Фриды. Мое не имеет значения.

Казалось, Якоба обидел ее ответ. Он отнял руку.

— Это важно для меня. Ты против?

— Фрида еще юна, Якоб, и не закончила обучение.

— У нее уже была женская кровь.

Ольга приподняла брови при этих словах. Конечно, она это знала, но она также была удивлена тем, что и Якоб знает.

— Ты и она...?

Настала очередь Якоба вздернуть брови.

— Это не твое дело, — но он снова покраснел и добавил: — Но нет.

Снова накрыв его руку своей рукой, Ольга сжала ее.

— Ты хороший сильный молодой мужчина с добрым сердцем и чистыми помыслами. Если ты и Фрида хотите пожениться, я даю вам мое благословение. Я буду скучать по вам обоим, но в этой жизни я желаю вам только хорошего и так долго, как только возможно.

Якоб ухмыльнулся и с облегчением откинулся назад.

— Она останется твоей помощницей, если хочешь. У Амунда для нее нет работы, но если она станет целителем, она сможет помогать семье. Когда мы поженимся, она будет жить со мной, но будет приходить к тебе, если захочешь, каждый день. Она бы хотела.

— Вы, я вижу, обсуждали многое.

— Да. Я хочу, чтобы она была счастлива.

Сердце Ольги заныло от грусти и радости одновременно. Она поднялась и обняла юношу, к которому так привязалась.

— Тогда так тому и быть.

Одним ранним летним днем, когда теплый бриз ласкал городские улицы, корабль издалека причалил к берегам Карлсы.

Ольга и Фрида стояли во дворе и смотрели, как отряд вооруженных солдат собирается у берега, ожидая прибытия корабля.

При воспоминании о том, что принесли корабли чужеземцев ее дому, Ольга напряглась. Пальцы сжали нож, который она носила теперь на поясе. У Фриды на поясе были лишь клещи, но она не казалась встревоженной. Она жила в Карлсе всю жизнь и понимала, что опасность с моря обычно приносят корабли их собственного народа. Она знала, что чужие корабли чаще всего везут только одно — товары для торговли.

Когда корабли причалили, Вали, Орм и Бьярке вышли, чтобы встретить предводителя. И теперь в городе кипела разноцветная жизнь, и Ольга никогда в жизни не видела столько странных вещей.

А мужчины с корабля! Она никогда не видела таких раньше, с кожей цвета темного заката и бронзы, и золота. Только несколько из них были столь же светлокожи, как и она сама.

И почти все мужчины были с темными волосами и длинными бородами, носили драгоценности и золото. Большинство казалось низкорослыми на фоне мужчин Карлсы, но предводитель и его помощник были высокими и коренастыми.

Конечно, с Вали не мог сравниться никто, и Ольга часто видела, как чужаки пялились на ярла, словно не верили своим глазам.

Так много людей, так много мест в мире. Ольга думала о своем брате Микеле, который скитался по миру. Несколько раз он бывал дома — и суда, на которых он приплывал, казались жителям деревни странными — и с каждым разом он становился все старше и мужественнее, и все меньше был похож на того мальчишку, который однажды ночью сбежал из дома. В его историях всегда были другие люди и другие места, но никогда не было рассказов о том, чем занимался он сам.

Но он учил ее языку налетчиков. Он встречал таких людей раньше и достаточно часто, чтобы понимать их язык. Он мог быть на одном из этих кораблей.

Она разглядывала каждого торговца, надеялась увидеть своего брата, темные глаза, блестящие в ответном взгляде. Но терпела неудачу.

Бренна подхватила ее под руку.

— Ты думаешь, твой брат еще жив?

Удивленная тем, что оказывается, ее поиски так очевидны, Ольга почувствовала, как потеплели щеки.

— Не знаю. Я много лет ничего не слышала о нем. Но я никогда не видела таких кораблей. Я надеюсь, что когда-то дорога жизни все же сведет нас снова, — она нахмурилась, глядя на свою подругу. — Ты должна отдыхать.

Время Бренны близилось. Наверное, оставалось еще несколько недель, но ребенок сидел высоко и давил на ее легкие и живот, и Бренне снова тяжело было удержать еду. Она похудела и стала почти прозрачной, под глазами залегли темные круги. Носить этого ребенка было тяжело с самого начала беременности, и эти месяцы ослабили ее. Ольга думала, что вскоре Бренна не сможет подняться с постели.

Но теперь ее подруга улыбнулась и сжала ее руку.

— Здесь торговцы. Столько красивых вещей! Не могу это пропустить, — она кивнула в сторону. — И Вали наблюдает за мной, как орел с воздуха, так что если мне нужна будет помощь, я ее получу.

Ольга проследила взглядом за кивком Бренны и увидела Вали, стоящего рядом с Ормом и Бьярке возле предводителя торгового отряда. Он не обращал внимания на мужчин, его взгляд не отрывался от жены. Заметив, что Бренна и Ольга смотрят на него, он улыбнулся первой и кивнул второй.

Получив таким образом одобрение ярла, обе женщины направились к сундукам и палаткам, полным странных вещей. Ольга подняла кусок необычной ткани, розовой, как лепестки цветка, такого яркого цвета, что резало глаза. Ткань блестела и переливалась, и по ощущению была как... воздух в ее руках.

Она отпустила руку Бренны и поднесла ткань к лицу. Та была холодной и мягкой, как шепот.

— Нравится, красивая женщина? — спросил толстый торговец. Он говорил с акцентом, а в улыбке блистало золото. — Издалека, очень далека. Очень чтобы сделать красивая женщина еще красивее.

— Что... что это?

— Это называется шелк, — ответила ей Бренна. — Вали говорил, что его ткут черви. Кажется, это и в самом деле история из далекого края, — она уставилась на торговца ледяным взглядом. — Сколько?

— Пять кусков золота за кусок ткани, — ответил торговец, всякая лесть исчезла из его голоса. Теперь он был весь — жажда наживы.

Бренна засмеялась.

— Тогда можешь подтереться этим шелком.

Ольга открыла рот, услышав грубые слова, но Бренна уже тащила ее прочь.

— Стой! — позвал их торговец. — Ты не понимать, как все делается! Скажи мне цену. Мы договоримся.

С холодным выражением Девы-защитницы на лице Бренна повернулась к торговцу.

— Я понимаю. Ты оскорбил меня такой высокой ценой.

На лице торговца появилось уязвленное выражение.

— Очень хороший шелк. И цвет... не такой, как другие, да?

Ольга почти кивнула. Она не видела ничего подобного, и это выглядело так прекрасно, что было даже больно смотреть. Она сдержалась лишь потому, что знала эту игру и понимала, что делает Бренна.

— Два куска золота, — наконец, предложила та.

— Слишком мало! Четыре. Я должен получить четыре. Я сбежать от бандитов, чтобы принести вам шелк.

— Три. И еще мы возьмем желтый кусок.

С таким видом, словно Бренна потребовала у него принести в жертву своего первенца, мужчина хлопнул себя по груди. И потом кивнул.

— Никогда еще у меня не было такой плохой торговля.

Бренна достала из мешочка золото и подала торговцу, потом махнула за спину, своей служанке Рикке, и та выступила вперед и забрала шелк. Вали и Бренна освободили рабов под свою собственную ответственность, но не стали принуждать к этому других. Вали как-то поднял вопрос об освобождении людей на собрании, но большинство высказалось против.

Но хотя бы ее друзья теперь не держали в рабстве других людей. Ольге стало от этого чуточку легче.

— Отнеси шелк Ольге, пожалуйста, — проинструктировала Бренна служанку.

— Что? — Ольга была в шоке. — Нет, Бренна, это слишком.

Ее подруга протестующе отмахнулась и снова подхватила Ольгу под руку.

— Когда мы прибыли в Гетланд, мне пришлось носить вещи Хильде, потому что своих у меня тогда не было. Я тогда поняла, что мне не нравится шелк. Но я вижу, как блестят твои глаза. Этого блеска я не видела в них уже много месяцев. Хочу, чтобы ты была хоть немного счастливее. Ты заслужила.

В первые месяцы после прибытия в Карлсу Бренна попыталась уговорить ее простить Леифа. Ольга крепилась, пока не настала зима. Однажды темной ночью, в одну из тех бесконечных зимних ночей, когда солнце не показывалось из-за горизонта даже на рассвете, упрямото Бренны и холод сделали свое дело. Рыдая, как никогда в жизни,

Ольга выложила подруге все. Все, что случилось в замке. Что было во время резни. Их ужас, когда они считали Вали погибшим. Безумие Вали. Как умер Антон и погиб Калью.

Теперь, понимая, через что Ольге пришлось пройти, осознавая глубину ее ненависти и страдания, Бренна перестала упоминать при ней имя Леифа, и Ольга была ей благодарна.

— Ты сможешь подарить что-то Фриде, когда она будет выходить замуж, — Бренна ухмыльнулась и добавила, понизив голос: — Чтобы было удобнее лежать в супружеской постели.

Ольга засмеялась.

— Тебя эта беременность изменила, Бренна. И спасибо. Спасибо тебе.

Бренна пожала плечами.

— Я не очень хорошо соображаю из-за этой слабости, так что болтаю, что попало. И пожалуйста, мой друг.

— Уже совсем скоро лето. Недолго осталось.

~oOo~

Бренна родила в день летнего солнцестояния, в один из бесконечных дней, когда солнце не сходило с небосклона. Роды были тяжелыми, как и сама беременность; ребенок был крупный, а Бренна за это время ослабела. Она не смогла разродиться сама, и Ольге пришлось сделать на родовом проходе маленький надрез, чтобы ей помочь.

И вот, наконец, Бренна закричала и упала на спину в изнеможении, и Ольга подхватила ребенка — девочку, которую Бренна родила, как и было предсказано.

Она вытерла ротик и носик ребенка, и девочка тут же громко закричала. Следом приблизилась Дагмар. Наклонившись, она достала что-то из мешочка, который носила на шее, какой-то пузырек с красной жидкостью и открыла крышечку.

Ольга подняла взгляд, и Дагмар улыбнулась:

— Это бальзам из трав. Чтобы боги были милостивы к ней.

Она капнула себе на палец и растерла немного жидкости на лобике вопящего ребенка.

Зная теперь об этих странных богах, Ольга только улыбнулась и подняла ребенка так, чтобы мог увидеть и Вали.

— Твоя дочь сильная и здоровая.

Его напряженное доселе лицо расплылось в улыбке. Вали поцеловал вспотевший лоб своей жены и подошел ближе, чтобы Ольга могла подать ему дочь. Наклонившись, он обернул пуповину вокруг руки и перекусил ее, разделив мать и ребенка.

В своей стране Ольга была и целителем, и повитухой, но здесь, в Карлсе, Свен лечил, а повитуха занималась только своим делом. В их мире так было положено. Городскую повитуху убили люди Эйка, когда пришли сюда, чтобы захватить земли Снорри, так что Ольга приняла на себя и эту роль и уже успела помочь родиться нескольким детям Карлсы. Перекусывание пуповины было одним из ритуалов здесь — первобытным, но таким близким к богам.

Вали взял свою дочь на руки, завернул ее в ткань, которую протянула Ольга, и прижал к груди.

— Я буду защищать тебя до конца жизни, малышка, своим топором, своим сердцем и своей жизнью. Ты вырастешь сильной и крепкой, как мама, и проживешь великую жизнь. И я буду рядом с тобой.

— Вали, — голос Бренны был мягким, но сильным. — Пожалуйста, пожалуйста.

Она не имела возможности прижать к груди своего первенца, умершего мальчика. Он родился и умер в те дни, когда она сама была близка к смерти.

Не отводя от дочери взгляда, Вали повернулся. Бренна сдвинула простыню с груди и Вали положил туда девочку, и Бренна тут же обняла ее. Малышка повернулась, ища сосок, и Вали уселся на кровать рядом с женой, заслоняя ее от взгляда Ольги.

Ее сердце болело от радости и грусти, и это было ощущение, близкое к счастью — то, чего она не ощущала уже давно. В ее собственной жизни такого быть не могло, но она все равно чувствовала внутри тепло. Счастье, которое было дано Ольге, шло рука об руку с потерями. С темными страшными потерями. Она теряла все, что имела.

Все, что было у нее, оказалось отнято или уничтожено.

~oOo~

Они назвали свою дочь, рожденную в день бесконечного солнца, Сольвейг, что означало что-то вроде «путь солнца». У нее было маленькое пятнышко на плече, легкий поцелуй солнца цвета того шелка, что так полюбился Ольге.

Она и сама была маленьким солнышком. Ольга не знала, что такое — воспитывать своего собственного ребенка, но она помогала растить много других детей. Но не могла вспомнить кого-то, похожего на Сольвейг.

Девочка редко плакала. Она начала рано улыбаться и смеяться — уже через месяц после рождения. Весь зал длинного дома ярла был очарован этим маленьким счастливым существом. Даже огромный полудикий кот Бренны принял ее и позволял Сольвейг дергать его за плотный мех.

Вали был просто без ума от любви. Несколько раз Ольга входила в зал по своим делам и обнаруживала этого дикого и жестокого воина на коленях перед дочерью. Вали строил ей рожи, фыркал и рычал, и девочка тоненько пищала от смеха. Самым любимым занятием Сольвейг было сосать конец его косы, и часто Вали сидел в зале и решал дела своего народа с дочкой на коленях.

А Бренна... Еще в период первой беременности, мальчиком, которого она потеряла, Бренна проявляла все признаки того, что будет отличной матерью. И хоть на первый взгляд она казалась твердой и бесчувственной, и даже злой, внутри скрывалось мягкое теплое сердце, которое болело о животных и людях, и любило и тех, и других. Бренна отчаянно оплакивала своего сына, и теперь дочь получала от нее двойную порцию любви.

Ольга любила всех троих от всего сердца и лелеяла ту связь, которая связала их так крепко. Сольвейг она считала почти своей дочерью... и все же это был чужой ребенок, и боль оттого, что ей никогда не иметь своего, всегда таилась в ее сердце.

И это заставляло ее ворочаться одинокими ночами, в доме, полном кур и коз.

Однажды, когда Сольвейг уже было два месяца, Ольга сидела с ней в зале. Девочка становилась настоящей красавицей. Ольга держала ее на коленях и легонько покачивала, напевая песню, которую ей в детстве пела ее собственная мать. Вали и Бренна сидели на покрытых шкурами креслах и слушали жалобы и просьбы своего народа.

В это лето они не отправлялись в поход. Вали решил остаться с Бренной; после трудностей прошлого года этот он решил посвятить отдыху и восстановлению. Ольга не переживала по поводу походов, но слышала, что в городе не всем по нраву целое лето вынужденного безделья. И теперь, в конце сезона без добычи, люди пришли к Вали с жалобами.

И он их слушал, когда в зал вбежал Бьярке.

— Вали! Там корабль!

Все вскочили, глядя на него, и Ольга, сидя на стуле, прижала девочку к себе, защищая.

Вали и Бренна тоже поднялись.

— Друг или враг? — спросил Вали.

— Корабль несет цвета ярла Леифа Олафссона!

— Тогда друг! — весело сказала Бренна. — Ну наконец-то!

Леиф был другом Бренны и союзником Вали и Карлсы, но он был для Ольги только врагом. Она поманила Рикке и передала девочку ей, прежде чем незаметно выскользнуть прочь.

Она не хотела видеть ярла Гетланда. Больше никогда.

Глава 14

Никто не встретил его, так что Леифу пришлось пройти весь путь по пирсу пешком и в одиночестве. Вали стоял на берегу, окруженный Яном, Хансом и Георгом, рядом с ним напряженно застыли Бьярке и Орм. Рука Вали покоилась на бедре, где висел топор.

Значит, время и расстояние не согрели сердце его друга.

Ни следа Бренны и ее ребенка. Или Ольги.

Ни звука приветствия.

Леиф приблизился, чтобы ему не пришлось повышать голос, и заговорил сам:

— Вали Грозовой Волк. Я прибыл как друг и как союзник. Рады ли мне здесь?

Вали нерешительно шагнул в сторону, и тогда вперед выступила невидимая доселе Бренна, держа на руках ребенка.

— Хватит таких речей. Конечно, тебе рады, Леиф!

Она остановилась перед ним, широко улыбаясь, и на короткий момент Леиф заколебался, стоит ли обнимать своего друга, когда Вали смотрит на него волком из-за ее плеча. Бренна обычно редко проявляла чувства, но в последний раз, когда он ее видел, она крепко его обняла.

Напряжение разрядилось, когда ребенок в руках Бренны взвизгнул и потянулся к нагруднику Леифа.

— Это твоя дочь? — он погладил рукой маленькую прелестную головку. — Такая красавица, такие глубокие синие глаза.

— Да. Это Сольвейг. Она любит блестящие вещи, — Бренна похлопала его рукой по груди, и улыбка на ее губах сменилась ухмылкой. — Став ярлом, ты изменился, Леиф. Раньше ты не был таким... экстравагантным.

Его новые доспехи были красно-коричневого цвета, а нагрудник был выполнен из сотен металлических колец — вроде тех доспехов, что носили люди принца Владимира, только кольца не было соединены вместе. Теперь на груди Леиф носил что-то вроде металлического круга, символа равновесия, который был так важен в мире Ольги.

— Идея Астрид. Она сказала, что мое сердце слишком открыто для боя, и мне теперь следует защищать его лучше.

— Ну, она мудра, — Бренна вздернула голову, глаза ее сузились. — Вы с ней близки?

Леиф положил свою руку поверх ее руки, все еще лежащей на его груди.

— Астрид — мой добрый друг и советчик. Но мое сердце отдано другой.

Тень омрачила чело Бренны, но прежде, чем Леиф успел спросить об Ольге, Вали выступил вперед и притянул к себе жену.

— Леиф. Как союзнику тебе в Карлсе рады. Ты и твоя команда — проходите в дом. Мы накормим и напоим вас, и ты расскажешь нам, почему прибыл к нам сегодня.

Он забрал свою дочь у ее матери, повернулся и направился к дому.

Леиф вздохнул.

— Я надеялся.

— Он не так холоден к тебе, как кажется. Но он воспринял твое долгое отсутствие как признание вины. Почему ты не приплыл к нам в прошлом году, когда победил Колдера? Ты говорил, что мог бы.

— Я был ранен, — он остановился на этом. Правдивый ответ, достаточно правдивый. И снова Леиф обвел глазами толпу, встречающую судно, и снова не увидел Ольги среди зевак.

— Мы слышали. Но я не думала, что это так серьезно, что тебя не будет целый год, — Бренна обняла его за талию. — Я рада, что ты здесь. Мы скучали.

Он сжал ее плечи.

— Рад видеть тебя, мой друг.

~oOo~

Старые друзья тоже были рады его увидеть, и уже совсем скоро Леиф и его маленькая команда вошли в зал длинного дома. Вали сидел на своем кресле, держа на руках Сольвейг. Девочка безмятежно посасывала конец его косы. Он провожал Леифа взглядом, пока Бренна не поднялась и не села рядом с ним. Она наклонилась и что-то прошептала мужу, и тот нахмурился, но потом опустил взгляд и улыбнулся дочери.

Зал быстро наполнился, и еда и питье появились на столах. Леиф завязал с Бьярке и другими беседу, делился новостями, задавал вопросы и спрашивал сам. Он старался отвечать так открыто, как только мог. Были вещи, которые он хотел обсудить и с Вали тоже, ведь его визит был не просто проявлением дружеских чувств. Но ему придется подождать, пока все не утихнет. Эти новости он должен был сообщить только ярлу и его жене.

Спустя какое-то время Бренна спустилась к столам и уселась рядом.

— Мне надо покормить Сольвейг. Идем, как раз и поговорим.

Леиф удивленно посмотрел в сторону, где сидел Вали. Тот не отводил от них взгляда.

— Твой муж не против?

— После того, через что мы прошли вместе, кормление грудью в твоем присутствии — мелочи. Он не станет возражать. Я бы покормила ее в зале, но она в тишине спокойнее.

Леиф сомневался, но по взглядам, которыми обменялись Бренна и ее муж, было понятно, что Вали в курсе того, что она предложила. Кивнув друзьям, Леиф наполнил свою чашу и поднялся.

Она провела его в покои. Зал здесь не был таким огромным, как зал в Гетланде, и покои Вали и Бренны были меньше покоев даже некоторых фрименов Гетланда.

Леиф почувствовал себя странно наедине с Бренной, которая спокойно сняла верх хангерока и развязала завязки кофты, позволяя груди обнажиться. Люди их народа не очень задумывались над интимностью в таких вещах, и он часто видел младенцев у груди женщин. Это была часть жизни. И Леиф надеялся, что с Бренной будет все, как обычно.

Когда его жена кормила ребенка, он чувствовал... искушение. Возбуждение. Леиф был привязан к Бренне — не так, как к женщине, конечно, но он ее любил. И не хотел бы, чтобы при виде обнаженного тела женщины, которую называл другом, он испытал возбуждение. Так что пока она кормила Сольвейг, он разглядывал убранство комнаты.

Наконец, он обернулся и увидел, что Бренна уже покормила ребенка и закрыла грудь тканью. Леиф расслабился.

— Ты выглядишь счастливой, Бренна.

— Так и есть. Это странно — быть счастливой спустя столько времени. Я даже немножко злюсь, мне все кажется, что что-то может у меня это счастье отнять.

— Ты снова и снова подвергалась испытанию богов. Может, это их дар тебе.

Она закатила свои необычные глаза.

— Я очень надеюсь, что нет. Дары богов имеют свою цену, разве нет? — она опустила взгляд к дочери. — С ней все хорошо, Леиф.

Он знал, что речь не о Сольвейг.

— Она счастлива?

Бренна покачала головой.

— Нет. Иногда она радуется, но в глазах ее всегда стоит грусть. Мне больно оттого, что люди, которых я люблю, страдают. Я люблю всего лишь нескольких людей в этом мире, и вы — моя семья. Я бы хотела излечить ваши раны.

— И я бы хотел. Бренна, я...

Он не знал, что сказать. Было так тяжело не говорить никому об их с Ольгой любви там, в Эстландии, держать все в секрете. Астрид рассмеялась как-то и сказала ему, что все знали, что он влюблен в нее, но никто не знал, как далеко они зашли в своей любви. Он не думал, что Бренна тоже знала, и теперь просто не мог найти слов. Он знал эту Деву-защитницу много лет, но сейчас чувствовал, что вступает на неизвестную доселе территорию. Так и было.

— Ты любишь ее, — сказала Бренна, словно заканчивая начатое предложение.

Он не знал и сам, что именно хотел сказать, но это была правда.

— Да. От всего сердца. И я причинил ей боль. Я знаю.

— Я сомневаюсь, что ты знаешь, насколько сильную.

— Я знаю о смерти ее братьев. Я не знаю, как она сможет простить меня за такое, и она, кажется, не хочет, чтобы я попытался заслужить прощение. Она ведь здесь, в Карлсе? Она не ищет меня.

Бренна долго на него смотрела. Она поднесла ребенка к другой груди, не обращая внимания на то, что сидит перед ним обнаженная до пояса, и Леиф испытал облегчение оттого, что ее вид не вызывает в нем никаких чувств.

— Я думаю, тебе стоит увидеться с ней. Она не хочет тебя видеть, она будет в ярости, но... последняя ваша встреча окончилась, когда ты выпустил кишки Тока на землю.

Леиф опустил голову, вспоминая тот ужас. Ток был молод и добр душой, храбрый и преданный воин. Но в хаосе той ночи Леиф сражался за свою жизнь так, как никто другой. Он бы убил или оказался убитым, и в ту ночь он сделал первое, чтобы спасти Вали и Бренна.

— Ты убивал наших друзей, Леиф.

Ее слова, сказанные мягко, без злости, сжали его сердце клешнями.

— Ты знаешь, почему.

— Я знаю. Потому что слышала от тебя. Ты должен заставить и ее услышать. Я не знаю, сможет ли она простить тебя или хоть немного смягчиться, но я знаю, что с каждым днем она ожесточается. Она уже не та, что раньше. И, в конце концов, ей нужно новое последнее воспоминание о тебе.

— Не вмешивайся, Дева. Ольга знает, что делает, — вошедший в комнату Вали тут же встал между Леифом и Бренной.

— Уф! Перестань. Ты ведешь себя глупо, — резко сказала Бренна, и Леиф увидел, как она хлопнула мужа по бедру. — Садись. Поговорите, как взрослые люди и как друзья.

Вали сел, и Леиф увидел, что Бренна снова одета и держит дочь на руках.

Махнув рукой в сторону Бренны, указывая на место, где остался шрам от ошейника — темная, грубая кожа, Вали спросил его, видит ли он шрамы.

— А это? — он указал на шрам на своей голове. — Мужчина, которого Бренна зовет моим другом, сделал это.

— Вали. Пожалуйста, — голос Бренны звучал мягче. — Пожалуйста.

Но пламя гнева в глазах ее мужа не погасло.

Леиф провел целый долгий год, лелея свою вину и свое одиночество. Это время дало ему время понять и время увидеть путь.

— Вы оба умерли бы, если бы я не поступил так, как поступил. Теперь же ты — ярл, и у вас есть прекрасная дочь, и твоя жена жива. Эйк и Колдер оба погибли. Если бы я не сделал то, что сделал, я бы не спас вас. Разве твое будущее не стоит твоих шрамов?

— Как ты и сказал, ты нас спас. Но именно ты сидишь сейчас перед нами, цел и невредим.

С горьким смехом Леиф поднялся и сорвал с себя нагрудник.

— Я не невредим, мои раны могли убить меня. И они все еще болят. Но только один шрам ты можешь увидеть. Остальные — на моем сердце.

Он стащил доспех и тунику через голову, и Бренна ахнула. Но Леиф не смотрел на нее, он не отводил взгляда от Вали — и был награжден, когда в упрямых глазах друга блеснул огонь. Шрам, пересекающий его грудь, был толстым и плотным, злым и грубым.

— Это сделал топор Колдера. Мне говорили, что он пробил кости и что мое сердце билось в ране, когда меня принесли к лекарю.

Он думал, что последняя часть — это уже часть легенды, потому как после такого он бы явно не выжил, но рана была глубокой, а шрам — страшным.

— И ты убил Колдера, — сказала Бренна, понизив голос.

— Да. У меня остался один удар, и я нанес его. Я любил его, но убил. Потому что так было правильно, — Леиф уставился в лицо Вали. — Я твой друг, Вали. Мне жаль, что тебе пришлось страдать, но я спас тебя и заплатил свою цену. И я тоже много потерял. Я пожертвовал многим. Ради тебя.

Вали молчал.

Леиф надел тунику и поднял с пола доспех. Снова одевшись, он добавил:

— Я твой союзник навсегда и твой друг, но я не стану снова этого говорить. Я принес новости, которые хочу обсудить с тобой, когда в зале станет тише, и мы оба успокоимся. Может, завтра. Я не останусь надолго — только на день, чтобы все уладить, и потом мы отплывем. Где мне можно будет отдохнуть?

Бренна открыла рот, чтобы заговорить, но Вали опередил ее:

— Холмфрид покажет тебе дом неподалеку. Он небольшой, но там тепло и есть все необходимое.

— Спасибо, — Леиф развернулся и вышел.

~oOo~

Леиф был зол. Лежа в кровати, он кипел от гнева. С момента, как вся его жизнь перевернулась, он чувствовал многое — но никогда ощущал гнева. А теперь все внутри бурлило от злости.

Он пожалел, что не ударил Вали прямо в его хмурое лицо перед уходом — ему хотелось. Грозовой Волк вел себя так, словно Леиф пришел, чтобы отнять его жену и ребенка, словно дух Эйка вдруг вселился в Леифа и снова грозил разрушить все вокруг.

Ярл Карлсы, сидящий в длинном доме, с женой и ребенком, любимый своими людьми. Он вернулся в Карлсу, как герой. Он мог погибнуть в Эстландии, если бы не Леиф. Все они могли.

Леифу пришлось бороться за каждую каплю уважения среди своего народа. Он поднялся против своего собственного ярла и доказал право власти снова и снова. И он был один. Он отрекся от любви всей своей жизни.

А Вали все не мог его простить.

Так что хватит. Хватит умолять о прощении. Хватит пытаться вернуть дружбу. Хватит. Если Вали так легко отказался от его дружбы, может, он ее и вовсе не ценил.

Единственный человек, которому он был должен искупление, не мог даже выносить его присутствия.

Леиф откинул мех и поднялся. Очаг горел красным в темноте и почти уже погас, но ему не нужен был свет, он вырос в темноте, казалось, он всю жизнь должен будет прожить во мраке. Даже дома, в Гетланде, после успешного похода, он чувствовал внутри черную пустоту. Боль в ране беспокоила его, это правда, но было что-то глубже. Намного.

Он жил один — ни любви, ни детей, ни братьев. Его самые близкие люди были далеко, сердцем и телом. И дружба не могла восполнить пустоту.

Завыла собака, и Леиф подошел к двери и открыл ее, выглядывая в ночь. Стояло полнолуние, и вокруг было тихо, только лаяла собака.

Где-то в городе Ольга спокойно спит.

Он был в Карлсе уже несколько часов, но не видел ее. Она не хотела видеться с ним.

Но Бренна была права. Он не позволит смерти Тока стать ее последним воспоминанием о нем.

Он должен с ней поговорить, объясниться. Он должен сказать ей, что любит. Что всегда любил и будет любить.

Стояла глубокая ночь. Если бы даже Ольга и хотела его видеть, сейчас было не время. Леиф вернулся в дом, надел шерстяную тунику, чтобы защититься от ветра новой зимы, и вышел в ночь, чтобы найти ее дом.

~oOo~

Недалеко от дома ярла он нашел дом с маленьким огородиком и пустым загонем для животных. На двери висела коса, сплетенная из сушеных трав. Уверенный, что нашел то, что искал, Леиф стукнул в дверь.

Через мгновение она открылась, и Ольга стояла на пороге. Свет свечи окутывал ее ореолом. Она была одета. И не спала, хоть была и середина ночи.

Она носила теперь одежду его народа: серый хангерок и нижнее платье. Ее темные волосы были заплетены в косу, и Ольга показалась Леифу еще красивее, чем он ее помнил. У него захватило дыхание.

И теперь, через год и даже больше, она наконец-то была рядом, и ее можно было коснуться.

Холодный свет луны встретился с теплым светом свечи, и в их сиянии Ольга казалась нереальной. Но он мог видеть ее глаза, большие и темные и распахнувшиеся от изумления.

— Ольга, — выдохнул он. Его сердце зашлось от боли. — Ольга.

— Нет, — выдохнула она и закрыла дверь.

Без раздумий Леиф вытянул руку вперед и помешал ей запереть засов.

— Пожалуйста, Ольга, пожалуйста.

Она толкала, и он толкал, и вот она сдалась и отступила, почти отбежала прочь. Он вошел в дом и закрыл за собой дверь.

Комната была неярко освещена — только одна свеча и догорающий огонь в очаге. Леиф видел только силуэт Ольги у стола в дальнем конце комнаты. Он не двинулся с места, позволяя ей оставаться вне досягаемости.

— Прости, что пришел так поздно, но я не мог оставаться вдали от тебя, Ольга. Я так скучал по тебе.

— Я не хочу тебя видеть, — и он услышал в ее голосе страх и гнев. — Я не хочу видеть тебя здесь.

Этот страх раздирал Леифа на куски.

— Тогда я не останусь, но я хотел... мне было нужно увидеть тебя и узнать, что с тобой все в порядке. Мне было нужно сказать тебе, что я люблю тебя. Умолять о прощении. Я не хотел причинять тебе боль, никогда. Ты для меня — все.

Неожиданно она двинулась вперед, и тишину прорезал металлический звук. Ольга оказалась совсем рядом, в ее руке был маленький нож, блестящий красным в отсвете огня.

— Я воткну его в твое сердце, прежде чем ты скажешь мне еще одну ложь.

Ее голос дрожал, но она подняла нож обеими руками и приставила к его груди, там, где билось сердце.

Гнев и боль, мешавшие Леифу спать, снова вернулись, и прежде чем он сам осознал, что делает, он обхватил руками ее руки. Они оба держали теперь этот острый маленький нож, и Леиф нажал и погрузил нож в свою грудь.

В шоке Ольга попыталась вырваться, но ее силы не хватило, и Леифу почти не пришлось напрягаться, чтобы сломать ее сопротивление.

— Хватит, — прошептала она, но он не слушал.

Он нажал снова, погружая нож глубже, пронзая тунику. Когда кончик вонзился в его грудь, Ольга вскрикнула, отчаянно сопротивляясь, и Леиф замер, но не отпустил ни ножа, ни ее рук.

— Ты можешь вонзить его так глубоко, как хочешь, любовь моя. Внутри меня ничего не осталось. Мое сердце умерло, когда я потерял тебя.

Он снова нажал, и нож вошел глубже в его плоть, и теперь Леиф ощутил боль. Крови не было — нож еще не пронзил толстую кожу шрама, не разрезал ее на пути к сердцу.

Теперь Ольга билась в его руках, как безумная, пытаясь всем телом повиснуть на его руках, освободиться, не позволить ему — и себе — делать то, что он делает. Леиф нажал еще, и наконец, ощутил тепло хлынувшей крови.

— НЕТ! НЕТ! НЕТ! *PALUN! EI! EI! EI!* — кричала она так громко, что Леифу подумалось, что кто-то может услышать крики снаружи и подумать, что ей нужна помощь.

И потом она обмякла: колени подогнулись, и Ольга упала на пол. Резкий рывок заставил нож двинуться в ране, и наконец, причинить настоящую боль. Леиф отпустил ее, и Ольга свернулась на полу, рыдая.

Он вынул нож из груди и отбросил его в сторону.

Глава 15

Пойманная в ловушку воспоминаний о дне, когда деревня была сожжена и ее братья погибли, Ольга не понимала, что происходит вокруг. Она свернулась на полу в клубок, обхватила руками голову и пальцами вцепилась в косы.

Она чувствовала, как лезвие вонзается в грудь Калью, скользит по его ребрам, протыкает сердце. Она чувствовала это сейчас, потому что чувствовала и тогда. Воздух казался горячим — как тогда, когда пламя охватило ее брата, превращая его кожу в черные угли. Она чувствовала этот привкус в горле — огонь и кровь, и приготовленная на огне плоть — по всей деревне в тот день. Она видела кровь Антона, хлынувшую из раны на его горле подобно потоку.

— Ольга, — глубокий голос, который она любила тогда и все еще любила сейчас. Теплое прикосновение к плечу. — Мне так же больно, как и тебе. Пожалуйста, прости.

Она ждала гостя поздно ночью. Жена кузнеца готова была разродиться со дня на день. Так что когда раздался этот тяжелый стук в дверь посреди ночи, она открыла без задней мысли. И уж точно не ожидала увидеть на пороге золотоволосого гиганта из прошлого.

Первой реакцией Ольги не была ненависть, как она ожидала. Нет, это были трепет и любовь — то, что она всегда ощущала в присутствии Леифа. И счастье, настолько сильное, что на мгновение заслонило ненависть — всего на мгновение, а потом она снова ударила ее, сильнее, чем прежде.

Ольга провела весь день в доме за закрытыми ставнями, видясь только с теми, кто сам к ней приходил. Она надеялась таким образом спрятаться от Леифа. И когда день прошел, Ольге стало казаться, что ее план может сработать. Леиф не пришел. Никто не искал ее по его приказу.

Но теперь он был здесь, он застал ее врасплох и заставил ударить его ножом. Кошмары той страшной ночи смешались с реальностью в ее сердце и разуме, и теперь его теплые слова и мягкое прикосновение руки причиняли только еще больше боли.

Она закричала и оттолкнула Леифа, отползла дальше к стене, остановившись только тогда, когда ударились спиной о прикроватный столик и загасила свечу, которая на нем стояла.

Козочки заблеяли в загоне, а курицы возмущенно захлопали крыльями в ответ на шум.

Стало темнее, единственная свеча, освещавшая дом, стояла на столе в передней его части, ставни были закрыты. Когда Леиф приблизился, Ольге показалось, что на нее надвинулась темная гора. Ей стало казаться, что это сон, что она снова видит один из тех ужасных кошмаров, но тут гора стала меньше и снова позвала ее.

И потом он сказал на ее родном языке, который она слышала так редко теперь:

— *Ma armastan sind. Ma igasten sind. Palun, Olga. Sa oled mu päike, tähed, kuu.* Мое солнце, мои звезды, моя луна. Моя земля и мой воздух. Моя жизнь и мое дыхание. Ольга, пожалуйста. Я люблю тебя. Я скучаю по тебе. Поговори со мной. Если я могу что-то сделать, я все сделаю.

— Мужчина со шрамом на левом глазу, — Ольга и сама удивилась тому, как твердо звучит ее голос. Не меньше ее удивило и то, что она вообще нашла слова, чтобы заговорить с ним.

Она не могла видеть лица Леифа, но услышала в его голосе неуверенность.

— Кто?

— Человек твоего ярла. Мужчина со шрамом через левый глаз и щеку.

— Гир. Я не понимаю. Он умер в бою, когда Вали приплыл в Гетланд.

Теперь, начав говорить, Ольга успокоилась. Она хотела, чтобы он узнал обо всем, что сделал, обо всем, чему позволил случиться, обо всем, что произошло, когда он бросил ее. Чтобы он понял, почему ей никогда его не простить.

— Хорошо. Когда ты всех нас предал и ушел, чтобы помогать своему ярлу убивать людей, которые считали тебя другом, Гир был в кухне. Со мной.

Леиф опустился на пол, доски задрожали под его весом.

— Что он сделал?

Отчаяние в его голосе не отозвалось в Ольге ничем. Она уселась на колени и подняла голову, оказавшись к Леифу так близко, чтобы прошептать ответ прямо ему в лицо:

— Он сделал то, что всегда делают мужчины — такие, как ты, как он. Вы налетаете и рубите, и режете, и уничтожаете. Вы берете. Вы насилуете.

— Ольга, — голос Леифа был наполнен болью, но ей было все равно. Теперь гнев пылал в ней в полную силу, и она была *рада*, что он пошел ее искать, заставил ее открыть дверь. Она хотела, чтобы он узнал *обо всем*. Она ударила его ладонями по груди, и Леиф крикнул.

— Когда те, кто пережил ту ночь, решили отстроить дома заново, на деревню налетел Тумас. Он уничтожил все.

— Я знаю. Я знаю, что Антон и Калью погибли. У меня нет слов, чтобы выразить, как я сожалею, любовь моя, — он протянул руку, но Ольга снова оттолкнула его.

— *Ei!* Не называй меня так. Ты знаешь, как они умерли? Антон сражался как воин, хотя и не хотел войны. Солдат разрезал ему горло у меня на глазах.

— Боги, — пробормотал Леиф.

— А Калью. Другой солдат поджег его. Его кожа расплавилась и сползла. Ему было больно. Так больно. И я не могла ему помочь. Я убила его. Я вонзила нож в грудь моего брата, потому что иначе его было не спасти. Я убила его. Я убила его! Я убила его! Я ЕГО УБИЛА!

Она кричала и не осознавала, что бьет Леифа по груди, по голове, снова по груди... Он просто сидел и ждал, пока она не ухватила его за мокрую тунику — почему она мокрая? — и не упала вперед, почти на его колени.

— Я убила его. Его кожа плавилась, как воск, и он не мог даже кричать от боли, и я убила его.

Леиф обнял ее, и она его не оттолкнула. Она позволила ему приподнять себя и усадить на колени. Так много времени прошло с тех пор, как она находила утешение в его любви, в его прикосновении. Их время вместе было коротким, но за эти месяцы любовь успела изменить ее жизнь. Сама Ольга стала другой, сначала обретя любовь, а потом потеряв.

Так долго она не чувствовала себя в безопасности. И она приняла это — несмотря на боль от сотворенного ими, несмотря на обоюдоострый кинжал ненависти и любви, вонзенный в сердце.

И когда Леиф заговорил, голосом, полным боли и сожаления, ее сердце откликнулось.

— Я не могу подобрать слов, Ольга. Мне невыносимо жаль. Я не могу вернуть их тебе. Я мог бы искупить, но не знаю, как. У тебя всегда была и будет моя любовь, моя преданность. Если бы я не поступил так, как поступил, если бы повел себя так, как ожидал Вали, и мы стали бы сражаться с Эйком там, в Эстланде, мы все были бы мертвы — и те, кто и так погиб, и те, кто выжил. Я сделал так, чтобы спасти вас.

— Нет. Нет, — выдохнула она, опуская руки ему на плечи, слишком уставшая, чтобы сражаться.

— Я клянусь, Ольга. Я сделал это, чтобы спасти вас.

И она, наконец, смогла сказать ему о своей самой большой боли, о той, что мучила и грызла ее сильнее всего, не позволяя ранам исцеляться.

— Нет. Ты сделал это, чтобы спасти Вали и Бренну. Ты не задумался о том, что станет со мной. Ты бросил меня. Ты покинул меня еще до того, как твой ярл ступил на замковые земли.

Повисла долгая тишина, и Ольга поняла без всяких слов, что права. Он даже не задумался о ней в ту ужасную ночь.

— Нет, — наконец, прошептал Леиф. — Я никогда не оставлял тебя. Ольга. Я всегда был с тобой в своих мыслях. Я думал, ты в безопасности.

Она ответила лишь вздохом. После долгого времени — а прошло уже больше года — гнева, злости и боли, так прочно укоренившихся в ее сердце, Ольга вдруг осознала, что это дерево страшных чувств вовсе не так крепко, как она думала. Она не ощущала в себе ненависти или злости. Только усталость.

И любовь. Да, в ней жила любовь, правда, уже не та, что раньше. Она не понимала этого нового чувства, но оно появилось откуда-то из глубины ее сердца и засияло так же ярко, как и прежде.

— Скажи, что ты любишь меня, Леиф, — он уже говорил ей, но она хотела услышать это снова, сама не зная, почему.

В глазах его вспыхнуло удивление, руки сжались.

— Я люблю тебя. Ты мне дороже всех, дороже всего. Я люблю тебя всем своим сердцем.

— Сердцем, которое, как ты сказал, умерло?

— Ольга. Пожалуйста. Что мне сделать?

Но ничто не могло бы восстановить то, что было разрушено между ними. Равновесие было потеряно навсегда. Но было то, чего Ольга хотела именно сейчас. Одна вещь, которая могла бы, хоть на короткое время, спасти ее от тьмы.

— Возьми меня.

Леиф замер в неверии, его тело стало каменным.

— Ольга?

Она уселась прямо и ухватила его за пряди волос. Удерживая его голову так, чтобы он мог видеть ее лицо — лицо, которое едва освещало пламя свечи, но которое он знал лучше других, лучше, чем она сама, — она посмотрела в его глаза.

— Возьми меня. Так, как ты брал меня раньше, до того, как все случилось. Все, что было у меня тогда хорошего, было связано с тобой, и теперь все обратилось в прах. Я хочу другое воспоминание о тебе, или то, что осталось во мне от тех дней, просто умрет. Возьми меня. *Возьми меня.* Пожалуйста.

Она поцеловала его. Когда Леиф попытался отстраниться, она сжала пальцы и потянула его за волосы, не позволяя прервать поцелуй. Они застыли, касаясь губами губ друг друга, и этого было мало, этого было ничтожно мало, но одновременно — больше всего, что она ощущала вот уже долгое время. Сердце Ольги колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

И потом Леиф сдался.

Его руки сжались вокруг нее подобно железным оковам, пальцы забрались в волосы, расплетая косы, рот открылся, и язык скользнул по ее губам. В этом поцелуе была сила, которой она раньше не знала, и она была рада. Это было не так, как раньше.

Она неистово прижалась к нему и прикусила зубами его нижнюю губу. Леиф издал низкий животный звук и потянул ее за косы, заставляя посмотреть в лицо. Она почти могла видеть голубое пламя его глаз.

Рассвет был близок.

Его грудь прижалась к ее груди. Она хотела снять с себя одежду, хотела почувствовать тепло его кожи на своей, хотела почувствовать себя в тепле и безопасности, и пусть это будет только иллюзия, которую развеет рассвет.

Вцепившись в его тунику, Ольга пыталась стянуть ее, но он отстранил ее и сжал ее кисти так сильно, что ей стало больно, и ухватился за застёжки хангерока.

Движениями, уже не такими неловкими, как раньше, Ольга расстегнула застёжки ее теперь уже ставшей привычной одежды. Она даже нравилась ей теперь больше, чем одежда Эстландии. Более удобная, хоть и более простая. Ольга показала некоторым женщинам способы вышивания, которым научила ее мать.

Что же до волос, она всегда носила косы, так что менять ничего особенно не пришлось.

Леиф отбросил застёжки прочь, и они застучали по полу. А потом он развязал шнуровку, и хангерок сполз с ее плеч. Теперь только тонкая ткань нижней рубашки отделяла ее тело от его прикосновения.

Леиф обхватил ее лицо ладонями и снова поцеловал.

Он должен был спросить ее, хочет ли она этого. И она надеялась, что он не спросит. Это было даже не бледной тенью того, что происходило между ними раньше: та любовь была нежной, мягкой, даже невинной. Эта же была темнее. Горше. В ней звучали отголоски того, что случилось. Ольга не отдавалась — ей больше нечего было отдать, как и Леифу. Они только брали — каждый свое.

И еще в этой дикой страсти пульсировала любовь, настоящая, глубокая.

Ольга ответила на яростный поцелуй не менее яростно. Опустив руки, она нащупала завязки бриджей и потянула, развязывая. Ей в руку уткнулось свидетельство его возбуждения, твердое, горячее. Ольга задрала юбки, сжала напряженный стержень в руке и резко опустила на него, насаживая себя так быстро и глубоко, что Леиф откинул голову и издал рык.

Так глубоко. Ей было больно, казалось, ее пронзило железным копьем, но Ольге было все равно. Она хотела, чтобы было больно. Хотела, чтобы эта боль прогнала из ее разума и сердца другую. Хотела чувствовать его внутри себя спустя дни, недели. Всю жизнь.

Ольга прикусила губу и снова насадила себя на него так глубоко, как могла, ища новой боли. Каждый жестокий толчок заставлял Леифа стонать так, словно она сжимала в

руках его сердце, и она была этому рада. Она хотела, чтобы и ему было больно, как и ей. Она хотела, чтобы он запомнил это ощущение. Навсегда.

Леиф потянулся вперед и стянул с нее рубашку, обнажая грудь. А потом снова сжал ее и приподнял так, чтобы она выгнулась в его руках. Ольга опускалась и поднималась, опускалась и поднималась в тяжелой скачке, и когда он наклонился и обхватил губами ее сосок, она вцепилась руками в его волосы и потянула так сильно, что выдернула несколько прядей. Леиф снова издал тот животный звук и стал сосать сильнее.

Ольга не соображала, что происходит; она кружила в водовороте чувств и ощущений, в сплетении боли и всепоглощающей любви к этому мужчине — и это было больше, чем она могла принять. Ее сердце билось в груди, как птичка. Внизу живота все трепетало. Запах, вкус, звуки, что она слышала и чувствовала — все это был Леиф. Ее любовь.

И вдруг боль стала сменяться чем-то другим. Боль все еще была жестокой, но теперь к ней примешалось наслаждение — нет, не наслаждение от боли, смешанной с похотью, а удовольствие, которое она познавала с ним раньше. Ольга чувствовала, что буквально истекает влагой возбуждения, чувствовала, как ее тело открывается навстречу Леифу, просит о большем, ищет большего.

Комната качалась, и Ольга уже не была уверена, снится ей это или происходит на самом деле. В темной комнате с ней наедине так долго были только дым и пепел.

Руки Леифа мягко и нежно спустились по ее спине и обхватили ягодицы. И эта бережная поддержка, этот контроль дали ей что-то другое — столь же сильное, но без боли, которая была ей нужна. Он отпустил ее грудь и снова впился губами в ее губы, и теперь в поцелуе была только страсть. Огонь боли погас.

Желание Ольги причинить боль ему и себе ушло. Теперь здесь были лишь Леиф и она, и его руки, нежно обнимающие ее. И на короткий момент, на крошечное мгновение она почувствовала себя в тепле и безопасности в его руках. Она почувствовала себя дома.

Освобождение ударило в Ольгу, волна за волной, и наконец она сдалась и позволила ему унести себя. Она разорвала поцелуй и обхватила Леифа за шею, уткнувшись лицом в его грудь. Шелк его волос ласкал ее щеки. И он все еще двигался в ней, входил и выходил, входил и выходил, пока не откинулся на спину — и она вместе с ним, и не застонал. Леиф стонал и стонал — этот долгий мучительный еле слышный стон она скорее ощущала у себя на груди, чем слышала.

А потом он опустил ее на пол рядом с кроватью, и они улеглись рядом, в ее темном доме: сплетенные тела, частое, как у животных, дыхание.

— *Unistan sinust nii päeval kui ööl*, — выдохнул Леиф, притягивая ее к своей груди. — *Ma armastan sind. Ma armastan sind. Igavesti.*

Ольга слишком устала, чтобы думать. Она еще плыла на волнах экстаза, ей все еще было трудно дышать. Так что она просто позволила этим прекрасным словам прозвучать в темноте дома и закрыла глаза.

Глава 16

— Ольга?

Она лежала на нем, мягкая и такая податливая. Леиф бы был обеспокоен тем, удобно ли ей, если бы эта поза не была такой привычной. Она часто засыпала так, лежа на нем, когда он еще оставался в ее теле. Они спали так в Эстландии, очень часто — она на его груди, в его объятьях, в кровати, которая была ему мала.

Может, на полу в ее доме в Карлсе не было так удобно, как на кровати, но он был с Ольгой, держал ее в своих руках, и даже если бы ему пришлось лежать на гвоздях, не признался бы, что ему неудобно.

Леиф не понимал, что только что случилось. Он не понимал, прощен или нет, теперь, когда она с ним, но определенно все изменилось. То, что произошло сейчас, было совсем не похоже на то, что было раньше; это было зло и больно, и она была настолько не похожа на себя, что Леиф растерялся.

Ей было больно, он видел. А еще он видел, что она хотела этого, видел — *чувствовал* — как она движется, намеренно причиняя боль, и не понимал. Она получила удовольствие, да, это тоже было. Леиф ощущал ее экстаз.

Он не понимал, что случилось, и это его беспокоило.

Но сейчас Леиф лежал на полу, сжимая Ольгу в объятьях. Их тела были соединены, запах соития все еще витал в комнате. Ольга тихо спала на его груди. Они не могли быть ближе друг к другу, хотя бы в физическом смысле, и это уже было больше, чем он надеялся получить.

Этого пока было достаточно. В темноте Леиф повернул голову и уткнулся лицом в ее косы, и поцеловал ее в висок.

А потом и он закрыл глаза.

~oOo~

— Эй! Ольга! Ох!

Леиф проснулся от звуков молодого голоса раньше, чем Ольга.

Комната была наполнена светом, сочащимся сквозь приоткрытые ставни. Широкая полоса света лежала на полу от открытой двери. Леиф вытянул шею и увидел маленькую пару башмаков и край хангерока. Дальнейшее изучение показало, что голос принадлежит молоденькой девушке с яркими, как огонь, волосами.

— Приветствую, — сказал он, и Ольга зашевелилась при звуке его голоса.

Девушка заморгала.

— Ты ярл Леиф, — сказала она. Девушка тут же склонила перед ним голову, что в сложившихся обстоятельствах показалась Леифу смешным.

Ольга напряглась и села на полу со вздохом. Она была голой, одежда сбилась на талии, и Леиф осознал это одновременно с ней.

— Фрида! — зашипела Ольга, закрывая руками грудь.

— Прости! Я... я буду... прости! — девушка скользнула обратно за дверь и убежала.

Леиф повернулся и посмотрел на Ольгу. Он улыбнулся ей, но она не смотрела на него. Вместо этого она смотрела на его грудь.

— У тебя кровь.

Он и забыл о том, с чего началась их встреча, и теперь, вспомнив, ощутил в груди боль, и она была сильнее, чем боль, которую он ощущал в сердце. И все же Леиф не думал, что рана настолько глубока, что будет кровоточить.

Он опустил голову и увидел на тунике кровавый след. Снова посмотрев на Ольгу, он увидел на ее груди и плечах засохшие следы крови.

— Ничего страшного.

Но ей это не понравилось. Он увидел в ее глазах беспокойство. Ольга вдруг поспешно натянула на плечи нижнюю рубашку и принялась искать глазами застежки от хангерока. Леиф лежал молча и смотрел, пока она не поднялась.

Он смягчился и вышел из ее тела, пока они спали, но сейчас снова отвердел той твердостью, что приходит утром, под тяжестью ее мягкого тела на нем. Даже в этот момент его тело не могло устоять перед ней, как и его сердце.

Застегнув хангерок, Ольга бросила взгляд на его твердый стержень и отвела глаза.

— Я проверю твою рану.

Он заставил себя натянуть бриджи и затянуть завязки, прежде чем сесть.

— Не стоит. Ольга...

— Я проверю твою рану, — снова сказала она. — Садись туда.

Он поднялся и подошел к стулу, на который она указала, но остался стоять, нависая над ней. И когда Ольга подняла голову, глядя ему в лицо, и он протянул руку, чтобы убрать с ее лица упавшие на глаза пряди, они отшатнулась.

Значит, нет. То, что случилось ночью, не было настоящим прощением.

— Сядь. Сними тунику.

Леиф подчинился. Он положил тунику себе на колени и задал вопрос:

— Ты не будешь со мной говорить?

Может, она и не услышала. Ольга смотрела на его грудь, но ее внимание было приковано не к свежей ране. Она протянула руку и коснулась пальцами огромного шрама, пересекавшего грудь, и только добравшись до засохшей крови над раной, нанесенной вчера, перевела взгляд на его лицо.

— Сколько раз ты чуть не умер? — прошептала она.

— Несколько. Но я знаю, что боль от ран — ничто в сравнении с болью, которая мучает меня с тех пор, как я потерял тебя, — Леиф взял ее руки в свои и прижал к груди. — Ольга. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Гетланд. Сидела рядом со мной в зале как моя жена. Выходи за меня.

Их взгляды встретились, и Леиф попытался отыскать в ее темных глазах любовь или надежду, хоть что-то, что придало бы ему сил. Но там была только горечь.

Ольга высвободила руки и отошла к столу у передней стены дома. Вернулась она с миской, наполненной водой, и куском чистой ткани, и Леиф уселся на стул и позволил ей ухаживать за собой.

В тишине она промыла рану на груди и осмотрела ее. Нанесла зеленую травяную пасту и наложила чистую повязку.

Когда она отвернулась, Леиф снова ухватил ее за руку.

— Ольга. Ты мне не ответишь? Я потерял твою любовь навсегда?

Она уставилась ему в лицо, и он понял, что на этот раз услышит ответ — и что он ему не понравится.

— Я люблю тебя. Я отдала тебе всю любовь, что имела, и она с тобой останется навсегда. Но доверие мое разрушено, и больше его у меня не осталось. Я рада, что ты пришел ко мне ночью. Я не сожалею о том, что мы сделали, но теперь все кончено.

Он думал об этом тоже, но слышать эти слова, громкие, четкие — о, эта боль была словно удар ножом прямо в грудь.

И Леиф разозлился, так же, как злился тогда, в разговоре с Вали. Он не предавал тех, кого любил. Он делал ошибки, да, но он просто не мог предвидеть того, что случится в Эстландии после той ночи, и все же он был тем, кто удержал Эйка от еще больших зверств.

— Я не знаю, как мне заставить тебя понять, что я не предавал тебя. Ты говоришь, что я оставил тебя еще до того, как прибыл Эйк, но *это неправда*. Я не мог остаться, а ты не могла уехать. Мы решили это *вместе*, и это разбило мое сердце. Меня мучила мысль о том, что я потеряю тебя, но то, что было между нами той последней ночью, было прощанием. И мы знали, что так будет. Я должен был держать тебя подальше от Эйка, и это значило, что и мне следовало держаться подальше. Но ты всегда была в моих мыслях. Я говорил тебе.

— Да, ты говорил. И еще оставил меня на потеху тем мужчинам.

Мысль о том, что Гир коснулся ее, заставила Леифа захотеть, чтобы тот выжил. Он мечтал убить его лично. Но если бы она сделала так, как он тогда просил, она бы не стала жертвой насилия.

— Я хотел бы отомстить, если бы мог. Я хотел бы сам отрезать ему те части тела, которыми он тебя касался, и скормить свиньям. Но я говорил, чтобы ты ушла в деревню. Ты осталась.

Ольга вспыхнула.

— Деревня не спасла бы меня. Мои братья умерли в деревне. Сотни людей погибли на улицах.

— Это была моя ошибка, я сожалею. Я должен был предвидеть, что Тумас нарушит мир, но у меня не было возможности обдумать все последствия, — он сжал ее руки. — Мне жаль, что твои братья погибли. Мне жаль, что тебе пришлось пройти через боль. Я правда думал, что в деревне безопасно. И, Ольга, я не предавал тебя. Если это доверие и уничтожено, то только твоим гневом и ничем другим.

Такова была правда. Она не простит его. Она не любит его настолько, чтобы простить.

Ольга покачала головой.

— Не важно. Все умерло. Я не поеду с тобой. Я не выйду за тебя.

Леиф опустил голову, справляясь с болью и сожалением.

— И все же ты говоришь, что любишь меня.

— Так же сильно, как и раньше. Я хотела бы не любить, но выбора нет.

Ответ не смягчил боли от ее отказа. Леиф вздохнул и отпустил руки Ольги. Как и с Вали, с Ольгой он достиг границ своего искупления. Изменить ее сердце и мысли он не мог. И теперь оставался лишь один выход — позволить ей самой сделать выбор и самой принять его последствия.

— Ну, тогда несчастливая жизнь, которая нас ждет, — это твой выбор, — он поднялся и надел тунику. — Я буду любить тебя, пока не умрет моя душа. Это моя клятва. И я не побеспокою тебя более.

Леиф наклонился, и Ольга подняла голову, словно ожидая поцелуя. Но он лишь коснулся лбом ее лба.

— *Ma armastan sind*, — прошептал он.

Леифу хотелось, чтобы сказанные в последний раз слова любви она услышала на своем родном языке.

~oOo~

Позже тем же утром Леиф сидел в зале длинного дома с Вали, Бренной, Ормом, Харальдом и Яаном. До этой встречи Леиф и не осознавал, как же сильно все изменилось между ними. Всего несколько людей пережило тот кошмар, и только Астрид и Бренна из числа поклявшихся Эйку в верности оставались теперь его друзьями, да и то, в Гетланде осталась лишь одна Астрид. Остальные были люди Снорри, и теперь все они жили в Карлсе, став близкими ярлу людьми.

Он знал это и раньше, понимал умом, но ощутил только сейчас, отвергнутый Ольгой, принятый в Карлсе как гость — как *чужак*.

Они все относились к нему как к чужаку, даже те, кто сражался с ним против Колдера. Ему не доверяли.

Но он покончил с оправданиями, покончил с извинениями. Карлса и Гетланд были союзниками, и так и будет, пока Вали не примет его — или откажется от альянса.

И тогда они станут врагами.

А теперь он развернул на столе кусок ткани. Вали и остальные склонились над рисунком.

— Такой же, как и на столе в Эстландии, — заметила Бренна.

— Да. Корабли Колдера вернулись очень поздно, когда уже наступила зима. Ульв сказал, они плавали на юг, надеясь пожить там, но буря заставила их повернуть на восток. Они думали, что потерялись, но вдруг наткнулись на землю. Она была обжита, но люди, казалось, вообще не знали, что такое набеги. Они были беззащитны. И когда люди Колдера захватили замок, полный золота и драгоценностей, без единого удара мечом, это была победа. Они нашли эту вещь в одном из сундуков, но не знали, что это, — он провел рукой по рисунку. — Но вы знаете. И я. И Астрид.

Орм скрестил на груди руки.

— И что хорошего в том, что мы не знаем, что это за место. В Эстландии все места были знакомы. А это... здесь нет ничего знакомого.

— Ульв был там. Он знает путь.

— Ульв, — хмыкнул Вали. — Сын Эйка. Мы должны ему доверять? Ты должен был его убить.

— Ты однажды сказал мне, Вали, что если мы убьем всех тех, кто может стать нашими врагами, из этого не выйдет ничего хорошего, — Леиф повернулся к Бренне. — Ты знаешь Ульва, Бренна. Он поклялся мне, когда тела его братьев лежали у меня под ногами. Он был верен клятве.

Бренна кивнула.

— Я его знаю. Ему не очень нравилось то, что делал отец. Ульв не был таким, как остальные. Если Леиф принял его клятву, то и я приму.

Вали посмотрел на свою жену, и за столом воцарилось молчание. Наконец Леиф его прервал:

— Ульв говорит, что золото и драгоценности здесь, — сказал он, показывая пальцем на пересечение линий в квадрате у края карты. — Смотрите.

Все наклонились над столом, чтобы посмотреть, на что он указывает, а потом выпрямились, ухмыляясь.

На карте в месте пересечения были нарисованы два ящика с монетами.

Вали откинулся назад и погладил рукой бороду.

— Ты отправлял людей в поход этим летом?

— Да. Они плавали на юг. Хорошая добыча.

— Ульв не плавал с вами в это магическое место с сокровищами?

Игнорируя укол в голосе Вали, Леиф ответил:

— Эта земля слишком далеко для небольшого рейда. Колдер сбился с курса, когда наткнулся на нее. Нам нужны корабли, чтобы отправить их в большой поход, и твои корабли, как и мои, не приспособлены для дальних переходов. Нам нужны новые суда и люди, чтобы вести их. Мы ведь союзники, так?

Вали кивнул.

— Конечно, союзники, — отозвалась Бренна.

— Хорошо. Тогда давайте вместе отправимся в поход следующим летом.

— Ты говоришь, что мужчинам придется уплыть далеко от дома, — вмешался Бьярке. — Эти воды мы не знаем.

— Вода есть вода, — сказал Харальд. — Торговцы приходят к нам издалека с севера и с юга, с запада и с востока. Это не может быть слишком опасным. И мы не плавали никуда этим летом. Мужчины будут рады искупать свои мечи в крови и привезти домой золото.

— Мужчины и женщины, — поправила Бренна, четко и ясно произнося слова.

— Конечно, — согласился Харальд, краснея.

— Но не ты, Дева, — сказал Вали, и Леиф понял, что он точно поплывет с ними. Если Вали уже задумался о Бренне, это означало, что он принял решение.

— Я знаю, — вздохнула она. — Я останусь дома, с дочерью, и буду следить за порядком в твоём владении, а ты поплывешь.

Вали поцеловал руку своей жены и повернулся к Леифу.

— Я расскажу об этом своим людям, и мы примем решение вместе, но думаю, ответ будет да. Мы построим большие корабли и отправимся с тобой исследовать этот большой мир.

~oOo~

Этим вечером после ужина Леиф сидел в зале вместе с людьми Карлсы. Казалось, тут собрались все — только Ольги, как и в прошлый раз, не было. Он не ожидал другого. Его грудь была полна ледяной пустотой, и он принял эту пустоту. Леиф, сидя с чашей в руке, сосредоточился на том, что происходило вокруг, заставив себя не думать о темноте и одиночестве.

Идея о новом походе и подготовке к нему встретила горячее одобрение. Корабельщики были особенно рады, особенно Якоб, его подопечный. Леиф обратил внимание на пламенно-рыжую девушку, которую видел сегодня утром в доме Ольги. Якоб относился к ней с особенной нежностью. Видимо, они были близки.

У Леифа не было возможности спросить: Якоб не был особенно дружелюбным с ним.

Обсуждение было в самом разгаре, когда Леиф ощутил на своем плече чью-то руку. Обернувшись, он увидел Вали, стоящего рядом.

— Можем поговорить наедине?

Леиф кивнул; в голову на мгновение пришла мысль о возможной засаде. Бренны не было — она ушла с Сольвейг. Может, Вали дожидался, пока жена уйдет, чтобы осуществить свою месть?

Он последовал за своим другом в ночную тьму, кристально чистую, какой она могла быть только в преддверии зимы. Вали обошел угол дома, и чувства Леифа обострились, но почти тут же он расслабился: Вали всего лишь подошел к ящикам, стоящим у стены, и уселся на один из них. Жестом он пригласил Леифа последовать его примеру.

Яркая луна светила на них.

— Бренна хочет, чтобы мы все прояснили, но я не знаю, как мы можем все прояснить, — сказал Вали. — Каждый раз, когда я вижу ее спину, я думаю о том, как ты стоял там, смотрел, *позволял* этому случиться, и хочу ухватить тебя за горло и вонзить топор в твое сердце.

Может, Вали и собирался когда-то это сделать, но Леиф не думал, что это так. Слова были не злыми.

— Я знаю, Вали, но мне нечего сказать. Я уже извинился и объяснил все, что мог объяснить. Если мы больше не друзья — я приму это. Но я не стану снова просить у тебя прощения.

Вали кивнул.

— Ты видел Ольгу?

Он не ожидал вопроса, и пришлось сделать глубокий вдох, чтобы ответить.

— Да. Она тоже больше не мой друг.

— Мне жаль.

— Да?

— Да. Жаль ее. Я понимаю ее.

— Понимаешь?

— Наверняка. Нас бросили на смерть, Леиф. Мы тонули в огне и крови и едва не утонули в море. Мы знали только, что Эйк забрал Бренну и убил наших людей, и что ты помогал ему. И мы видели, как всё, что мы построили, обратилось в ничто. Мы плыли через суровое море, чтобы отомстить тебе и другим. Бренна говорит, я не понимаю, и она права. Но она тоже не понимает. И ты не понимаешь. Я бы простил, если бы мог, Леиф. Я помню о нашей дружбе и скучаю по тем временам. Я помню, как ты позаботился о моем сыне, пока я сидел с Бренной. Я помню, что ты рассказывал мне о том, что Эйк для нее — угроза, и помню, что я не придавал этому значения. Возможно, если бы я отнесся к твоему предупреждению более серьезно, мы были бы готовы к тому, что он сделал. Я вижу в этом и свою вину. Я помню, что ты был моим добрым другом.

Вали замолчал и посмотрел в сторону темного моря.

— Но я гляжу на Бренну и вижу ее спину и ее шею, и шрамы на ее теле. И я не могу вспомнить, каково это — быть твоим другом.

Почему они пришли сюда, чтобы повторить то, что уже сказано, Леиф не знал. Он сожалел о том, что приплыл в Карлсу. Планы на поход — это одно, а открытая рана на сердце, рана, которая уже начала затягиваться, — другое. Он мог бы послать Астрид. Он устал, у него болела душа. Он хотел домой.

— Ну, хорошо. Союзники не всегда означает друзья.

Вали выглядел огорченным, и Леифу стало чуть легче.

— Я верю, что ты не предал нас намеренно. Я верю, что твои намерения были благими. Но я не понимаю, почему ты решил, что это — верное решение. Не могу простить то, что ты позволил этому случиться.

— Я не могу объяснить лучше, чем уже объяснил, то, что сделал. Не стану, — Леиф поднялся. — Итак, я отплываю утром и начну подготовку, а потом, летом, мы отправимся в поход вместе. Больше видеться нам незачем.

~oOo~

Когда следующим утром корабль отплыл от берега, Леиф стоял на корме и смотрел на берег. Он попрощался с теми немногими, кто считал его другом, крепко обнял Бренну.

Но он хотел увидеть в толпе Ольгу, хотел в последний раз отыскать в толпе ее темные большие глаза.

Ее не было.

Он уже сдался и хотел отвернуться, когда заметил ее, стоящую поодаль от толпы, возле одного из притулившихся на берегу домиков. Темные волосы были растрепаны и развевались на ветру, как флаг. Он поднял руку в прощании. Она не возвратила жеста.

Леиф опустил руку, но не смог заставить себя отвернуться, и все смотрел и смотрел на нее. И она тоже стояла там, на берегу, и их взгляды не отрывались друг от друга, пока берег не скрылся за горизонтом.

ЧАСТЬ 3. ВОЗДУХ

Глава 17

Ольга ошиблась, решив, что близость с Леифом поможет изгнать тьму из ее души. Она изгнала гнев и ненависть — да, но без этих стражей ее сердце снова наполнилось любовью и чувством потери.

Она словно падала в темную бездну, и когда корабль Леифа исчез за горизонтом, все, что осталось ей, — это усталость и боль. Ее тело теперь словно было сделано из боли.

Через два месяца Карлса начала готовиться к празднику зимнего солнцестояния, но Ольга лучше бы провела всю зиму в тишине и одиночестве. Если бы не улыбающееся лицо Фриды, появляющейся каждый день, чтобы начать работу, возможно, она бы так и сделала.

В это время года Ольге было гораздо труднее здесь, в Карлсе, чем на родине. Здесь бывали дни без солнца вообще, только ясное небо свидетельствовало о том, что уже полдень. Тьма давила на ее, как будто небо было сделано из свинца.

Когда приблизилось солнцестояние, и солнце полностью их покинуло, Ольга начала все глубже и глубже погружаться в отчаяние, и ее тело тоже начало сдавать. Казалось, внутри все отказывалось жить. Она заболела так сильно, что не могла даже удерживать пищу, а работа по изготовлению самых обычных лекарств — мази от ран, чая против морской болезни, припарки для торговцев, страдающих одышкой — все стало вызывать отвращение. В последнее время она просто сидела и наблюдала за Фридой, чье мастерство достигло такой степени, что она мало нуждалась в обучении.

Фрида была центром сплетен в городе в последнее время, так как была уже много месяцев замужем и до сих пор не ждала ребенка. Ольга знала причину: Фрида заставила Якоба проливать семя на их постель. Она утверждала, что еще не готова стать матерью. Сначала она хотела закончить обучение.

Сплетни или нет, но Ольга гордилась. Фрида была молодой женщиной, которая имела свое мнение.

В день солнцестояния в городе началось празднование, которое могло длиться днями. В то утро — неуместное понятие в ночном мире — Ольга выползла из своей постели, кое-как одевшись в полутьме, и направилась в зал, где Бренна попросила ее присоединиться к женщинам, готовящим зал к празднику. Она чувствовала усталость и тошноту, и яркое свечение сотен свечей, ревуший огонь и счастливая болтовня женщин едва не заставили ее сбежать в безопасное уединение дома.

Но Дагмар, мать Бренны, увидела ее и сразу же подошла. Она обхватила Ольгу рукой за талию.

— Проходи же. У нас сегодня горячая еда и хорошее настроение. Сегодня — начало новой надежды.

В мире Ольги все было почти то же самое, хотя у них не было богов, требующих смерти без какой-либо цели, кроме самой смерти. Зимнее солнцестояние ознаменовало самый мрачный и темный день в году, тем самым положив начало светлым дням. Каждый день до летнего солнцестояния был бы немного ярче предыдущего. Свет вернется. Новая жизнь поднимется вверх. Тьма станет светом. Смерть станет жизнью. Лед превратится в огонь.

Равновесие.

~oOo~

Не чувствуя аппетита, Ольга тихо сидела и слушала счастливую болтовню вокруг, пользуясь случаем, чтобы поиграть с маленькой Сольвейг, которой уже исполнилось

полгода. Она была счастливым и ласковым ребенком, ее любили все женщины. Девочка переходила из руки в руки, лопоча и хватая все, до чего могла дотянуться.

Любимая кошка Бренны, королева Лофн, названная в честь какой-то богини, оставалась рядом с малышкой весь день. Она была огромной — доставала Ольге почти до колен, а ее длинный густой мех был цвета утреннего тумана. Признав в Сольвейг свою хозяйку, кошка сидела рядом с ней и наблюдала за окружающими царственным взглядом зеленых глаз. Когда Сольвейг дергала за пушистое ухо или хваталась за длинный мех, Лофн просто поворачивалась и лизала ее, пока та не отпускала.

Ольга не могла отвести взгляда от Лофн. У этой кошки, казалось, было то, что она сама потеряла: способность жить в мире, принимая его таким, какой он есть.

Но Ольга училась притворяться. Она помогла украсить гирляндой благоухающие сосновые ветви и, когда ей стало немного лучше, вышла и помогла повесить свертки с едой, ленты и маленькие резные деревянные фигурки на массивных соснах по обе стороны от входа в большой зал. Жители Карлсы верили, что на деревьях живут духи, но глубокий холод и тьма прогнали их прочь. Подарки должны были позвать их домой и принести с собой тепло.

Для Ольги деревья, увешанные маленькими свертками и фигурками, были красивыми, и этого было достаточно, чтобы согреть ее сердце.

В полдень двое мужчин затащили огромного кабана на отведенное место перед домом, и Вали вошел в круг своего народа. День был таким же темным, как самая глубокая ночь, и вокруг было зажжено много факелов.

Занеся меч над визжащим кабаном, Вали заговорил:

— Сунну родила Соль после того, как ее проглотил волк. Когда волк умрет, она пойдет путями своей матери. Мы отдаем ей этого кабана, чтобы он помог ей на ее пути *(прим. Сунна (Суль или Соль) — богиня солнца в скандинавской мифологии. Согласно легендам, у одного мужчины родились сын и дочь, которых он назвал за их красоту Солнце и Луна. Боги разгневались за такую гордыню на этого мужчину и превратили дочь (Соль) и сына в возниц, которые должны править колесницами, везущими солнце и луну по небу, и приставили за колесницами волков, которые будут их преследовать до самого конца света (Рагнарока). Вали говорит о событиях Рагнарока, когда, по легенде, волки проглотят солнце и луну и наступит тьма, но затем дети солнца и луны взойдут на небо, и мир возродится).*

Ольга не знала, что это значит, но он сказал то же самое годом ранее. Вали наклонился и перерезал мечом горло кабана. Чаша на земле наполнилась кровью. Ольга отвернулась. Вид крови заставил ее почувствовать дурноту, да и было жаль убитого кабана.

~oOo~

Большая часть празднования солнцестояния, как любого другого празднования среди ее нового народа, состояла из распития медовухи. Мужчины и женщины снова и снова возносили тосты за богов, и прежде чем праздник закончился, люди начали собираться в пьяные толпы. Те, кто все еще праздновал, не обратили на это особого внимания; они продолжали петь и пить, и кричать, и Ольга ускользнула бы в тишину своего дома, если бы не сидела с Якобом и Фридой, которые бы огорчились, если бы она ушла.

Якоб тоже напился и пел вместе со всеми, несмотря на то, что знал лишь несколько слов. Когда одна песня закончилась воплем, его голос сорвался, и он начал кашлять. Сначала это был просто быстрый кашель, как будто он что-то вдохнул, но затем спазмы стали мучительными, и слезы потекли у парня из глаз. Фрида и Ольга помогли ему сесть, а Фрида наполнила чашку медовухой и уговорила мужа выпить и смыть то, что раздражало горло.

Наконец кашель прекратился, и Якоб изобразил улыбку.

— Я в порядке, — выдохнул он, голос у него был грубый, как шелуха коры. — Все хорошо.

Ольга улыбнулась в ответ и убрала темные кудри со лба своего воспитанника. Он был горячим, но это не был жар от песен и вина. Это был сухой жар болезни. Она поймала взгляд Фриды.

— Это не так. Ты болен. Давай отведем тебя домой спать.

Якоб начал трясти головой, возражая, но Фрида хлопнула мужа по плечу.

— Не глупи, Яки. Если ты болен, то начнешь лечиться и быстрее поправишься, — она положила руку на лоб мужа, как это сделала Ольга. — Ты слишком горячий. Мы уходим.

Якоб нагнулся, чтобы встать, и его снова пронял кашель, и теперь, откашлявшись, он не стал спорить и покорно вышел из зала вместе с ними.

Когда Ольга оглянулась, чтобы закрыть дверь, песня закончилась, и в этот момент тишины она поняла, что слышит в зале что-то еще.

Отовсюду доносился кашель.

~oOo~

— Я считаю, что болезнь передается через дыхание. Это самая опасная из всех болезней, потому ее так трудно сдерживать. Уксус не помогает. Я пытаюсь придумать что-то еще, но сейчас зима, и у меня есть только травы, которые я высушила летом.

Ольгу охватила усталость, и она положила голову на руки, сидя за столом рядом с Вали и Бренной. Они пришли к ней, чтобы понять, что случилось с их городом.

Через четыре дня после солнцестояния уже более пятидесяти человек лежали на лежаках на полу большого зала, почти каждый — тяжело болен. Шестеро уже умерли.

В Карлсу пришла *чума*.

Якоб и Фрида были среди больных. И Бьярке тоже. До сих пор Ольга оставалась здоровой — или такой же, какой она была до того, как болезнь захватила город. Она, Дагмар и несколько служанок из зала ухаживали за больными.

Ольга никогда раньше не видела такого. Скорость, с которой развивалась болезнь, кашель, головная боль, потеря сознания — нет, такую болезнь Ольга не знала и не понимала, как с ней бороться.

Вали повернулся к Бренне.

— Вы с Сольвейг должны держаться подальше от дома. Насколько это возможно. Иди к Эсе.

— К провидице? Вали, нет!

Он обхватил руками ее лицо.

— Она живет достаточно далеко от города, но достаточно близко, чтобы я знал, что ты в безопасности. Все не так, как когда ты была девочкой, и ты это знаешь. Нужно уйти туда, где ты и наша дочь будете вдали от этой болезни.

— А ты? — в голосе Бренны звенела решимость.

— Я ярл. Ты знаешь, что я должен остаться.

Больше Бренна не протестовала, хотя Ольга видела муку в ее глазах. Она кормила дочь и не могла позволить себе заболеть, а потому ничем не могла помочь. Вали был прав — он не мог бросить свой народ. Он был хорошим ярлом и хорошим человеком. Если он заболеет, то умрет вместе с ними, но не оставит их.

Когда Вали и Бренна уже готовы были уходить, Ольга встала, чтобы проводить их до двери. Комната тяжело качнулась, и она упала обратно в кресло. Вали сразу присел рядом и положил свою огромную руку ей на щеку.

— Ты холодна. Это хорошо. Но ты себя неважно чувствуешь?

Она убрала его руку, положила к себе на колени и удержала там. Бренна подошла с другой стороны и смотрела на нее с суровым беспокойством.

— Я совсем не больна. Просто устала. Я не очень-то хорошо сплю, — она посмотрела на Бренну. — Тебе это известно. Но я не чувствую себя больной. Болезнь — в дыхании.

Она глубоко, ясно вздохнула и улыбнулась.

— Я не болею.

Бренн посмотрела на мужа.

— Вали, иди к моей матери и собери Сольвейг. Я скоро приду.

Вали перевел взгляд с одной женщины на другую, потом кивнул и встал.

— Не медли, — он поцеловал Ольгу в щеку, жену — в губы и ушел.

Когда он ушел, Бренна повернулась к Ольге.

— Когда Леиф был здесь, вы с ним спали?

Ольга моргнула, удивленная вопросом, но не его прямой. Бренна всегда была прямолинейной. Когда она попыталась решить, сколько рассказать подруге, ее осенило понимание.

— Бренна, нет. Я не могу быть беременна. Я... я не могу иметь детей. Ты это знаешь, — за время своей дружбы они часто и откровенно говорили о своей жизни. Никто не знал Ольгу так хорошо, как Бренна.

— А ты уверена, что это правда?

— Я не смогла понести с тех пор, как была беременна сыном. Много лет назад. Да, я уверена. Это все из-за... я чувствую грусть и усталость, а еще мне надо работать и ухаживать за больными. Я отдохну и вернусь в дом, и все будет хорошо.

Выражение лица Бренны смягчилось, она положила руку на плечо Ольги и нежно сжала.

— Но у Леифа было много детей от его жены. Семь детей. Возможно, его семя сильнее, чем у твоего мужа.

— Мы были вместе в Эстландии с момента нападения Ивана до самого... конца, и я не понесла. Я бесплодна.

Эта тема грызла сердце Ольги, и она хотела покончить с разговором поскорее.

Но Бренна упорствовала.

— У тебя была кровь?

Да, крови не было, но у нее все шло вразнобой с тех пор, как пришла зима. Мысль была одновременно и заманчивой, и сокрушительно болезненной, но это было невозможно.

— Нет, Бренна. Мое чрево мертво. В нем ничего не может расти. Я целительница и повитуха, и я знаю.

Бренна убрала руку с ее плеча, наклонилась вперед и положила руку на живот.

— Тогда, наверное, тебя надуло воздухом, мой друг. Потому что ты не ешь, но у тебя вырос живот. Ты должна пойти со мной к Оили. Здесь слишком опасно для тебя.

Ольга оттолкнула руку Бренны и положила обе руки на живот. Да, он стал чуть больше, но она могла назвать несколько причин, гораздо более вероятных, чем беременность.

— Нет. Ты ошибаешься, и я нужна здесь.

Две женщины долго смотрели друг на друга, пока Бренна не кивнула.

— Ну, хорошо. Если ты точно уверена.

— Уверена.

~oOo~

Фрида и Якоб лежали рядом друг с другом на полу длинного дома. Ольга опустилась на колени между ними и влила несколько капель нового лекарства в рот Якоба. Губы юноши стали совсем синими и сухими.

Со дня солнцестояния прошло больше недели. Умерших было уже около тридцати, и почти сотня болела. Якоб, один из первых заболевших, пока был жив.

Но ему осталось недолго, Ольга знала. Кожа приобрела ровный серый оттенок и стала холодной, а глаза, которые он не открывал вот уже несколько дней, казались запавшими.

Его кашель стал слабее, но не потому, что он выздоравливал. Якоб потерял силы кашлять. Теперь, когда начинался приступ, он просто слабо кряхтел, пока кто-то не подбегал к нему и не переворачивал на бок.

Фрида начала лечиться раньше и сражалась изо всех сил. Она хрипела на подстилке рядом с мужем, из ее глаз и носа тек гной. В некоторых случаях от гноя глаза у больных вообще не могли открываться. Когда Ольга дала Якобу все, что было в ее силах, она повернулась, усадила Фриду и прижала голову девушки к плечу, чтобы вытереть гной.

В организме Фриды все еще бушевала лихорадка, но за последние десять дней Ольга заметила, что те, у кого был сильный жар, часто начинали выздоравливать, как будто жара сжигала чуму. Сначала заметив это, она подумала, что лихорадка проходит, но потом от жара умерли сразу четверо. Она не могла понять эту болезнь.

Каждый третий из заболевших выздоровел или выздоравливал, в том числе и Фрида. Но до сих пор почти каждый третий умирал — некоторые молниеносно, а другие долго, как Якоб. Остальные мучились, и она не могла сказать, какова их судьба. И каждый день приходили новые больные, вползали или оказывались принесены на носилках в большой зал. Болезнь косила город, как банда налетчиков.

Орм и Бьярке. Рикке и Эльфа, которые ухаживали за остальными. У них у всех теперь были подстилки в зале. Ханс был среди тех, кого смерть взяла быстро. Что бы это ни было, оно питалось слабыми и сильными, молодыми и старыми. Младенцами в пеленках.

Ольга, Дагмар и Холмфрид оставались на ногах, несмотря на время, которое они проводили среди больных. Вали, Ян и Георг были пока здоровы, несмотря на то, что хоронили тела.

Вали и некоторые из мужчин копали могилы глубоко в замерзшей земле, чтобы схоронить всех мертвых. И теперь они готовили ритуал кровавого жертвоприношения, прося милости богов. Ольга не стала вмешиваться в их дела и попыталась понять болезнь сама.

— Он меня оставляет, — выдохнула Фрида.

— Тише, *kullake*, тише.

Девушка покачала головой.

— Я чувствую. Я должна была позволить ему сделать мне ребенка.

Ольга закрыла глаза. С тех пор, как Бренна высказала свою идею неделей ранее, это не покидало ее разум. Она знала, что бесплодна, и мысль о том, что она может забеременеть, была не более чем новым страданием в коллекции уже имеющихся.

— Если бы у тебя внутри был ребенок, он бы тоже заболел.

Фрида закашляла, и Ольга поддержала ее и потеряла ее спину.

— Но я не собираюсь умирать. Я чувствую. Мое тело победило чуму, — она молчала, глядя на неподвижное тело своего молодого мужа. — А его — нет. И у меня не будет ничего от моего Яки.

— Тсс. Тсс, — Ольга гладила девушку по волосам, но не могла выразить словами печаль в сердце. — Тсс.

~oOo~

Якоб умер той же ночью, когда Ольга пошла к себе домой, чтобы сделать новую порцию бальзама от кашля. Когда она вернулась, Фрида лежала рядом с Якобом, держа его холодную руку, ее голова покоилась на его жесткой груди.

Вали сам вынес тело юноши, а Ольга последовала за ним. Фрида, все еще мучаясь в лихорадке, попыталась встать, но у нее не было сил. Так что Вали и Ольга, Ян и Георг постояли на краю могилы, в которую было опущено тело Якоба и двух других, которые умерли в тот же день.

Она потеряла еще одного брата. Еще одного мальчика, к которому относилась, как к сыну.

— Когда я вытащил его из моря, — вздохнул Вали, — мне помогли боги. Я думал, он создан для великих дел.

Ольга взяла его руку и сжала.

— У него была любовь и новый дом. Ты спас его для этого.

Яан наклонился к уху Ольги.

— Ты можешь сказать наши слова?

Она закрыла глаза. Когда появились слезы, она позволила им течь по щекам, и они оставили холодные следы на ее лице.

На языке их родины, срывающимся голосом произнося уже становящиеся непривычными слова, она сказала:

— Мы посылаем тебя в землю: нашего друга и брата, нашего сына, чтобы ты мог начать путь заново. Мы произносим твое имя, Якоб, и плачем по твоему телу, чтобы ты был готов к следующему повороту колеса. Пусть солнце согреет тебя, и земля удержит тебя, пока мир катится вперед. Пусть дух твой теперь будет свободен.

~oOo~

Через два дня у Фриды поднялась температура, и кашель стал утихать. Она была вялой и бледной, но Ольга понимала, что скорбь — это не болезнь, и знала, что если Фрида захочет, то выздоровеет. Ей было всего четырнадцать лет, и она уже стала вдовой, но дух ее был силен.

Когда в тот же день Ольга увидела, что она сидит и ласково разговаривает со старухой, лежащей рядом с ней, она поняла это с уверенностью. Фрида выздоровеет.

Больные стабильно приходили в зал, но теперь их было не более двух или трех человек в день. Но смерть косила людей широкой косой и забирала по десятку человек каждые сутки.

Вали принес в жертву быка, прося своих богов увести болезнь из города.

Ольга думала о лошади, которой он перерезал горло перед отплытием из Эстландии. Прекрасная золотая кобыла Бренны. Жертва богам.

Их путешествие было нелегким, но метание морей все-таки привело их сюда, домой, где Вали ждала готовая помочь армия.

Возможно, на небесах и в море были боги. Возможно, кровь этого быка каким-то образом успокоила бы их и принесла бы народу Карлсы спасение от чумы.

Ольга накрыла глаза лихорадящего ребенка прохладной тряпочкой. Она встала и наклонилась, чтобы поднять миску с водой, и вдруг почувствовала что-то внутри, какой-то трепет. Быстро выпрямившись, она положила руку на живот. Как заметила Бренна, и как она сама, конечно, знала, ее живот чуть вырос. Это случилось раньше всего однажды, в те драгоценные месяцы, когда Ольга носила сына. И теперь... что-то внутри двигалось.

Может, Бренна была права? Она может быть беременна? Она должна знать. Это была ее работа — знать.

Ольга подумала о своем плохом самочувствии в последние месяцы, о своей тошноте и отсутствии аппетита. Она верила, что это признаки ее тоски, и так и могло бы быть. Но она пропустила кровь уже три раза. И живот начал расти. А теперь это движение. Это мог

быть спазм, не более. Каждый признак мог быть проявлением другой болезни. Но что они значили все вместе?

Годы бесплодия говорили, что это невозможно.

Но что бы она сказала женщине, которая пришла к ней за советом?

Она бы сказала, что если признаки сильны, истина ясна.

Она была беременна. Носила ребенка Леифа.

Ольга думала, что это невозможно, она была глуха и слепа к знамениям, отрицала их, и теперь ее уши и глаза открылись.

Ребенок Леифа. Ее ребенок. Ребенок.

Что это значит для них?

Это не имело никакого значения. Она носила ребенка, и впервые за много месяцев Ольга вдруг подумала о будущем.

Она была окружена смертельной болезнью, и несмотря на то, что не заболела, не могла рисковать. Ей придется сказать Дагмар, что она покинет зал.

В эти недели она хорошо обучила других уходу за больными. Она останется рядом, в своем доме, будет готовить бальзам от кашля и сможет помочь советом, но она больше не могла находиться в зале.

Ольга оглянулась в поисках матери Бренны, но вдруг почувствовала еще один трепет, на этот раз — в горле.

Она попыталась прочистить горло...

И не смогла перестать кашлять.

Глава 18

Леиф положил длинный меч на ребро ладони.

— Равновесие хорошее, — он подбросил тяжелый клинок и подхватил его. — Мне не нравится плетение на рукояти. Слишком мягкое.

Кузнец кивнул и забрал у него клинок.

— Ты бы предпочел, чтобы рукоятка была гладкой и отполированной?

Леиф кивнул.

— Как я и думал. Юный Даг, — кузнец указал на своего ученика, — решил, что новый меч ярла должен быть самым красивым. Он оплел рукоятку и даже хотел вырезать какой-то узор. Но я сказал ему, что это не твой стиль.

Улыбнувшись мальчику, Леиф сказал:

— Плетение — хорошая работа. Красивый клинок хорош для ритуалов и церемоний, мальчик. Но ярл должен носить такой же меч, как его люди. Это инструмент. Самый важный инструмент, который когда-либо был у человека, но инструмент. Если я забуду об этом, я не буду достоин владеть им.

Мальчик покраснел.

— Прости меня, ярл Леиф.

Хлопнув подмастерье по спине и кивнув кузнецу, Леиф покинул кузницу и продолжил свой путь к верфи.

Празднование солнцестояния закончилось, и город медленно приходил в себя после дней разгула. Еще стояла зима, но здесь, на Гетландском берегу, снег не был таким глубоким, и уже бежали ручьи. Каждый день приносил все больше солнца.

На верфи работали всю, чтобы подготовиться к летнему набегу. Планы на этот поход занимали разум Леифа и держали тело в тонусе, и это было хорошо. В тихой темноте ночи, один в своей комнате, Леиф чувствовал внутри грызущую пустоту. Он чувствовал, что становится замкнутым, что чувство вины зажигает в нем гнев — и все потому, что он не прощен, не понят теми, кого любил больше всего. Леиф знал, что если он позволит этим темным чувствам вцепиться в него когтями, он станет тем, кем не хотел

бы быть.

Астрид говорила, что он должен найти жену. Ему нужны были живые наследники, настаивала она, и ему нужно было общение, а если его не хочет Ольга, значит, надо найти того, кто захочет.

К счастью, она не предлагала себя в роли жены. Леиф сблизился с Астрид; тем более что он стал ярлом Гетланда, а она — его правой рукой, и он восхищался ею и предпочитал ее компанию любому другому в городе. Но она была вспыльчивой и быстрой в бою, лезла вперед с оружием и была остра на язык, и Леиф считал, что мужчине, с которым она решит связать судьбу, потребуется большая сила духа и настойчивость.

Леиф не собирался жениться снова. Да, однажды он женился без любви, и ему посчастливилось потом полюбить жену, но теперь он любил Ольгу и знал, что не может отдать сердцу никому другому. Или она, или никто, а она не хотела его. Кроме того, Ольга не могла дать ему детей, поэтому о наследниках речь не шла в любом случае. Если он все еще будет ярлом, когда умрет, люди Гетланда смогут выбрать ему замену сами.

Дом судостроителя был самым большим зданием в городе, если не считать ратуши. Гримувльв и пятеро его учеников заканчивали работу над первым из двух кораблей, которые повезут их на запад. Леиф надеялся, что на севере, в Карсле, строители Вали сейчас занимаются тем же.

Две большие огненных ямы нагревали воздух в помещении, рабочие сновали по почти завершеному корпусу массивного нового корабля. Чуть поодаль жена Гримувльва и несколько горожан работали над парусом, выкрашенным в цвета Леифа: черный и белый. Он выбрал их для контраста. Самый темный цвет и самый светлый.

Жена Гримувльва долго смотрела на него, когда он выбрал цвета; очевидно, черный был одним из самых сложных красителей. Но Леиф был настроен решительно. При ближайшем рассмотрении цвет казался, скорее, глубоким серым, но море выцветило бы ткань, и Леиф был удовлетворен.

— Как продвигается работа? — спросил он, когда Гримувльв спустился с корабля.

Тот почесал голову.

— Мы не будем уверены, что все нормально, пока не спустим судно в море, но я пока не вижу никаких проблем. Где-то через две недели мы будем готовы приступить к следующему.

Гримувльв был меланхоличен и не особенно разбрасывался обещаниями, так что его утверждение о том, что проблем пока нет, можно было смело принимать на веру.

— Отлично. По расписанию, да?

— Точно. Идем.

Он направился к столу, на котором тяжелая парусина была накинута на какой-то странный предмет.

— Я работаю над этим ночью, — он убрал драпировку, чтобы обнажить большой бюст дракона со сложной резьбой на морде и теле. — У меня есть задумка и для другого корабля. Ты не спрашивал, но на таких больших кораблях, как эти, должен быть какой-то великий зверь.

Леиф провел рукой по резьбе. Дракон ревел, голова была откинута, большие зубы — обнажены.

— Невероятно. Благодарю тебя, друг мой.

Гримувльв просто кивнул и потянул парусину обратно, и Леифу пришлось убраться руку.

~oOo~

Когда он вышел из дома, его встретила Астрид.

— Ну, что думаешь? — скрестив на груди руки, спросила она.

Леиф усмехнулся.

— У нас будут великолепные корабли. Какие у тебя новости? — он направился к дому, и Астрид зашагала рядом.

— В зале посланник, хочет поговорить с тобой лично. Прискакал верхом.

— Верхом?

Хотя путешествие по суше было гораздо медленнее, зимой это был самый безопасный путь. Ледяные ветры, дувшие с севера, мотали корабли по воде, да и море замерзало на сотни шагов от берега.

— Откуда он?

— Он не хотел говорить. Сказал, будет говорить только с тобой. Но он въехал в город с севера.

Карсла был далеко на севере, и чтобы добраться оттуда, нужно было пересечь владения двух ярлов. Путешествие по суше, даже если менять коней, заняло бы почти две недели, если не больше, в плохую погоду. Только что-то важное могло заставить всадника пуститься в такой путь. Скорее всего, это послание ярлов Финна или Ивара. Даже если бы посланник прибыл из Карлсы, вероятно, весть была от Вали. Какие-то неприятности или перемена планов? Но это не могла быть Ольга. У нее не было желания ни видеть его, ни сообщать ему новости о себе.

Но сердце Леифа е забилось. Он прибавил шагу, двигаясь так быстро в сторону дома, что Астрид была вынуждена почти бежать.

Оказавшись там, он сразу же увидел всадника, сидящего у очага все еще в одежде, с чашкой меда и тарелкой горячей пищи. Когда Леиф подошел к нему, мужчина встал и склонил голову.

— Ярл Леиф.

— У тебя есть сообщение?

— Есть, ярл. Я Эрик из Дофрарара. Я несу послание от Вали, ярла Карлсы.

Странная смесь облегчения и разочарования затопила Леифа. Он был прав. Ольга не передала бы ему никакого послания, конечно, нет. Видимо, Вали решил отказаться от похода. Не в силах сдержаться, он вздохнул.

— В чем дело?

— У меня лишь пять слов, мне их передал предыдущий гонец. Послание таково: «Приезжай немедленно. Ты нужен ей».

~oOo~

Он отправился в путь в тот же день. Это почти сводило его с ума; Леиф предпочитал путешествия по морю, а езда на большие расстояния занимала слишком много времени. Но у него не было выбора. Море было бы слишком коварным для путешествия так далеко на север, и они наверняка столкнулись бы с сильным встречным ветром. На коне он мог двигаться в одиночку — но все же взял с собой Ульва по настоянию Астрид — и найти убежище, если начнется буря.

Ульв ехал с ним, и они каждый день загоняли скакунов до изнеможения, часто меняли лошадей, редко спали и ели. И все же, прошло целых две недели, прежде чем они добрались до Карлсы. Почти месяц с тех пор, как Вали отправил сообщение.

Послание было невыносимо расплывчатым. Такими были все сообщения; им приходилось пройти путь по множеству ртов и ушей, и поэтому они должны были быть короткими, чтобы смысл нельзя было неправильно истолковать. Эти уши и рты сами слышали послание, а значит, говорить что-то важное тоже было нельзя. Леифа грызли мысли. Что за необходимость могла возникнуть у Ольги, что сам Вали отправил за ним гонца?

А затем они стали слышать новости о Карлсе, и беспокойство стало таким сильным, что буквально придавливало его к земле.

Еще севернее — и ему стали рассказывать о смерти. Они уже скакали через владения

Ивара, прилегающие к землям Вали, и буквально каждый встретившийся убеждал их повернуть назад.

Карлса была охвачена чумой. У всех были разные сведения о числе больных и умерших, но с каждым разом цифры росли, и у каждого была своя история. Завидев Карлсу, Леиф и Ульв почти ожидали наткнуться на горы мертвых тел — и пустоту.

Ольга была их целительницей. Вали передал, что ей нужен Леиф. Это могло значить только одно. Она заболела.

И почти месяц прошел с момента отправки послания. Леиф провел последние дни путешествия, готовясь принять мысль о ее смерти.

Недалеко от самого города они наткнулись на большую открытую могилу и два снежных кургана рядом с ней, которые, как Леиф знал, были тоже могилами, только уже зарытыми

А что если Ольга уже в земле? Сердце Леифа тяжело сжалось при этой мысли.

Ульв остановил лошадь.

— Леиф. Если мы войдем в город, нам нельзя будет выехать из него.

Так и было. Даже если они сами не заболеют, они могут принести болезнь с собой, когда уйдут. Им придется остаться, пока чума не пройдет. Леиф повернулся к своему другу.

— Ты прав, друг. Ты должен повернуть назад. Возвращаемся в дом, где нас кормили в последний раз. Мы переночуем, а потом ты вернешься в Хальсгрóf и попросишь ярла Ивара приютить тебя.

Ульв несколько мгновений изучал его взглядом, затем покачал головой.

— Нет. Я с тобой. Я только хотел, чтобы то, что случится, было сказано вслух.

Эйк разочаровался в Ульве, в своем спокойном, заботливом сыне, но на самом деле он был лучшим среди бывших наследников ярла. Леиф кивнул, и они тронули лошадей, чтобы проделать этот последний отрезок долгого путешествия.

Вали встретил их у городских ворот. Он выглядел изможденным — не больным, но измученным и полным печали. Он удивленно взглянул на Ульва, а затем повернулся к Леифу.

— Я рад, что ты прибыл, — но он держался на расстоянии и не сделал шага, чтобы его обнять.

Обрадовавшись тому, что Вали не стал все усложнять, Леиф задал единственный волновавший его вопрос:

— Она... — и не мог произнести ни слова.

— Она тяжело больна, но еще жива. Прежде чем я отведу тебя к ней, надо поговорить. Тебе многое нужно знать.

Он проделал такой путь вовсе не затем, чтобы снова слышать обвинения.

— Нет. Когда я ее увижу, тогда и поговорим.

Вали улыбнулся, но в его улыбке не было веселья.

— Я не спрашиваю. Пойдем со мной, или я вообще не позволю тебе ее увидеть. Мы едем туда, где пока нет заразы.

Не говоря больше ни слова, Вали развернул своего черного коня и направился к лесу.

Они скакали, пока Карлса снова не исчезла из виду, и Леиф подумал, что еще немного — и он озвереет. Каждая мышца в его теле сжалась, и намерение у него было только одно — они остановятся, и он даст выход своей ярости.

Что он и сделал, как только они спешили перед небольшой хижиной. Он ударил Вали в лицо так сильно, что тот упал в снег. Леиф был готов защищаться, Ульв рядом с ним схватился за меч, но Вали только поднялся и вытер кровь с губ.

— Возможно, я заслужил это. Но второго шанса у тебя не будет. Иди. Бренна и Сольвейг ждут.

Удивленный реакцией на удар и словами Вали, Леиф наклонил голову.

— Ты не собираешься войти?

— Я вожусь с мертвецами каждый день. Я не буду рисковать женой и ребенком. Значит, Бренна и Сольвейг были по ту сторону двери.

— Как долго?

Лицо Вали исказила боль.

— Уже больше месяца.

И снова Вали и Бренна были разделены. Леиф вздохнул, спрашивая себя, а действительно ли боги благоволили к ним.

Дверь открылась, и на пороге появилась Бренна с Сольвейг на руках. Малышка увидела отца и наклонилась вперед, протянув руки:

— БА! БА!

— Здравствуй, мое солнышко, — Вали поморщился от боли и отступил назад, чтобы оказаться еще дальше.

Они застыли, рядом и все же вне досягаемости друг друга. Тоска между ними была настолько сильной, что воздух, казалось, потрескивал. Когда отец не взял ее на руки, Сольвейг заплакала, и Вали дернулся так, словно его снова ударили.

Бренна обернулась и передала свою дочь кому-то внутри, а затем повернулась к мужу.

— С тобой все хорошо?

— Да, — он показал на Леифа и Ульва. — Я привел гостя, на которого мы надеялись. Мы можем поговорить здесь?

Бренна кивнула и подошла к Леифу с поднятыми руками. И Вали сделал еще несколько шагов назад.

Леиф крепко и долго обнимал ее.

— Я рад, что ты в порядке, — прошептал он ей в волосы.

Она сделала шаг назад и улыбнулась ему.

— Вали скорее ударит меня, чем подпустит к себе или к городу. Я не собираюсь с ним драться. Я хочу, чтобы Сольвейг была в безопасности.

Повернувшись к женщине, державшей плачущую Сольвейг, она кивнула:

— Это Эса.

Леиф и пророчица кивнули друг другу.

— Здесь матери с грудничками и совсем маленькие дети, которых спасли от заразы, и беременные женщины, которые... успели понять, что к чему, пока не заразились.

Выражение лица Вали изменилось, когда он заговорил, и Леиф не смог его прочитать.

— Вы послали за мной давно, — сказал он. — Я приехал сразу же, но прошло уже несколько недель. Она так долго была больна?

Бренна взяла Леифа за руку.

— Нет. Она не была больна, когда мы послали за тобой. Она свалилась около недели назад.

— Я ничего не понимаю. В сообщении говорилось, что я ей нужен, — он посмотрел Бренне в глаза и был потрясен, увидев в них слезы. — Что? В чем дело?

Теперь ему ответил Вали.

— Она носит твоего ребенка, мой друг. Мы послали за тобой по этой причине.

Леиф слышал, как Вали назвал его другом, и если бы он говорил о чем-то другом, возможно, его бы это обрадовало. Это значило, что сердце Вали оттаивает, что он снова готов быть его другом. Но сказанное заставило его онеметь.

— Я не... она не может... как это может быть? — вопросов было так много. — Если она беременна, почему она не с остальными, почему не здесь?

— Она долго не знала, — сказала Бренна. — Когда я спросила ее, она сказала «нет». Она не верила, что это возможно, и не переставала помогать больным. Я думала, что она ошибается. Я волновалась. Я сказала Вали, и мы решили, что должны послать за тобой.

Она не знает.

Леиф понимал только одно.

— Мне нужно с ней увидеться. Больные лежат в зале?

Вали кивнул и шагнул к своей лошади.

— Да, но Ольга лежит в своем доме. Я отведу тебя к ней.

— Я знаю, где находится ее дом.

— И все же, я отведу тебя к ней.

Споры только замедляли его, и Леиф чувствовал, что его голова может лопнуть от них. Поэтому он кивнул в знак согласия.

Прежде чем Леиф успел сделать хоть шаг, Бренна снова его обняла.

— Это последний раз, когда мы можем быть рядом. Когда ты войдешь в город, Вали уже не пустит тебя сюда.

Наконец происходящее начало доходить до Леифа, и он повернулся к Ульву.

— Теперь мы расстаемся. Останься здесь. Если хочешь быть рядом, будь здесь. Если ты хочешь вернуться домой, я даю тебе разрешение уйти. Но у тебя нет причин рисковать. Ты здесь никого не знаешь.

Ульв фыркнул от оскорбления.

— Я знаю тебя. Ты мой ярл, и я здесь, чтобы быть с тобой. Я иду туда, куда идешь ты. Я могу пригодиться в городе.

Вали серьезно на него посмотрел.

— Или ты можешь заболеть и умереть за восемьсот миль от дома.

— Возможно. Я знаю свой долг. И помню клятву. Я не мой отец, Вали Грозовой Волк.

— Кажется, это правда, — Вали бросил на Леифа многозначительный взгляд, и тот понимающе кивнул. — Ну, если так, очень хорошо. Я уверен, что вы можете быть полезны.

~oOo~

По дороге в город Вали рассказал Леифу и Ульву, что за время болезни они потеряли более двухсот душ, и многие были еще больны. Половина населения города лежала в постелях, страдая, или умирала.

Но прошедшая неделя принесла только десять заболевших, и Вали считал это большим прогрессом. Он думал, что, возможно, они достигли конца своего испытания — начала его конца, по крайней мере. И все же должны были быть еще мертвые.

Якоб и Ханс были мертвы. Бьярке и Орм болели. Бьярке выздоравливал, но Орм был все еще тяжел, хоть и непонятно было, умрет он или выживет. Несколько стояли на пороге в другой мир.

Вали, Яан, Георг и Харальд казались неуязвимыми. Когда Леиф сказал об этом, Вали устало хмыкнул.

— Я бы сказал то же самое об Ольге еще недели две назад. Мы не можем понять эту болезнь. Она тоже не могла. Она никогда ничего подобного не видела.

— Как она, Вали? Только честно.

Вали придержал коня и повернулся к Леифу лицом.

— Она плохо. Она была без сознания несколько дней.

— А что насчет ребенка? — сердце Леифа снова сжалось.

— Я не знаю. Не понимаю. Но мать Бренны, Дагмар, и ученица Ольги, Фрида, теперь занимаются лечением. И они за ней ухаживают.

Леиф пустил коня галопом, оставив Вали и Ульва позади. Он знал, где искать свою Ольгу.

~oOo~

Он напугал Фриду, когда ворвался в дом, но она его сразу узнала, и выражение ее лица сменилось с испуганного на печальное и одновременно радостное. Не говоря ни слова, она наклонила голову в сторону двери в комнату, где стояла кровать Ольги. Леиф не терял времени зря. Он услышал, как Вали шагнул в дом позади него, но ему уже было все равно.

Коз и кур не было, и в комнате было смертельно тихо.

Только резкий хрип.

Только тяжелое дыхание.

Только она — на кровати, под одеялом, и ее длинные волосы, которые он так любил, разметались по постели. Ольга полулежала на высокой груди подушек, почти сидела.

Ее кожа была красной — ярко-красной, почти светящейся в свете свечей — и глаза, казалось, были закрыты какой-то гнойной коркой. Рот был открыт, и дыхание свистело в ее груди, движения которой были почти незаметны.

Если бы не звук, он бы и не понял, что она дышит.

И она умирала. Любой, кто видел ее, мог это сказать.

И еще любой мог увидеть небольшой, но явный бугорок ее живота. Их ребенок внутри больного и слабеющего тела. Любовь всей его жизни и его восьмое дитя на грани смерти.

Леиф спросил себя, что он сделал, чтобы заслужить такое презрение богов.

Он подошел к ней и присел у кровати. Зарывшись рукой в одеяло, он нашел ее горячую сухую кисть и сжал.

— Ольга. Я здесь и не собираюсь уходить. Я больше никогда от тебя не уйду. *Ma armastan sind.*

Он наклонился и приник долгим поцелуем к ее губам.

Глава 19

Ольга плыла сквозь туман из расплавленного железа. Она тонула. Туман заползал в ее легкие, мозг и кровь, наполнял ее собой. Другие ощущения и чувства были где-то вдалеке, искаженные болью и невыносимым жаром.

Иногда она ловила проблеск чего-то еще: прикосновения, звука или вкуса, и хотела удержать это, но оно исчезало, прежде чем она понимала, что именно слышит или чувствует. Иногда ей казалось, что она узнает звук любимого голоса или прикосновение губ к губам — но это не могло быть реальным, и она сразу забывала об этом.

Только о жаре и боли она не могла забыть.

~oOo~

Ольга проснулась в темноте, безжалостно черной, и ее первая мысль — первая, которую она сумела осознать за очень долго время, — состояла в том, что, оказывается, за краем смерти что-то есть. Она верила, что дух уходит вместе с телом, что тело уходит в землю, чтобы снова стать частью круга, обновляется и изменяется, но дух исчезает навсегда. И эта первая мысль — о том, что она умерла и очнулась в черной бездне, — испугала ее.

Затем Ольга почувствовала тяжесть на веках и поняла, что глаза ее закрыты и открыть их будет нелегко. А потом у нее появилась еще одна мысль: чума. Она заболела. Болезнь победила ее, она ела ее грудь, глаза и нос.

Ее грудь была тяжелой и какой-то раздавленной, и каждый вздох казался полным металлических осколков. Но она была в сознании и жива, и это значило, что она справилась — или сможет справиться.

Подняв руки, Ольга поднесла их к лицу — и это почти лишило ее всех сил. Она терла глаза, пока не смогла открыть их.

Комната, ее комната, была темной, но это была не тьма ночи. Свет проникал через закрытые ставни, и его было достаточно, чтобы она поняла, что за окном день.

Она была одна — нет, не была. Из передней комнаты доносились тихие голоса и знакомые звуки — кто-то садился есть. Когда она открыла рот и попыталась заговорить, у нее не вышло. Она не смогла даже дышать.

Ольга попыталась снова, и тут ее охватил кашель, и боль в груди стала такой сильной, что почти разорвала ее надвое. Она попыталась повернуться на бок, свернуться калачиком и найти какое-то облегчение, но сил не было. И ей оставалось только лежать и кашлять, беспомощно мучаясь от боли и бессилия.

А потом вокруг нее оказались люди, и Ольга увидела в дверях того, кого не ожидала увидеть.

Ее золотой гигант. Леиф был здесь.

Он встретил ее взгляд и широко улыбнулся, хотя лоб и прорезала беспокойная морщина.

— Ольга! — воскликнул он.

Без колебаний, словно делая это не в первый раз, он поднял ее с постели и притянул к своей груди, и хлопал по спине, пока она кашляла. Она почувствовала, как он коснулся ее лба губами.

Когда приступ, наконец, прошел, она осталась в его объятьях, и рука Леифа стала поглаживать ее по спине — ласково, нежно. Спустя несколько мгновений тишины он спросил ее:

— Ты со мной?

Ольге было больно, она была истощена и растеряна. Она не была уверена, о чем он ее спрашивал. О том, пришла ли она в себя? Была ли она рада его видеть? В любом случае, это не имело значения. Прямо сейчас она была рада его видеть и расплакалась бы, если бы у нее были силы. Что бы он ни имел в виду, ответ был один. Она кивнула.

Объятия Леифа стали крепче. Он аккуратно уложил Ольгу обратно на кровать, пригладил ее волосы и улыбнулся.

— Не могу выразить словами, как я рад видеть твои прекрасные глаза.

— Ты здесь, — попыталась сказать она, но голос не повиновался.

Он, казалось, понял ее.

— Я здесь. Я не оставлю тебя. Больше никогда, — он протянул руку и положил ее Ольге на живот. — Я люблю вас обоих.

Ольга подумала, что он говорит что-то странное, но тут туман снова наполнил ее голову, и она закрыла глаза.

~oOo~

Когда она проснулась снова, стояла ночь. Обжигающая боль все еще наполняла ее, но теперь она не пожирала ее, и разум уже понемногу очищался. Она помнила свое пробуждение — смутно, но помнила. И Леиф был здесь.

Она обвела взглядом темную комнату. Вокруг царила тьма, но лунного света, проникавшего через ставни, хватало, чтобы она смогла разглядеть очертания предметов.

И большое неподвижное тело на полу возле ее кровати. Леиф был *здесь*.

Она выпростала руку из-под одеяла и протянула ее, пока не смогла коснуться пальцами его волос. Леиф дернулся от ее прикосновения — видимо, он не спал — и сел.

Было слишком темно, чтобы разглядеть, но Ольга все же различила в темноте силуэт и бледный отблеск глаз. Она улыбнулась и попыталась позвать его по имени, но не смогла издать ни звука.

Леиф подвинулся к ней и положил ладонь на ее лоб.

— Жара нет. Слава богам. Ольга, ты со мной?

Вспомнив, что он уже спрашивал ее об этом, и все еще не имея понятия, о чем именно он спрашивает, она снова кивнула.

Леиф поднялся с пола и уселся рядом с ней, разглядывая. Потом наклонился к столику у кровати и налил в чашу воды. Помогая ей пить, он спросил ее, как она себя чувствует.

Ольга не могла ответить. Холодная вода смягчила горло, и она попыталась пожать плечами, но даже это движение причинило боль.

— Прости. Я так рад, что ты пришла в себя и выздоравливаешь. Ты была очень больна, Ольга.

Она кивнула; она знала. Ее разум уже стал достаточно ясным, чтобы она могла осознавать происходящее, и теперь она вспоминала многое, что слышала в тумане — и многому удивлялась. Но пока не могла найти ответы на вопросы.

После момента тишины Леиф положил руку на ее живот, и тут из тумана пришло еще одно знание. Она носила ребенка. По крайней мере, до того, как заболела. Ее руки тоже коснулись живота, и Леиф чуть отодвинулся, дав ей место. Обнаружив под рукой знакомую выпуклость, Ольга выдохнула с облегчением.

Он накрыл ее руку своей.

— С ребенком все хорошо? Ты можешь сказать?

Она припомнила легкие шевеления, но как давно это было? Она не помнила. Ольга попробовала прислушаться, задержала дыхание на несколько ударов сердца, но ощутила только тянущую боль в груди и острую — в глазах и в горле. Она покачала головой.

Так много вопросов теснилось в ее голове. Она не знала, жив ее ребенок, все ли с ним хорошо. Не знала, откуда взялся Леиф и как долго он здесь, хотя понимала, что спросить об этом лучше у Вали и Бренны. Она не знала, что это значит для них, для нее. Она не знала, может ли это изменить то, что случилось между ними.

Она не знала даже, где находится: у себя или в длинном доме ярла. Она не знала, сколько еще больных, сколько уже умерло, близок ли конец. Она не знала, живы ли Вали, Бренна, другие ее друзья. Она не знала, не могла спросить и снова чувствовала себя усталой — слишком усталой, чтобы разбираться с этим.

Все, что она знала, — это то, что будет жить и что Леиф теперь рядом, держит ее руку.

~oOo~

Дагмар протянула ей ночную одежду из розово-рассветного шелка, которую Ольга сшила себе вечность назад. Она покачала головой, но мать Бренны не обратила внимания на ее отказ. Дагмар накинула рубашку Ольге на голову и держала ее так, пока та не подняла руки, чтобы продеть в рукава.

— Он не отходил от тебя ни на шаг. Сегодня в первый раз за все время Леиф вышел из твоего дома.

Прошла неделя с тех пор, как Ольга пришла в себя. Она еще чувствовала себя не очень хорошо, но каждый день прибавлял ей сил. Но пока она не могла говорить. Дыхание отнимало слишком много сил.

Сегодня Дагмар помогла ей помыться. Не в ванне, но все же теплой водой и губкой. Ольга смыла со своего тела грязь и пот. Она стеснялась раздеваться при Леифе, и Дагмар выпроводила его вон.

Раздевшись, Ольга долго смотрела на свой живот. Он казался больше. Не намного, но она могла заметить разницу.

И еще она чувствовала шевеления ребенка. Он или она — дитя все еще было живо внутри нее, и каждый день шевелилось внутри.

Леиф был с ней, когда Ольга почувствовала шевеления — первые после болезни.

Жестами она показала ему, что происходит, и он поцеловал ее живот и прижался к нему щекой, мокрой от слез.

Ольга не чувствовала злости к Леифу — и была растеряна. Он предал ее, он причинил ей боль, и она потеряла все из-за того, что он оставил ее. Она отослала его прочь, потому что не могла простить и доверять, и провела месяцы и месяцы, покинутая и одинокая.

Но теперь все это словно было не важно. А ведь должно быть, и каждый день Ольга говорила себе, что это будет важно, когда она полностью выздоровеет и станет сильнее. Но она выздоравливала и становилась сильнее, а ничего не менялось.

Она любила его, это без сомнения, но не знала, доверяет ли. Может ли? Прошлого не изменить. Ее потери не восполнить. Ее мучения — они по-прежнему были с ней.

Может, это ребенок менял ее, тянул ее к ней, тянул родителей друг к другу.

Дагмар унесла таз и губку прочь, и Ольга слышала, как она ходит в передней дома. Запах мяса, жарящегося на огне, наполнил дом. В животе у нее заурчало — и тут же ребенок пошевелился. Ольга улыбнулась и положила руку на живот. Она не могла ощутить движение рукой, но ощущала его внутри, безошибочно.

Дагмар вернулась, держал в руке Ольгин гребень — украшенный узором кусок дерева, подарок Якоба, — и уселась рядом, чтобы расчесать ее густые волосы.

— Фрида скоро придет тебя навестить, заглянет вечером. У нас еще восемнадцать больных в доме, большая часть идет на поправку. Новых больных нет вот уже три дня. Она спит целыми ночами. Правда, скоро ей не придется спать в доме мужа. Дом Амунда больше не ее дом. Ей придется найти себе новое место.

Дагмар красноречиво посмотрела на Ольгу, но той не нужны были намеки. Она будет рада видеть Фриду у себя снова.

Она легко постучала себя по груди и указала на пол.

— Ей стоит прийти сюда, — прошептала Ольга с трудом.

Дагмар улыбнулась.

— Думаю, Фриде будет лучше в доме лекаря. У нее настоящий талант, хоть она и молода. Ты хорошо ее обучила.

Ольга подумала, что чума обучила ее лучше — куда лучше, чем мог бы обучить самый опытный целитель.

Открылась дверь, и а комнату вошел Леиф. Он огляделся вокруг и закрыл за собой дверь, замерев на пороге.

— Не заплетай. Пожалуйста, — он имел в виду волосы.

Дагмар убрала руки от волос Ольги и поднялась.

— Проверю мясо. Фрида захочет поесть, когда придет.

Леиф отступил, позволяя ей пройти, а потом подошел к кровати и уселся рядом с Ольгой.

— Ты выглядишь хорошо. Ты прекрасна.

Ее щеки загорелись от ласковых слов, и Ольга улыбнулась.

Леиф провел пальцами по ее плечу, и ее глаза закрылись от чувственного ощущения.

— Красиво. Тебе идет. Необычно.

Она покраснела сильнее.

— Шелк, — прошептала она. — Торговцы.

Леиф кивнул.

Конечно же, он знал о торговцах и шелке, пусть даже для нее это и было диковинкой.

Она почувствовала себя глупо. Но его пальцы скользили по ее плечу, и она отдалась этому притягательному ощущению — и не смогла заставить себя обидеться. Подушечки его пальцев поглаживали ткань, скользя по плечу и ниже, а потом поднялись выше и скользнули по ключицам — по одной, по другой, так, как Леиф часто делал раньше.

Его брови нахмурились, в глазах блеснуло желание.

Ольге пришлось остановить его, когда ее ощущения стали слишком сильными. Их взгляды встретились, и она увидела в них вину — но не то мучительное чувство сожаления, которое было в них в тот его последний визит. Это была вина, смешанная с похотью. Он хотел ее.

— Прости, — голос его был низким и хриплым. — Я не хочу давить. Я знаю, ты еще не выздоровела. Я просто счастлив, что тебе по душе мое присутствие. Я скучал по тебе, любовь моя. Ты со мной?

Все еще не совсем понимая, она кивнула.

Он улыбнулся и наклонился к ней, высвобождая руки из ее хватки так, чтобы запустить пальцы в ее волосы. Леиф целовал ее — нежно, едва ли скользя губами по ее губам. Когда их языки встретились, Ольга почувствовала, что плывет.

Не важно. Прошлое не важно. Она была жива. Рядом с ней был Леиф. Она носила ребенка — этого шанса у нее могло бы и не быть. Мужчина, которого она любила, был рядом, целовал ее, говорил, что любит. У них был общий ребенок — он связывал их навеки. Прошлое не важно. Он был рядом с ней. Она была рядом с ним.

Но верит ли она ему? Не пожалеет ли, если поверит?

Она не знала. Но она это узнает. Не сейчас, так потом.

~oOo~

— Ты собираешься возвращаться к Гетланд? Ты ярл.

Голос Ольги был слабым и хриплым, но она, наконец, могла говорить так, чтобы ее слышали — если не требовалось говорить громко.

Прошла еще неделя, и чума, спустя два месяца, наконец, отступила из Карлсы, разжав свои ядовитые клещи. Ольга была среди тех, кто еще оставался в постели, но в городе не осталось по-настоящему больных.

Умерших было триста девяносто семь. Карлса потеряла почти половину людей.

Когда она задала вопрос, Леиф, который сидел у огня, грея руки, поднялся и повернулся к ней, хмуря брови.

— Пока Гетланд в руках Астрид. Я же сказал тебе, что не оставлю тебя снова. Я останусь, пока ты не выздоровеешь настолько, что сможешь уплыть со мной.

Облегчение от его присутствия не переставало удивлять Ольгу. Она пыталась снова и снова найти предел своим чувствам, но не могла. Она заставила себя вспомнить те ужасные дни в Эстландии после его предательства — но даже тогда гнев не вернулся. Печаль была там, боль была там, но не гнев. Конечно, он вернется — он должен был вернуться и застать ее врасплох, но пока она чувствовала себя спокойно.

И это было трудно. Он был здесь, заботился о ней, любил ее — открыто, впервые за все время. Бренна и Сольвейг вернулись, и город начал трудный путь восстановления, и Вали и Леиф, казалось, помирились. Ольга чувствовала себя счастливой, исцеленной. А не должна была.

И теперь, когда у нее был ее голос, она могла высказать то, что хотела.

— Ты говоришь, я поплыву с тобой? Но я теперь живу в Карлсе. Это мой дом.

Леиф отошел от огня и уселся за стол.

— Ты носишь моего ребенка. Я люблю тебя. Ты знаешь мое желание — я хочу взять тебя своей женой.

— А мое желание не в счет? Снова?

Леиф нахмурился и отвел взгляд.

— Конечно, в счет. Всегда было. У нас будет ребенок. Ты не хочешь растить его вместе со мной?

Конечно, она хотела. Очень.

— Я не хочу, чтобы мы женились из-за ребенка.

Он повернулся и посмотрел ей в глаза.

— Ты знаешь, что я хочу жениться на тебе не поэтому. Ты не видишь другой причины?

Она видела много причин, но все же среди них была одна, которая сдерживала ее.

— Я боюсь.

Ольга опустила глаза, но он поймал ее подбородок рукой и заставил посмотреть на себя.

— Чего?

— Что это ошибка — снова доверять тебе.

Леиф убрал руки так быстро, что ее голова качнулась. Они сидели там, в тишине, и Ольга спросила себя, не ошибка ли это — давить на него. Или все же ошибка — доверять?

Это важно? По крайней мере, теперь, это не имело значения. То, что она чувствовала сейчас, видя, как он сидит за столом и смотрит на свои сжатые кулаки, было отчаянием. Она хотела оказаться рядом, в его объятьях, сказать ему, что любит и что, конечно же, выйдет за него замуж, и что они будут жить в Гетланде и будут растить ребенка, и будут счастливы...

Но если прошлое снова встанет между ними? Она надеялась, что нет. Но не могла быть уверена.

Наконец Леиф разбил тишину. Все еще глядя на свои кулаки, он сказал:

— Я всегда буду сожалеть о боли, которую причинил тебе в Эстландии. Зная, что случилось потом — о, это будет мучить меня всегда. Но время искупления прошло, Ольга. Я говорил, что не предавал вас. Ни Вали, ни тебя, ни моих друзей. Я нарушил клятву, данную Эйку, и за это прощения я не прошу. Это было правильно. Я сделал то, что сделал, и это было правильно. Да, были ошибки. Я не мог предвидеть всего. Другие, может, и сделали бы что-то иначе.

Леиф повернулся и посмотрел прямо на Ольгу.

— Но я не предавал тебя. Я объяснил все уже много раз, и теперь объяснений хватит. Ты можешь верить мне или нет. Выбор за тобой. Но ты права. Мы не должны жениться из-за ребенка. Мы должны стать мужем и женой, потому что любим друг друга и хотим прожить остаток жизни вместе. Вот, чего я хочу. Если это не совпадает с тем, чего хочешь ты — так и быть. Если ты хочешь, чтобы я уехал без тебя, я уеду.

Взяв руку Ольги в свою, он поднес ее к губам.

— А теперь мне нужно подумать. Я буду рядом.

Схватив тяжелую шкуру с крюка на стене, он открыл дверь и вышел в метель.

Впервые с момента, как она очнулась после болезни, Ольга была одна.

Глава 20

Сквозь метель Леиф пробрался в большой зал, который, наконец, снова стал просто местом, где люди могли встречаться друг с другом. Последние из заболевших были отосланы по домам несколько дней назад. Чума прошла.

Леиф и Ульв провели в Карлсе уже месяц, но не заболели. Он провел почти две недели у постели Ольги прежде, чем она проснулась, чтобы она знала, что он рядом, и потом еще две недели рядом с ней, помогая ей выздороветь. Они были так близки в эти две недели — так же, как раньше. Он знал, что это так. Он чувствовал, что ей нравится его присутствие, нравится его поддержка. Она любила его, как и раньше.

И в тот день, когда голос, наконец, вернулся к ней, она снова попыталась вернуть его во тьму тех дней, которые они провели по отдельности.

Нет. Несмотря на то, что он сказал Ольге, что покинет Карлсу без нее, если она захочет, делать этого Леиф не собирался. Он любил ее, она любила его — он знал это. Она носила его ребенка. *Его ребенка*. Они были семьей, хотела она или нет, и он не собирался бросать их.

Пробираясь сквозь сбивающий с ног ветер и глубокий снег, он позволил мыслям стать такими же злыми и колючими, как метель. Леиф говорил себе, что готов связать ее и увезти, как пленницу, если она откажется идти по-доброму.

Войдя в зал, он дернул на себя дверь, закрывая, и ветер и злость заставили ее захлопнуться с такой силой, что мечи и щиты, висящие на стене, зазвенели. Все в зале замерли и уставились на него, но он лишь посмотрел в ответ.

Вали сидел во главе стола с Бьярке, Ормом, Яаном и Ульвом, и Леиф знал, что ему надлежит присоединиться и послушать, о чем они говорят. Но он не хотел говорить о походе — он был просто невозможен, теперь, когда Карлса перенесла опустошающую болезнь. Леиф не был в настроении. Он оставил Ольгу одну.

Она сейчас уже была близка к выздоровлению, но он не оставлял ее одну до сих пор и намеревался вернуться сразу же, как остынет. А разговор с мужчинами вряд ли поможет остыть.

Бренна и какая-то незнакомая ему женщина сидели на полу, играя с Сольвейг и другой девочкой ее возраста. Он подошел к ним. Бренна и ее дочь только два дня как вернулись в город.

Он опустился на колени на шкуре, раскинутой на полу, и Сольвейг тут же поползла к нему. Она уперлась ручками в колени Леифа и поднялась на ноги, широко улыбаясь и показывая первые зубы. Она была такой доверчивой и дружелюбной.

— Привет, красавица, — сказал Леиф, ловя рукой кудрявую светлую прядку ее волос.

Сольвейг подобралась еще ближе и протянула руку, цепляя его за волосы. Леиф захныкал, словно от того, что она дернула его волосы. Сольвейг захихикала и снова потянула, и он снова хныкнул. Девочка отпустила волосы и захлопала в ладоши, и упала на попку, хохоча.

Нет, он не оставит Карлсу, если его женщина и ребенок будут здесь. Что бы ни пришлось ему для этого сделать, Ольга поедет с ним.

— Ты расстроен. С Ольгой все хорошо?

Услышав вопрос Бренны, Леиф понял, что слишком увлекся раздумьями. Он заставил себя вернуться в реальность и улыбнулся ей:

— Все хорошо, она с каждым днем все сильнее. Я не расстроен.

Его друг скептически посмотрела на него и что-то буркнула себе под нос. У Бренны был такой талант — доносить свои мысли без слов.

— Нам с ней о многом нужно поговорить.

— Она тебя любит.

— Если бы это решало все.

— Это решит. Я знаю, любовь должна все решить. Ольга скоро станет матерью.

— Думаешь, тогда в ней прибавится любви ко мне?

— Я знаю, что это делает важным другие вещи. Не те, что были важны раньше. Это меняет все. И ты тоже это знаешь, так что дай ей время. Она все еще исцеляется, все еще приходит в себя.

Материнство точно изменило Бренну. Они знали друг друга много лет, и до самых последних событий она была одинокой, замкнутой и подозрительной молодой женщиной, которую боялись и почитали за ее глаз.

Леиф не думал, что она назовет его другом — несмотря на то, что они сражались вместе и знали друг друга так долго. Он тренировал ее, готовил к войнам. Но Бренна не позволяла себе ни с кем сблизиться.

До Вали. И теперь у нее была любовь и семья, и она очень изменилась.

Когда он познакомился с Ольгой, она была открытой и готовой прощать многое, несмотря на боль и трудности, которые терпела. Ее тело было хрупким, но дух оставался твердым, он помогал ей переживать бури, встречающиеся на пути, и оставаться

несломленной. Любовь к нему изменила ее, сделала ее подозрительной и лишила возможности прощать, сломала ее дух. Леиф очень хотел вернуть все, как было.

Если он свяжет ее и повезет в Гетланд силой, это вряд ли поможет.

Но он не собирался уезжать без нее. Не собирался.

— Мне нужно поговорить с твоим мужем.

Леиф поцеловал пушистую головку Сольвейг, сжал плечо Бренны, поднялся и направился к Вали.

~oOo~

Вали провел Леифа в личные покои, которые делил с женой и ребенком. Теперь, когда чума ушла, зал был убран и снова стал тем, чем был — местом встречи людей. Те, кто болел, жаловался и хотел поделиться тревогами, приходили сюда в любое время, и уединение стало настоящей наградой.

Две служанки, убиравшие комнату, вышли по знаку ярла.

— Если ты хочешь поговорить о политике или планах на рейд, мы можем обсудить их с остальными. Это личное, да? — спросил Вали, усаживаясь и жестом показывая Леифу на стул.

Леиф посмотрел в лицо своего друга.

— Мы снова друзья и я снова могу спросить у тебя совета?

— Не припомню, когда я давал тебе советы, — заметил Вали, прислоняясь к столу с дружеской усмешкой.

Леиф вернул ухмылку.

Они снова стали близки за те дни, что Леиф провел в Карлсе. В ту ночь, когда он прибыл и нашел Ольгу умирающей, без сознания лежащей в своей постели, Вали пришел в ее дом. Он посидел рядом с ней, а потом он и Леиф перешли в переднюю комнату и сели у огня. Говорили они мало, но Вали положил руку на его плечо и сжал, и Леиф неожиданно для себя уткнулся лицом в ладони и заплакал.

Они снова стали друзьями. Но никогда не говорили о том, что случилось и о том, почему они простили друг друга.

— Мы друзья, Леиф, мы друзья снова, — продолжил Вали. — В эти дни у меня было время подумать о том, что я могу принять и что я могу судить. С тех пор, как я нашел Бренну в Гетланде, я поверил, что ты намеревался помочь. Но теперь я понимаю, почему ты решил поступить именно так. Понимаю, что доверие это не доверие, если его не проверять. Я был неправ, когда оттолкнул тебя.

Леиф выдохнул в облегчении.

— Я надеюсь, Ольга поймет это.

— Она еще не поняла? Я думал, у вас все хорошо. Она выглядит такой счастливой рядом с тобой.

— Она не верит мне. Не хочет ехать со мной в Гетланд. Она носит моего ребенка, Вали, и я не оставляю ее, ни за что. Она должна поехать со мной. Вот, что за совет мне нужен.

Вали поднялся и подошел к столу, на котором стоял кувшин с медом. Наполнив чаши для них обоих, он подошел и протянул одну Леифу. Когда они выпили, он заговорил снова:

— Ей пришлось тяжело в Эстландии.

— Я знаю, — вздохнул Леиф. — Я не могу вернуть то, что случилось. У меня есть только слова, и мне больше нечего сказать.

— Может, ей нужно время?

— Так мне сказала и твоя жена, Вали. Я дам ей время, если это ей нужно, но мое пребывание в Карлсе, как ты понимаешь, имеет свою цену. Я верю Астрид всей душой, но чем дольше меня нет, тем слабее в Гетланде моя власть. Я не хочу, чтобы ей пришлось

воевать с теми, кто захочет оспорить мое место. Хватит и того, что я принесу новости о том, что похода не будет.

— Если бы мы могли, — пробормотал Вали. — Карлса опустошена, Леиф. Мы потеряли половину людей, и даже если мы закончим строить корабли, плыть некому. Но нам нужен поход. Два лета без рейдов уже нас ослабили.

Она говорили, много и часто, о том, что теперь будет. Леиф думал, что нашел решение. Если Вали не был готов говорить об Ольге, пока не решена проблема с походом, он решился высказать свое предложение наедине, до того, как озвучит его в зале.

— Пошли мужчин, которые захотят плыть, ко мне. Мы поплывем на юг из Гетланда на наших кораблях, а добычу поделим. А наш большой поход отложим на следующий год.

Вали наклонился вперед, предложение его заинтересовало.

— Это хорошее предложение. Спасибо. А ты поплывешь? Срок Ольги уже близок.

— Нет. Меня и так долго не было в этом году. Поход поведет Астрид, а я останусь в Гетланде и буду ждать, когда родится мой ребенок. Но сначала мне нужно, чтобы Ольга стала моей женой и поехала со мной домой. Вот почему я пришел посоветоваться с тобой. Ты переменял свое решение, Вали. Что мне сделать, чтобы и Ольга поняла? Чтобы она увидела, что мне можно доверять?

— Ты знаешь ответ. Ты не можешь *заставить* ее увидеть. Ты можешь только ждать, пока это случится. Я хорошо знаю Ольгу. Даже лучше тебя, если позволишь, — Леиф дернул плечом при этих словах, но промолчал; больно, но это было правдой. — Она изменилась из-за того, что случилось, может, стала жестче, но это Ольга. Она тебя любит. Ты и она связаны навсегда этим ребенком. Она увидит.

Леиф покачал головой, этого было недостаточно. Она отвернулась от него, несмотря на то, что любила. Если отвернется теперь, когда в ней растет его ребенок...

Нет. Он скорее откажется от Гетланда, чем от семьи. Он подождет.

~oOo~

Когда Леиф вернулся в дом Ольги после полудня, она не сидела за столом. Он нашел ее лежащей на постели лицом к стене. Обеспокоенный, Леиф поспешил к ней и опустился на край кровати. Отсутствовал он недолго, но если ей была нужна какая-то помощь, когда его не было, если она решила, что он бросил ее... он вздохнул.

— Ольга. Тебе плохо? — он положил руку ей на лоб, и она повернулась к нему с заплаканным лицом. — Что случилось, любовь моя?

Она взяла его за руку и прижалась к ладони щекой. Голос ее был хриплым, когда она пробормотала:

— Я... я боюсь.

Леиф отодвинул прочь разочарование и ответил, как мог, спокойно:

— Я знаю.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал.

Он убрал с ее лица выбившиеся пряди из косы волосы.

— А чего ты хочешь, Ольга?

— Я не хочу, чтобы ты уезжал.

Глубокий тяжелый вздох позволил ему справиться с досадой. Было бы неправдой сказать, что Леиф не чувствовал злости в этот момент, что не было в нем желания схватить ее за плечи, и встряхнуть, и рывкнуть, и *заставить* ее понять.

Досада мешала ему мыслить; видимо, он не успокоился после их разговора раньше. Но его и так долго не было.

— Я ходил в зал. Я сказал, что не покину Карлсу без тебя. Даже если ты не хочешь видеть меня, я останусь. Я буду любить и защищать тебя и ребенка до конца дней.

— Но ты правишь Гетландом. Ты должен вернуться.

— Если ты не поедешь со мной ко мне домой, значит, мой дом больше не в Гетланде.

Она свернулась калачиком у его груди, и Леиф притянул ее к себе на колени, чтобы обнять.

~oOo~

Ульву не терпелось вернуться обратно в Гетланд. Они путешествовали две недели, чтобы добраться до Карлсы, и пробыли в городе больше месяца. Чума прошла, и они могли возвращаться домой без страха заразить других людей.

Кроме всего прочего, зима тоже начала отступать. Солнце стало ярче, светило дольше. Снег и лед стали тоньше.

Ольга полностью восстановилась, но барьеры никуда не делись. Она не собиралась ехать с ним.

Леиф, Ульв и Вали стояли на пирсе и смотрели на море, на солнце, играющее на воде.

Настало время, когда Леиф должен был передать через Ульва весть о том, что место ярла Гетланда свободно.

Вали был более чем недоволен таким решением, как и сам Леиф. Карлсе был нужен союзник, сильное плечо, которое могло бы поддержать ее, пока она восстанавливалась. Решение Леифа остаться с Ольгой могло навредить и владению Вали тоже. Если ярлом станет враг, Карлса окажется в опасности.

Мужчины обсуждали это и так, и эдак, но Вали не пытался изменить решение Леифа. Он понимал, хоть и был очень обеспокоен. Леиф тоже переживал, но другого выхода не было. Он не мог снова оставить Ольгу. Он признавал, что в Эстландии ставил на первое место Вали и Бренну; но теперь они уже не могли быть первыми, хоть это и могло означать опасность для целого города... и для самой Ольги.

Он понимал, что рискует, но клятву нарушать не собирался.

— Если ты подождешь еще несколько дней или неделю, — предложил Вали, — море успокоится, и можно будет доплыть на корабле. В Гетланде ты будешь через несколько дней, а не через недели.

— У нас нет кораблей, — сказал Ульв. — И нам надо ехать.

— У нас есть судно, которое ты, Леиф, одолжил нам в наше последнее плавание из Гетланда. Когда вода станет безопасной, мы можем спустить его на воду. С тобой поплывут те, кто пойдет летом в поход из Гетланда. Как мы и говорили.

Ульв повернулся к ярлам.

— Говорили?

Он не знал, что Леиф не поплывет с ним в Гетланд, и Леиф пока не решался сказать. В любом случае, корабль, о котором он забыл, мог помочь выиграть время, а если времени не хватит, возможно, Ульву все же придется вернуться домой с вестью о том, что теперь каждый может претендовать на место Леифа.

— Мы поведем людей Карлсы в поход этим летом. Мы поделим добычу, чтобы Карлса могла восстановиться для похода на запад следующим летом.

Ульв молчал, глядя на море.

Леиф был его ярлом, и он устал от разговора.

— Ты остался, когда я сказал, что ты можешь уехать, Ульв. Теперь ты останешься, пока я не скажу это снова.

Леиф не часто использовал свою власть, но выдерживать осуждение двадцатилетнего щенка он не собирался.

Выражение лица парня изменилось с удивленного на упрямое и покорное в промежуток между двумя ударами сердца.

— Как пожелаешь. Ты мой ярл.

Да, он был ярлом. Пока.

~oOo~

Фрида снова жила у Ольги, и Леиф теперь не мог оставаться в доме. Теперь он спал в большом зале, но вскоре сможет занять свой собственный дом в Карлсе, если все же решит остаться. Он пока не был готов. Он все еще надеялся. Почти потерял надежду, но все же.

Несмотря на то, что спать в доме Ольги он больше не мог, навещал он ее каждый день. Он помогал ей по дому, они говорили о том, о сем. Он не давил на нее, не пытался заставить поверить. Она или поверит сама, или вообще не поверит, и если время выйдет, ему придется отправить Ульва в Гетланд с вестью о том, что он больше не ярл. Решение принято. Теперь только время имело значение.

Оставив Вали и Ульва на пирсе, Леиф направился в дом Ольги. Она и Фрида были заняты работой, сидели за столом, готовя какое-то снадобье.

Когда он вошел, Ольга хмуро и подозрительно на него посмотрела и отослала Фриду прочь. Ничего не понимая, Леиф просто стоял и ждал, пока девочка выйдет из дома. Та, проходя мимо, тоже посмотрела на него — так же подозрительно, как Ольга.

— Что случилось?

— Я видела тебя на пирсе с Вали и еще кем-то.

— Ульв.

Напряженный кивок дал понять, что Ольге все равно, кто это.

— Ты уплываешь.

— Что?

— Ты собираешься вернуться в Гетланд. *Jah?*

Гнев, тлеющий на задворках его сознания, в мгновение ока превратился в пламя, и Леиф шагнул вперед и движением руки смел со стола все, что там стояло. Ольга подскочила со стула и отступила назад, ее темные глаза стали большими от ужаса.

— Нет, я не собираюсь. Я уже сто раз сказал тебе, что не собираюсь уезжать без тебя. Если ты не поедешь со мной в Гетланд, я откажусь от него и останусь здесь. Я сделаю это для тебя, нужен я тебе или нет. *Я люблю тебя! Ты носишь моего ребенка! Ты всегда думаешь о том, что потеряла ты, но как насчет моих потерь? Я потерял семь детей! Как ты думаешь, смогу я отвернуться от этого ребенка или нет?*

Переполненный злостью, накопившейся в нем за месяцы, он ударил кулаками по столу, а потом замер, наклонившись, впиваясь пальцами в дерево. Дыхание его было тяжелым, волосы спадали по обеим сторонам лица.

— Я не уеду без тебя. Я жертвовал всем для тех, кого люблю. И для тебя пожертвую. Если тебе я не нужен, пусть. Но ты не будешь растить моего ребенка без меня. Я останусь с вами, чего бы мне это ни стоило.

Он посмотрел в ее прекрасное лицо, снова наполненное красками жизни, и гнев стал утихать.

— *Я не уеду без тебя.*

И не дав Ольге возможности сказать что-то в ответ, Леиф ушел.

~oOo~

Леиф собирался усесться у стены в длинном доме ярла и напиться до полусмерти. Он почти выбежал из дома Ольги, намереваясь сразу же приступить к выполнению плана. Слишком много гнева в нем было, слишком много мыслей, разрушающих его изнутри. Он готов был сделать все, чтобы не думать.

Люди в зале окидывали его взглядами, но не тревожили. Девушка, наполнявшая чашу, делала это насколько возможно быстро. Видимо, лицо отражало все его чувства.

Так что Леиф пил еще и еще.

Он сидел, уставившись в наполненную янтарным напитком чашу, когда край ярко-красного хангерока отвлек его взгляд. Это была Фрида, ее милое лицо было полно смущения.

Леиф просто смотрел на нее, и девушка кашлянула — не потому что болела, а просто чтобы прочистить горло, и сказала:

— Она послала за тобой.

Леиф горько рассмеялся.

— Ну, а я занят.

Он сказал Ольге, что не уедет из Карлсы без нее, но это не значило, что она имеет право ему приказывать.

— Я думаю, тебе лучше прийти, — сказала Фрида, развернувшись, чтобы идти прочь. Не дожидаясь ответа, она направилась к выходу.

~oOo~

Он последовал за Фридой так быстро, как только мог, успев поймать ее на входе в дом Ольги. Когда девушка повернулась, чтобы закрыть дверь, Леиф был в двух шагах от нее. Улыбнувшись, она пропустила его внутрь, а сама вышла из дома и направилась прочь.

Леиф вошел через открытую дверь. Ольга стояла у огня. Она переделалась и надела хангерок, которого он не видел раньше, с красивым шитьем у верха, как у женщин в Эстландии.

И она распустила волосы. Они спадали по ее плечам длинными густыми волнами. Леиф уставился на них, не в силах совладать с собой.

Вспомнив, наконец, зачем он пришел, он заговорил:

— Ты посылала за мной.

— Прости меня.

Он моргнул.

— Что?

Она подошла ближе, так осторожно, словно он мог укусить.

— Прости меня. Ты столько раз просил у меня прощения, а теперь пришла моя очередь. Пожалуйста, прости меня.

Ольга положила руки на его грудь, и только тут Леиф понял, что даже не оделся, выйдя из зала.

Он был растерян и немного пьян и убрал ее руки со своей груди.

— Я не понимаю.

Она опустила голову и заговорила, не глядя в его глаза.

— Ты сказал правду в прошлый раз. Я не думала о том, что ты потерял. Я лелеяла только свою печаль и осуждала тебя, но никогда не пыталась понять. Прости.

Леиф отпустил руки Ольги и обхватил ладонями ее лицо. Хорошо, что он выпил не так много медовухи. Он приподнял ее голову так, чтобы посмотреть ей в глаза.

— О чем ты говоришь?

Ольга покраснела, румянец окрасил ее щеки.

— Ты прав. Я люблю тебя. Сильно, — она опустила руки на живот. — У нас будет ребенок. Я знаю, чего хочу, но я была так напугана, что не могла этого принять. Я потеряла свой путь. Я пыталась найти его. Но у нас скоро будет ребенок, это шанс для нас обоих. Ребенку будет нужен тот, кто поведет его по жизни. Я хочу снова найти свой путь. Но я не найду его без тебя.

— Ольга, скажи прямо. Пожалуйста.

Она тяжело сглотнула, прежде чем заговорить снова.

— Я люблю тебя. Я ошибалась. Если ты хочешь быть со мной, я выйду за тебя и поеду с тобой в Гетланд как твоя жена. Мы будем растить ребенка вместе.

Облегчение и любовь распирали его грудь, но Леиф должен был спросить кое-что еще:

— Ты доверяешь мне?

Она подняла руки и обхватила ими его лицо.

— Доверие — это выбор. Я вижу это теперь. Да. Я доверяю тебе. Я выбираю доверие. Я выбираю тебя.

Леиф едва ли верил тому, что слышит. Месяцы и месяцы он находился в ловушке тоски по Ольге и острого сожаления, и теперь Ольга пришла и освободила его. Это не было легко, это не могло быть легко, но все же случилось — и у него было то, чего он хотел. Все, чего он хотел. И он едва ли верил в свое счастье.

— Ольга, я...

Прежде чем он смог найти слова, она спросила:

— Ты простишь меня?

Леиф все еще не мог говорить, так что просто притянул ее к себе и ответил поцелуем.

Глава 21

Им пришлось планировать две свадьбы: одну здесь, в Карлсе, через несколько дней после того, как Ольга дала свое согласие, и другую в Гетланде, где они должны были принести клятвы богам, и Леиф должен был дать ей меч. Она помнила, что когда женились Вали и Бренна, мечи тоже были.

В Карлсе, где жили последние из людей ее народа, ритуал был сделан по традициям Эстландии. Никто из мужчин не знал слов, так что Вали выучил их с Ольгиной помощью и готов был произнести их для нее и Леифа. Леиф женил их с Брэнной, так что было правильно, что Вали женил самого Леифа.

Леиф горел желанием вернуться домой, и Ольга не стала задерживать их еще дольше, чем уже задержала. Она покидала этот новый дом, полный людей, которых любила, но понимала, что ее настоящий дом и настоящее будущее — там, где Леиф. Она носила ребенка, чудо, подаренное богами Леифа, и хоть и не знала, кто именно их одарил, но была благодарна. Она была благословлена. Этот ребенок узнает любовь настоящего отца, а она узнает любовь настоящего мужчины.

Ольга снова верила ему, и снова отдала в его руки свое тело и дух, и решила забыть о боли и страхе. Она делала так раньше, в прошлой жизни, сможет и теперь. Ольга помнила бури и потери прошлого, но потеряв, всегда находила в себе силы идти дальше и вселять надежду в других людей.

Леифу пришлось проявить немало выдержки, чтобы оставаться с ней и оставить все то, что было для него важно, и его злое обвинение в том, что она думала только о себе — да, теперь Ольга видела, что он был прав. В своей боли она словно отвернулась от мира, и все, о чем она могла думать, были лишь ее собственные страдания.

Стоя в комнате, одна, глядя на дверь, которая захлопнулась за Леифом, Ольга поняла это как никогда ясно. И она собралась с силами и выбрала доверие — выбрала замужество, не позволяя страхам больше владеть своим сердцем.

Теперь, несколько дней спустя, в первый день весны, она стояла, ожидая, пока Фрида расчешет ее волосы, а Дагмар — расправит платье, и Бренна с Сольвейг на коленях смотрела на нее с радостью в глазах.

Она решила оставить волосы распущенными, как любил Леиф, но чувствовала себя из-за этого какой-то голой. Платье было простым; не было времени сшить что-то другое, да и живот вырос настолько, что на Ольгу теперь могла налезать только очень свободная

одежда. Для нее погода была еще прохладной, так что она надела поверх платья обычную светло-голубую шерстяную тунику с широкими рукавами и яркой вышивкой — она сама вышила узор несколько дней назад — на груди. Линия выреза — говоря о «голой» — была ниже, чем она думала; груди выступали вперед. Дагмар задрапировала ее кружевом, спускающимся по груди и спадающим на живот почти до самого пола.

В ее мире невеста была бы одета в белое, цвет единения и равновесия, но в этом мире цвет не имел значения. Ольга была теперь частью этого мира, и выбрала голубое — потому что это был цвет спокойствия.

— Я замерзну, — пожаловалась она. Они должны были пожениться на берегу, и хоть зима и прошла, для Ольги все еще было слишком холодно.

— Думаю, нет, — улыбнулась Бренна, обмениваясь взглядом с матерью. Дагмар стояла позади Ольги, и та не видела выражения ее лица.

— Вот, — сказала Фрида, перекидывая волосы Ольги на спину. — Еще одна вещь и ты будешь настоящим совершенством.

Решительный стук в дверь прервал женщин. Вали приоткрыл дверь и заглянул, и Ольга улыбнулась его непривычной застенчивости.

— Я помешаю?

— Нет, — сказала Бренна, поднимаясь и усаживая дочь на бедро. — Ты вовремя. Ольга боится, что замерзнет на собственной свадьбе.

Вали вошел внутрь, и Ольга увидела в его руках большую шкуру. Она была такого бледного цвета, что казалась снежно-белой. Ольга знала только одно животное с мехом такого цвета. Редкое животное. Белый волк.

Вали направился прямо к ней, и женщины расступились единым, словно отретпетированным движением. Только она была удивлена появлением Вали, остальные, как видно, ждали его. Ярл Карлсы остановился рядом с ней, и Ольге пришлось выгнуть шею, чтобы посмотреть в его улыбающееся лицо.

Держа шкуру в руках, он обернул ее вокруг плеч Ольги.

— Ты — друг моего сердца, Ольга, и я буду скучать по тебе каждый день. Мы столько пережили с тобой. Ты выходишь замуж за хорошего человека. Думаю, Бренна права. Он — великий воин, и он будет защищать тебя и твоего ребенка, и будет любить тебя. Но я дарю тебе шкуру белого волка, чтобы ты всегда помнила о том, что у тебя есть не только его защита, но и моя — защита Грозового Волка.

Закончив свою прекрасную речь, он наклонился и поцеловал Ольгу в лоб.

Она спросила себя, а помнит ли, знает ли Вали о том, что значит белый волк в ее мире. В мире Ольги это животное было воплощением знаний об элементах. Воплощением мудрости и понимания. Воплощением равновесия. И теперь она была окутана им, защищена им.

Ольга поднесла шкуру к лицу и заплакала. И когда Вали притянул ее к себе, она позволила себе плакать, пока не кончились слезы.

~oOo~

Они стояли на берегу, окруженные людьми Карлсы: всеми, кто выжил. Леиф надел ярко-голубую шерстяную тунику и темного цвета бриджи. Его волосы развевались на ветру. Фрида подарила Ольге красивый венок из сушеной травы, и она надела его на голову.

Когда Ольга подошла к Леифу и Вали, с Яном и Георгом, сопровождающими каждый ее шаг, выражение его лица было серьезным. Она ожидала, что он будет улыбаться, и на мгновение ей показалось, что что-то не так, и страх обуял ее — но она прогнала его прочь. Когда она приблизилась, он протянул руку. Ольга вложила в нее свою, и Леиф притянул ее к себе, поднес к губам пальцы и поцеловал их, закрыв глаза.

Вали пришлось кашлянуть, чтобы Леиф отпустил ее руку.

— Мы собрались здесь вместе, — начал ярл Карлсы, — чтобы связать узами брака этих двоих людей. Ольгу, которая так далеко от места, которое называла домом, и Леифа, который тоже покинул свой дом. Сегодня начало их ритуалов. Мы стоим здесь, перед лицами богов, и приветствуем их среди нас, но Ольга и Леиф дадут им клятвы в Гетланде, где ритуалы будут свершены, как положено.

Леиф улыбнулся, и Ольга вернула улыбку, сжав его руку.

Вали поднял две веревки — сплетенные вместе нити белого и золотого шелка, и вытянул руки вперед, произнося слова, которым его научила Ольга:

— Воздух — это дыхание, невесомое и непреодолимое. Любовь тоже не преодолеть. Огонь — это жар, страсть и свет. Любовь освещается страстью. Вода — это чувство, покой и буря. Любовь глубока как море. Земля — это связь, кормящая грудь, гнездо птиц. Любовь — это дом.

Он поднял их соединенные руки.

— Будете ли вы уважать друг друга, доверять и хранить доверие?

Леиф решительно посмотрел ей в глаза, и она ответила таким же взглядом. Этот вопрос был самым важным для них, и она знала, что именно ее ответ должен быть первым.

— Да.

Леиф кивнул:

— И я.

Вали обмотал их руки веревкой.

— И вот я сплетаю ваши судьбы. Будете ли вы разделять боль друг друга и помогать друг другу облегчить ее?

Вместе они ответили:

— Будем.

Вали обмотал их руки другой веревкой, поверх первой.

— И вот я сплетаю ваши судьбы. Вы... — Вали замолчал, и Ольга взглянула на него. Она видела, как он изо всех сил пытался вспомнить слова, но как только она собралась подсказать, он улыбнулся ей. — Будете ли вы делиться друг с другом своими тревогами, чтобы ваш дух становился крепче?

— Будем, — улыбаясь, ответили Ольга и Леиф.

Он обернул веревку вокруг их рук снова.

— И вот я сплетаю ваши судьбы. Будете ли вы искать свое счастье вместе и хранить ваши сердца в радости и легкости?

— Будем.

Вали связал веревки в сложный морской узел.

— Леиф и Ольга, вы теперь связаны вместе, жизнью и духом. Пусть ваша любовь будет такой же огромной и вечной, как ночное небо, и ваша вера друг в друга — такой же крепкой, как земля, на которой мы стоим. Желаю вам всего хорошего в жизни, мои друзья.

~oOo~

Празднование их свадьбы стало первым радостным событием в Карлсе со дня зимнего солнцестояния — с ночи, которая стала предвестником долгих недель страданий и смерти. Так что Ольга и Леиф принесли городу радость.

Ольга была при смерти всего несколько недель назад, и к тому времени, когда Леиф и она смогли, наконец, скрыться от толпы поздравляющих, чувствовала себя вымотанной до предела.

Но это была ночь их свадьбы, и они не были вместе со времени той странной, болезненной, ужасной ночи, когда он пришел к ней, и они сделали ребенка. Она хотела снова ощутить Леифа в себе, но на этот раз без боли, а только с любовью. С открытой,

истинной и вечной любовью.

Теплый свет просачивался сквозь закрытые ставни, когда они приблизились к дому, и Ольга вздохнула про себя, думая, что Фрида там. Но оказалось, в доме уже никого нет.

Фрида, видимо, помощью других женщин, разожгла огонь, и десятки свечей — гораздо больше, чем было у нее когда-либо — освещали каждый уголок обеих комнат. Козы и куры, за которыми ухаживала во время болезни Ольги ее соседка и которые вернулись только неделю назад, снова исчезли.

Они с Леифом были по-настоящему одни в брачную ночь, и Ольга больше не чувствовала усталости. Она улыбнулась своему мужу и засмеялась, когда он пошевелил своими светлыми бровями.

— Мы не можем навредить малышу?

Не так давно она бы посмеялась над таким вопросом. Многие мужчины задавали его, словно думали, что их стержень может проникнуть глубоко в чрево женщины и потревожить растущего там ребенка, и ее ответ всегда был одним и тем же. Они не могли навредить, и Ольга знала, что Леиф тоже это знает. У него уже были дети.

Тем не менее, они не совсем подходили друг другу по размеру. Им всегда приходилось приспосабливаться. Он не повредит ребенку, но он мог причинить ей боль — он делал ей больно, когда она не была беременна, и Ольга подумала, что если они не будут осторожны, он снова может причинить ей боль.

— Не ребенку, нет, — ответила она.

Его брови сошлись на переносице.

— Тогда мы будем только спать. Этого достаточно.

Она взяла его руки и обхватила ими свою талию.

— Нет, этого недостаточно. Я только прошу тебя быть осторожным, как всегда.

— Не всегда, — пробормотал он, запуская руки в ее волосы. — Прости меня за тот раз.

— Нам не нужно об этом говорить. Я искала боль тогда, и я не жалею. Но я рада, что теперь у нас все иначе.

Он наклонился к ней и легко поцеловал.

— *Ma armastan sind.*

— Нет, — когда брови Леифа удивленно поднялись, и он открыл рот, чтобы возразить, она положила кончики пальцев на его губы. — Скажи это на своем языке. Теперь это и мой язык тоже. Я люблю тебя.

— Не отказывайся от своего языка, Ольга. Ты уже достаточно потеряла. Сохрани свое наследие.

— Я сохранию вещи, которые мне дороги. Мое видение мира. Мои воспоминания о тех, кого я люблю. Но твой мир теперь — мой дом. Никто в Гетланде не знает моего языка. Твой язык — это мой язык.

— Я влюбился в тебя, когда мы делились друг с другом нашими знаниями. Я — тебе, а ты — мне. Я бы хотел, чтобы это было между нами. Мы были связаны сегодня по ритуалу твоего народа, и я чувствую себя связанным с тобой. Скоро мы пройдем путь моего народа. Мне нравится эта мысль — что ритуалы двух народов свяжут нас воедино. Пожалуйста, не отказывайся от себя — от той Ольги, с которой я познакомился.

— Я была твоей рабыней, когда мы познакомились.

Его губы изогнулись в ироничной усмешке.

— Ты никогда не была рабыней, любовь моя. Вербка на шее или нет, ты не рабыня. Ты похожа на Бренну в этом смысле. Твой дух слишком силен, чтобы его сломить.

Ольга могла поверить в это когда-то, но больше нет. Она была сломлена. Она приплыла в Карлсу, разбитая на части. Но когда она покачала головой и начала говорить, Леиф ухватил ее за руки и удержал неподвижно.

— Ты потерялась. Не сломалась. Ты стоишь здесь, моя жена, улыбаешься мне, предлагаешь свое доверие. Это доказательство того, что ты нашла себя и ты не сломлена.

И теперь наконец-то ты принадлежишь мне.

Ольга положила руки на его плечи, и он поднял ее, чтобы она могла обхватить руками его шею. Пока он нес ее в заднюю комнату и укладывал на кровать, она целовала его губы и бороду.

Леиф усадил ее, и она увидела, что пол в комнате покрыт мехами и шкурами.

— Что это?

— Думаю, что друзья, которые зажгли огонь и свечи, сжалились надо мной и застелили нам постель на полу.

Ольга рассматривала свою кровать. Длиннее кровати, на которой она спала в замке, но узкая, и опоры скрипели, когда Леиф сидел на ней.

— Твоя кровать в Гетланде больше?

— Наша кровать. И да. Гораздо, — Леиф наклонился и обхватил руками талию Ольги, положив обе большие руки ей на живот. Он наклонился и прошептал ей в ухо: — Там есть место для тебя и меня, и для твоего живота.

Прежде чем она успела возразить, его рука скользнула вниз и начала собирать юбку ее платья. Его губы все еще касались ее уха, и она почувствовала, как изменилось его дыхание от накатившей страсти.

— Ольга, — ее имя было стоном в его груди. — Ты нужна мне.

Он задрал юбку ей до талии, опустил руку и нашел ее естество. Его пальцы коснулись этого нежного теплого местечка, и она дернулась и ухватила его за руку. Леиф быстро отстранился, но Ольга хотела не этого. Она потянула его руку обратно, и он грубо застонал от ее настойчивости.

А потом он дал ей то, чего она хотела. Полностью одетый, Леиф накрыл ее своим широким телом. Ольга подалась вперед, держа его руку между ног; он играл с ее телом, его пальцы скользили по ее влажным складочкам и ласкали ту крошечную точку, где ощущения в ее теле скручивались в клубок. Другая его рука ухватила ее за плечо.

Лицом Леиф уткнулся ей в волосы, его дыхание срывалось, ревя в ее ухе. Она чувствовала, как прижимается к ее бедру его железный стержень, чувствовала легкие произвольные движения его бедер, а потом черные искры наполнили ее голову, и она подумала, что упадет в обморок. Кряхтя как животное, Ольга затряслась в оргазме.

Ольга ухаживала за беременными женщинами и потому знала, что меняется во время беременности не только живот. Изменялись и потребности женщины, и ее ощущения. Многие женщины, которых она знала, включая Бренну, становились просто дикими от страсти, пока носили детей.

В первый раз, когда она носила ребенка, она не испытывала желания: Ольга была слишком поглощена страхом перед своим жестоким мужем. В этот раз она много болела и много грустила, а потом еще и выздоравливала, и до последних нескольких недель не чувствовала ничего подобного. Но с тех пор, как она поправилась, Ольга постоянно ощущала это в присутствии Леифа — физический зуд неудовлетворенного желания.

Руки Леифа касались ее по-другому. Как будто части ее тела, отвечающие за удовольствие, каким-то образом стали больше, хотя она не чувствовала, что они стали больше. Ощущение удвоилось, утроилось, но даже испытав сильнейший экстаз, она не смогла отпустить его руку.

Ольга хотела его прикосновения. Она хотела почувствовать его повсюду.

— Я хочу раздеться, — выдохнула она, и Леиф издал звук, похожий на стон, смех и ворчание одновременно.

— Как и я, моя дикая жена. Я хочу почувствовать твою кожу на своей. Я хочу попробовать тебя на вкус и доставить тебе удовольствие всеми возможными способами.

Он встал и посмотрел на нее. А потом поднес ко рту вымазанные ее соком пальцы и облизал их.

Это было не так, как раньше. Они раздевались, почти срывая друг с друга одежду, и все не могли насмотреться друг на друга. Ольга была в растерянности. Это из-за

беременности? Нет, из-за Леифа. из-за нее самой

Они были полностью открыты друг другу. Без защиты. Без оговорок. Свободно. Их будущее лежало перед ними.

Они были мужем и женой. Наконец-то. И это было ново.

Отбросив в сторону бриджи, Леиф схватил ее и уложил на меха — так быстро, что Ольга вскрикнула. А потом его голова оказалась у нее между ног, и его рот оказался на ней, его язык стал трогать ее там, где трогали пальцы. Обхватив бедра Ольги руками, он подтянул ее к себе и погрузил язык в ее естество.

Почти сразу же Ольга снова ощутила экстаз; она наклонилась, схватила Леифа за волосы и потянула, пытаясь крепче прижать его к себе. Он усмехнулся, и она почувствовала вибрации его дыхания на своей плоти. Она не могла успокоиться. Ее бедра извивались под ним, руки тянули волосы, ноги скользили по напряженным мышцам спины, и все равно этого было недостаточно. Голова ее металась — не потому что она хотела остановить его и попросить пощады, а потому что просто не могла иначе.

Когда волны экстаза снова обрушились на нее, Леиф не остановился и не отстранился. Он остался там, где был, даже когда ощущений стало слишком много, даже когда ее тело потребовало покоя. Он отказал ей в этой передышке и продолжил ласкать ее складки языком. Экстаз снова охватил ее, и на этот раз она закричала.

Леиф мягко опустил ее на меха, легко целуя, лаская руками, губами, голосом и дыханием. Только когда она смогла перевести дыхание, он отстранился, а затем поднялся, чтобы нависнуть над ней.

Его борода сверкала при свете свечей, и Ольга знала, что это влага ее тела намочила ее. Она приподнялась и поцеловала его, почувствовав вкус и запах на губах и бороде, а потом легла на спину, и он склонил голову и улыбнулся с каким-то странным удивлением.

— Сейчас между нами все по-другому.

— Я тоже это чувствую, — ответила она, признаваясь и самой себе тоже. — Мы муж и жена. В этом и заключается разница. Мы связаны.

Она потянулась между ними и взяла его твердый стержень в руку. Легким движением Ольга направила его в себя, и Леиф довольно хмыкнул, оказавшись в ней.

Но здесь он был более осторожен, чем когда ласкал ее руками и губами. Леиф медленно вошел в нее, его глаза были устремлены на ее лицо, он не отрывал от нее взгляда, пока не вошел до конца — до предела, который она имела. Некоторое время он просто изучал ее лицо, и это было больше, чем изучение — он говорил ей что-то, делился с ней чем-то.

Любовью.

Ольга чувствовала жар на коже и в сердце — его любовь к ней.

Улыбаясь, она подняла ноги и обвила их вокруг его талии. Снова запустив руки в волосы Леифа, она потянула, пока он с ворчанием не опустил локти.

Он поцеловал ее, медленно вышел и так же медленно вернулся. Леиф был нежным и контролировал их ритм, наблюдая за реакцией Ольги, приближая ее с каждым толчком к еще одному разряду удовольствия. На этот раз, получая новое освобождение, она сосредоточилась на нем, на его вкусе, его запахе, на том, как смешивались ароматы их тел.

Она сосредоточилась на ощущении их губ и движении своего языка, которое заставляло его стонать от желания. Она сосредоточилась на скольжении его тела — большого, с кожей, огрубевшей от шрамов — по ее телу, такому гладкому и маленькому. Она сосредоточилась на пульсации его твердого органа в себе и сжала его внутренними мышцами, вознося их обоих еще выше.

Ольга была так полна страсти, так полна желания доставить удовольствием своему мужу, что не поняла, как близко они оба были к экстазу, до тех пор, пока он не начал толкаться резче, пытаясь сохранить остатки контроля. Она стала толкаться ему навстречу, насаживаясь сильнее, глубже — чтобы дать ему то, что хотела дать.

Взревев, Леиф вдруг схватил ее и перекатился, усадив на себя. Это была позиция, которую она хорошо знала, и она сразу же подхватила ритм. Тяжело дыша и рыча, он снова сжал ее живот и держал его, когда она скакала на нем, как будто он был жеребцом.

А потом его руки коснулись ее груди. При первом же прикосновении его грубых больших пальцев к ее набухшим соскам тело Ольги наполнилось жаром, как будто она ступила в огонь, и она выгнулась в его руках, крича от блаженства. И он тоже не сдержался, его крик освобождения был полон сладкой муки.

Она упала вперед, и он поймал ее и сразу уложил на бок. А потом вышел из ее влажного естества и лег рядом, бездыханный, и обнял ее, прижимая к себе в таком привычном объятии.

Ольга была обессилена.

— Я люблю тебя, Леиф, — ее слова были слегка невнятные, как будто она выпила слишком много медовухи.

Он тихо рассмеялся и поцеловал ее в макушку.

— А я тебя. Отдыхай, жена.

Прижавшись носом к темным золотистым кудрям на груди своего мужчины, Ольга послушалась и уснула.

~oOo~

Всего через два дня Ольга стояла на пирсе, завернутая в белую волчью шкуру, и смотрела на лодку, в которой уже сидел Леиф. Он помогал загружать ее вещи в трюм, или как там называлась эта часть лодки. Корабль. Это был корабль. Маленький, но гораздо больший, чем то рыбацкое судно, на котором они еле добрались до Карлсы.

И в этом была проблема. Лишь однажды в своей жизни она побывала на лодке, и это было тяжелое, болезненное, отчаянное путешествие, которое длилось целую вечность. Ольга видела, как умирали или почти умирали ее друзья, и все они страдали телом и душой. Это была вершина времени ужасных страданий и смерти.

Теперь Леиф хотел, чтобы она снова путешествовала на лодке — на корабле. Это было хорошее судно, — уверял он, — крепкое и устойчивое, и с ними была команда сильных мужчин. Только два дня, — сказал он, — максимум три, и они будут дома. Но она покидала дом, еще один дом, и за ее спиной были друзья, которых она обрела здесь и полюбила.

Она попросилась. Фрида получила ее дом и большую часть снадобий. Девочка больше не была ученицей. Теперь, в четырнадцать лет, она станет целительницей Карлсы, и она была хорошо обучена чумой — лучше, чем могли бы обучить ее Ольга или Свен.

Ольга со слезами просталась с Бренной, Сольвейг и Дагмар. Уплывая от них, она покидала семью; сердце болело от осознания того, как много дней пути их будет разделять. Она снова уходила из дома. О, как она надеялась, что дом, который ждал ее впереди, будет ее настоящим домом.

Ян и Георг плыли с ними, с нетерпением ожидая предстоящего похода.

И Вали тоже решил поплыть. Он оставил Бренну следить за порядком в Карлсе, а сам отправился в путешествие за сокровищами, которые вернут Карлсе ее благополучие.

Они все были на корабле, ждали ее. И друг Леифа тоже. Ульв. Все ждали.

Она была напугана. Мысль о шторме, бросающем их по морю, как ветер бросает опавший лист, заставила ее застыть на месте, сжимая на плечах волчью шкуру. И у нее был ребенок, которого нужно было защищать. Как она могла сесть на эту лодку? Как Леиф мог подумать, что она решится снова поплыть по воде?

Леиф спустился с корабля и встал перед ней на пирсе. Обхватив ее лицо руками, он нежно погладил большими пальцами ее щеки.

— Ольга, ты мне доверяешь?

Она доверяла. Снова, наконец, она поверила в него. И теперь ее доверие должно

было подвергнуться испытанию.

Все еще боясь, она кивнула.

Он улыбнулся и снова забрался в лодку. Повернувшись к Ольге лицом, Леиф протянул руки, и она наклонилась и позволила своему мужу поднять ее на руки и усадить в лодку.

Корабль, да, это был корабль.

Пришло время вернуться домой.

~oOo~

Путешествие заняло два дня, как и обещал Леиф — даже чуть меньше. Ольге понадобилось еще два, чтобы прийти в себя после него. Моря были прекрасны, по словам мужчин, но сильный попутный ветер навевал качку, и большую часть пути Ольга провела, склонившись за борт.

Леиф был внимателен и заботлив. Он редко покидал ее, и если Ольгу не тошнило, она лежала на кровати, положив голову ему на колени.

А потом она улеглась на его огромной кровати, восстанавливая силы и самообладание, окруженная незнакомцами, пока Леиф восстанавливал свой авторитет и расспрашивал друзей о том, что упустил, пока отсутствовал.

И все же он всегда был рядом.

Длинный дом ярла Гетланда, гораздо больше и роскошнее, чем в Карлсе, был построен аналогичным образом: большой широкий зал, место встречи жителей города, кухня ярла и его покои, чтобы он мог передохнуть после трудов тяжелого дня. Кухня была за коридором, соединенным закрытым проходом с покоем. Три комнаты: большая спальня, она же место для частных встреч и отдыха; открытый зал, уставленный ткацкими станками и другими принадлежностями женского труда, и комната для купания и переодевания.

В Карлсе покои ярла отделяли от зала шкуры, занавешивающие проход, и только в купальню была своя дверь. Здесь, в Гетланде, дверь с железной решеткой отделяла покои ярла от зала.

Такого Гетланда она еще знала — здесь теперь у нее был свой дом, в нескольких минутах ходьбы от моря, и покои, которые она делила со своим мужем, и две девушки-служанки, которые помогали сейчас надевать свадебную одежду.

Девушки служили ярлу, они не были рабынями. Леиф освободил своих рабов, когда вернулся из своей первой поездки в Карлсу. Остальные в Гетланде все еще держали рабов, как это было в Карлсе до чумы. После того, как город был почти опустошен, а многие рабы умерли, Вали снова поднял этот вопрос в зале, и владельцы рабов на этот раз согласились дать свободу тем, кто выжил.

Ольга надела на голову венки из сушеных колосьев пшеницы, и Вали пришел, чтобы узнать, готова ли она, и они рука об руку прошли через зал. Как и в Карлсе, этот свадебный ритуал должен был пройти на открытом воздухе, на этот раз в лесу на окраине города. Они вместе шли по тропинке, и жители города останавливались и смотрели, как они идут.

Ольге сегодня не нужна была волчья шкура. Гетланд был заметно теплее Карлсы; снег уже почти сошел, и новая зелень начала прорастать из земли. Тем не менее, она с радостью набросила бы на плечи подарок Вали. Она еще была немного не в своей тарелке в этом месте, и напоминание о том, что она знала и любила, давало ей силу. Она была очень рада, что Вали поплыл с ними и шел теперь рядом с ней.

Леиф тоже надел ту же одежду, что и в Карлсе, и на лице его было все то серьезное выражение. Он взял ее за руку и притянул к себе, и она обрадовалась, что не накинула шкуру. Она чувствовала тепло и вес его сильной руки.

Старая вельва вела церемонию. Была принесена в жертву коза, и вельва ударила

прутом, смоченным в крови, по Леифу и Ольге, и люди собрались вокруг них в священный круг. Ольга уже видела эту странность на нескольких свадьбах, так что она не удивилась, но все-таки ей было жаль свое красивое платье, и она снова была рада, что не надела на себя подарок Вали.

Как и во время первого ритуала, были слова и клятвы, обращенные к богам. После почти двух лет, проведенных в этом мире, Ольга начала задумываться о богах этого мира и обнаружила, что думает о них как о реальных существах — о тех, кому есть до людей дело или нет, но как о живых существах. Она не думала, что до конца верит в их подвиги и силу, но живя среди людей, которые строили свои жизни, опираясь на милости и волю этих богов, она обнаружила, что они пробились в ее мышление, стали частью ее мира.

И прося доброй воли Фрейи и Тора, Ольга на самом деле просила их о милости. Она надеялась, что они слушают.

А потом пришло время мечей. Контраст между их двумя ритуалами: ее, нежным, связывающим и разделяющим, и его, боевым, с кровью и мечом — был разительным. Это говорило о разнице в их способах познания. Ольга не очень хорошо понимала этот ритуал, но она понимала, что это очень важно для Леифа и потому торжественно ждала, пока он возьмет обе ее руки в свои.

— Начиная наш путь, — начал он низким, но ясным голосом, — я должен был дать тебе меч моего отца, чтобы ты и наши дети могли сохранить его наследие и передать его нашему первенцу, когда он станет мужчиной. Но его меч был утерян в Эстландии, когда убили Эйнара. Его наследие оказалось не таким сильным, как я надеялся. У меня нет другого меча предков, чтобы дать тебе.

Он отпустил ее руки и потянулся через плечо. Ухватив за рукоятку длинного меча, Леиф обнажил его, и лезвие запело, когда оружие выскользнуло из ножен и заблестело на солнечном свете.

— Я предлагаю тебе этот меч. Я ношу его всю жизнь, и я стою здесь перед тобой, потому что он защищал мою жизнь. Этим клинком я защищал свой дом, свой народ и свою честь. Этим клинком я защитил то, что люблю. Я приносил жертвы этим клинком. Как и я, он не лишен недостатков и шрамов, но каждый удар, который он наносил, был ударом за правду и веру. Я не давал ему имени, но, предлагая его тебе, чтобы сохранить нашу семью и наследие нашего ребенка, я называю его: Синнесфрид.

Синнесфрид. Ольга знала слово и что оно означает: исцеление сердца.

Леиф протянул меч ей. Ольга изучила лицо и глаза Леифа и замерла.

Этот клинок... Все, что он сказал в своей речи, было правдой. Но он рубил этим клинком в Эстландии. Это был тот самый клинок, который разрезал живот Тока у нее на глазах, выпуская его внутренности на холодную землю. Этот клинок и топор ранили, убили людей, которые ему доверяли.

Она пристально посмотрела Леифу в глаза и увидела, что он тоже не забыл этих горьких истин. Он утверждал своими словами историю меча, его наследие, и она поняла, что именно он хотел ей сказать. То, что произошло в Эстландии, было частью его жертвы. Он сделал трудный выбор — и клинок был при нем. Он заплатил за это свою цену. Его преданность была непоколебима.

Эту преданность он предлагал ей на протянутых руках. Это душевное спокойствие. Исцеление сердца.

Синнесфрид.

— Ольга, — пробормотал он, и она увидела, как беспокойство заставляет потемнеть его синие глаза.

— Это очень хорошее имя. И хороший клинок, — Ольга протянула руки, и он осторожно положил на них меч. Он был тяжелее, намного тяжелее, чем она ожидала, но он положил его так, что баланс был идеальным.

— Мне... Мне жаль, но у меня нет меча, чтобы дать тебе взамен.

— У тебя есть, — сказал Вали. Стоя возле Леифа, он ухмыльнулся Ольге и, протянув

руку к собравшимся, жестом кого-то позвал. Светловолосый парень возраста Калью, если бы ее брат дожил до этого дня, подал Вали ножны.

— Юный Даг сделал тебе клинок, который ты будешь носить.

Леиф кивнул, высоко подняв бровь.

— Он сделал. Но носить я его не буду.

— Будешь, — усмехнулся Вали. — Этот меч он сделал сам. Похоже, он не согласен с тем, что ты сказал ему, что ярлу не нужен красивый меч.

Вали подошел к Ольге и забрал у нее Синнесфрид. Затем жестом приказал мальчику выйти вперед.

— Давай, парень. Ольге нужен меч.

Мальчик — Даг — застенчиво подошел к ней. Он обхватил рукой плетеную кожаную рукоятку узорчатого клинка, и отблеск уверенности засиял в его глазах, когда меч появился на свет. Таким же образом, как Леиф передал ей Синнесфрид, Даг подал ей новый меч.

Ольга не очень разбиралась в мечах, но этот был прекрасен. Часть над рукояткой и чуть ниже была темной, блестящей, почти черной. На темном дереве был вырезан узор. Узкая ложбинка в центре клинка была тоже украшена узорами, которые она видела на щитах народа Гетланда. Большой крест. И кресты поменьше по всей длине.

Это был очень хороший меч.

Она улыбнулась мальчику и повернулась к Леифу, положив меч на него протянутые ладони.

С широкой улыбкой Леиф забрал его у нее. Потом поднял его и попробовал удерживать на ребре ладони.

— Отличная работа, мальчик. Кажется, я тебя недооценил.

Даг покраснел и опустил голову. Он протянул Леифу ножны, а затем снова исчез в толпе.

Обручение закончилось, вельва поручила им обменяться кольцами. Леиф сделал это, надев кольцо Ольги на острие своего нового меча, и вел ей сделать то же самое со своим кольцом.

Держа мечи, они произнесли слова клятвы, а потом обменялись кольцами, и тогда вельва сказала:

— Отныне вы муж и жена.

Люди вокруг ликовали, и Леиф притянул ее к себе, держа в руке свой новый меч, и крепко поцеловал.

И Ольга поняла, что их ритуалы, в их огромном различии, прекрасно дополняют друг друга.

Нежный и жесткий. Шелк и железо. Защита сердца и тела.

Равновесие.

Глава 22

— Это прекрасно! — Ольга отпустила руку Леифа и подошла к краю гораздо ближе, чем ему хотелось бы.

Она уже была совсем круглой и не всегда могла удерживать равновесие, и если она упадет и разобьется насмерть вместе с ребенком, ему останется только последовать за ними.

— Ольга, будь осторожнее! — он нахмурился и взял ее за руку, притягивая к себе, пока она не отступила туда, где было безопасно.

Уже пришло лето, и все расцвело. Воздух был наполнен густыми ароматами теплой, мокрой земли и свежей зеленой жизни. Одним из любимых занятий Ольги были прогулки по лесу и занятия огородом, но ребенок рос, и вскоре ей уже стало тяжело наклоняться.

Она все еще ходила гулять, настаивая, что ребенку и ей это идет на пользу. Так что они гуляли каждый день.

Это был первый день, когда он взял ее сюда, к скалам у берега. В этом месте подъем был достаточно крут, и Леиф ни за что не позволил бы своей жене идти сюда одной в ее состоянии. Но сегодня у него был и еще один повод.

Небо и море отсюда казались бесконечными, казалось, они сливались на горизонте. В такой ясный день казалось, что отсюда можно было увидеть сам Асгард. Ольга смотрела по сторонам, довольная улыбка сияла на ее лице.

Леиф же был сосредоточен на том, что лежало под ногами. Он смотрел на город, раскинувшийся внизу, бурлящий и кипящий людьми. Вскоре должны были прибыть торговцы. Оба новых корабля, великолепные создания, уже были спущены на воду. Им пришлось даже отстроить заново пирс, чтобы пристань вместила корабли.

И теперь корабли стояли там, сверкая золотом в теплых лучах солнца, и сердце Леифа наполнялось гордостью и тоской. Ему хотелось плыть в поход, и его угнетала мысль о том, что первое плавание этих кораблей поведет не он. Но поплывут Вали и Астрид, а им он доверял безоговорочно. Но он предвкушал поход рука об руку с Вали, когда они поведут на поиски сокровища сразу четыре больших корабля.

И все же он не обменял бы ни на какие золотые горы шанс быть с Ольгой, когда она родит ему ребенка.

Корабли поплывут этим летом на юг. Он бывал на юге. А на следующий год он отправится в поход. Он и Вали и их отряды могучих воинов поплывут покорять новый мир.

— Ты так далеко мыслими, — сказала Ольга. — Тебе не хочется оставаться в Гетланде?

Она всегда чувствовала его мысли. Леиф улыбнулся и притянул жену ближе.

— Я думал о том, что жаль будет пропустить первое плавание новых кораблей, и мне немного грустно. Но я хочу быть с тобой, когда наше дитя появится на свет. Для меня нет ничего важнее.

Он положил обе руки Ольге на живот, и она накрыла его ладони своими.

— Я люблю вас обоих, — прошептала она, глядя на свой живот.

Леиф обнял ее и поцеловал в лоб, вдыхая родной запах и ощущая мягкость волос жены. Стоя рядом с Ольгой на этом холме, глядя на свой дом и свой народ, осознавая свои успехи и стремления, Леиф чувствовал, что обрел покой.

Он подумал о том последнем пророчестве, что дал Эйку провидец: Гетланд ждет эра процветания. Эйк решил тогда, что он будет процветать, но его жизнь окончилась совсем скоро после этого.

Леиф знал, что он — не Гетланд. Он скорее пастух этого народа, и в его силах привести этих людей и эту землю к процветанию спустя многие годы бедности. И если он забудет об этом, то сможет в любой момент прийти сюда и взглянуть вниз с этого холма, чтобы напомнить себе истину: как бы силен ни был один человек, вместе они могут добиться гораздо большего.

— Идем, — он отступил и взял жену за руку. — Нам много надо сделать перед тем, как корабли отплывут.

~oOo~

Ольга легла пораньше ночью перед отплытием кораблей, оставив Леифа в наполненном людьми зале. Звучали тосты, люди пили за удачный поход и возвращение отряда. Леиф оставался со своим народом, пока зал не превратился в место отдыха для напившихся людей. И только потом вернулся в их покои.

Он разделся и лег в постель рядом со своей спящей женой, которая зарылась глубоко в шкуры. Откинув одеяло, он поцеловал ее обнаженное плечо. Ольга перестала спать в

платье, когда ее живот стал совсем большим. Леиф не мог сказать, что был против, но он часто ложился спать после Ольги и иногда ее нагота становилась причиной его физических мучений.

Как только он, наконец, стал засыпать, раздался стук в дверь. Убедившись, что Ольга не проснулась, Леиф встал и схватил меч, вытащив его из ножен уже на пути к двери.

Это была Сигрид, бывшая Дева-защитница, которая теперь служила в страже зала, поскольку осталась вдовой с тремя маленькими детьми. Она не обращала внимания на его наготу, а Леиф и не пытался прикрыться.

— Беда?

Она отрицательно покачала головой.

— Уже справились. Одд сбил фонарь у конюшни, но огонь погас после того, как спалил его телегу.

— С Оддом все хорошо?

Со смехом Сигрид ответила:

— Он спит, едва ли в десяти шагах от конюшни. Его ждет неприятный сюрприз утром, но с ним ничего не случилось.

— Почему ты не подняла тревогу?

— Нет необходимости. Как я уже сказала, огонь погас.

— Ладно. Спасибо.

Сигрид кивнула ему, и Леиф закрыл дверь. Когда он повернулся, Ольга сидела на кровати, прижимая одеяло к груди. Ее волосы рассыпались по плечам. Она была прекрасна как богиня. Сердитая богиня — Ольга хмурилась, и в ее глазах пылал огонь, гораздо более опасный, чем тот, что сжег телегу Одда.

Леиф убрал меч, пересек комнату и остановился перед своей женой, глядя на нее.

— Что-то не так?

— Это была Сигрид.

— Да. Была небольшая неприятность. Все решено.

— Она женщина.

— Да, правда.

Ее хмурое выражение сменилось недоверчивым, и недоверие было таким сильным, что казалось почти наигранным.

— Леиф, ты совсем голый. Полностью.

Удивленный, он засмеялся.

Она ревновала? Леиф засмеялся сильнее, когда эта мысль овладела им — и это было серьезной ошибкой. Ольга накрылась одеялом и отвернулась. Ее время было уже совсем близко, и переворачиваться становилось все тяжелее. А еще она стала капризной и обидчивой.

Леиф понимал, что дело в ее беременности. Но мысль о том, что Ольга будет ревновать — не говоря уже о том, что будет ревновать его к Сигрид — даже сейчас он находил ее забавной и должен был прикусить губу, чтобы не засмеяться снова.

— Ольга... Ольга, — он подошел к ней и остановил, когда она попыталась встать с кровати. — Это не имеет значения. Откуда мне знать, может, там была серьезная беда, и я не стал терять время на одевание. Сигрид даже не заметила, — он взял свой мягкий стержень в руку и пошевелил им. — И я этого не заметил. Ты — все, что мне нужно и чего я хочу. Навсегда.

Она смотрела на его мягкую плоть.

— А меня ты тоже не замечаешь?

— Уф, — пробормотал он, стараясь не засмеяться.

Сейчас она злилась, потому что он не возбудился? Что только делала беременность с женщиной! Иногда он не понимал ход мыслей своей жены.

— Я замечаю тебя, любовь моя. Я всегда обращаю на тебя внимание. Возможно, я мягок, потому что только что был момент, когда эта часть меня могла быть в опасности, — Леиф взял ее руку и сжал на своем естестве, и то сразу начало набухать. Он тихо застал. — Видишь? Я заметил тебя.

Ольга легко улыбнулась, хотя и попыталась скрыть это, и обхватила его другой рукой, умело работая, пока он не стал твердым, как камень, и не начал постанывать от возбуждения. И когда она наклонилась так сильно, как только позволял живот, и облизала его так, будто он был леденцом, его нужда стала болезненной и жгучей. Он хотел быть внутри нее. Все остальное, независимо от того, насколько восхитительным это было, было лишь тенью этого соединения.

С каждым разом, когда рос ребенок, им становилось все труднее. Ольга уже не могла выдерживать такое глубокое проникновение, и удерживаться сверху становилось все труднее. У Леифа были идеи, но Ольга не была к ним готова. И он понимал, почему.

Леиф знал ее историю — теперь он знал все — и понимал ее страх. Ее много раз брали сзади, когда насиловали, и она боялась, что попытка сделать это снова заставит ее воспоминания ожить.

Но сейчас они писали новую историю. Прокладывали новый путь. И никогда больше она не будет страдать.

Он запустил руки ей в волосы и остановил ее.

— Ольга. Я хочу кое-что попробовать.

Она взглянула на него доверчивыми, но любопытными глазами.

— Что?

— Ты мне доверяешь? Полностью доверяешь?

Леиф заметил, как она сглотнула, прежде чем ответить:

— Да.

Ободрив свою жену улыбкой, он опустил руки и перевернул Ольгу так, чтобы она оказалась на коленях на кровати спиной к нему. Он почувствовал, как ее тело напряглось, когда она поняла.

— Леиф...

— Тсс, — он подошел ближе и поцеловал свою жену в плечо. — Это мы, Ольга. У нас все по-другому. Я не причиню тебе вреда. Ни телу, ни душе. Поверь мне.

— Я не могу тебя видеть, — ее голос задрожал, а вместе с ним и его решимость. Но он глубоко вздохнул, заставив ее сделать то же самое.

— Ты можешь чувствовать меня. Ты можешь слышать меня. Я с тобой.

Мягко, медленно, он приподнял ее, чтобы она откинулась на его грудь. Провел руками по ее рукам и ногам, по животу, по бокам, не лаская, а просто касаясь, пока не почувствовал, как она расслабляется.

Затем он взял ее грудь в руки, массируя и поглаживая, избегая чувствительных точек ее сосков, пока не услышал легкий стон.

Лаская пальцами ее соски, Леиф прошептал:

— Тебе нравится, когда я держу тебя вот так и глажу тебя. То, что я хочу сделать, мы не делали раньше. Но это все мы, любовь моя. Только мы.

Боги, он мог умереть от похоти и от пьянящей силы, которую чувствовал в ее доверии. Он забирал ее тело и душу, и она позволяла ему.

Легкое мурлыканье превратилось в стон, поднимающийся в груди Ольги каждый раз, когда его пальцы смыкались на ее сосках и потягивали их. Когда ее дыхание стало частым, он наклонил ее вперед, чтобы она могла упереться руками.

Она была влажной и уже пульсировала. Леиф облизал руку, чтобы смочить свою плоть и очень медленно вошел.

Сначала Ольга напряглась так сильно, что остановила его, но Леиф наклонился и стал гладить ее спину и плечи, ягодицы и бедра, касаясь поцелуями спины.

— Это я, любовь моя. Только я, — шептал он, пока она не вздрогнула и не расслабилась.

И вот, наконец, он оказался в ней. В этом положении Ольга приняла его больше, чем принимала в любом другом, и он застыл неподвижно, ласкал ее, шепча нежные слова, чтобы удержать ее воспоминания в прошлом. Он обхватил ее руками и погладил живот, затем провел пальцами по темным завиткам на лобке.

Когда Леиф был готов двинуться — только нежные толчки, никаких резких и быстрых — он нащупал пальцами и стал ласкать ее самую чувствительную точку. В течение вечности они оставались в таком положении. Ольга стояла на локтях и коленях, одело зажато в кулаках, голова опущена. Леиф встал у кровати, широко расставив ноги, наклонился, нежно потирая пальцем ее складки, и начал мягко двигаться внутри.

Именно Ольга изменила их ритм.

Леиф пытался двигаться ровно и плавно, удерживая свою страсть под контролем и позволяя Ольге привыкнуть к этому новому способу и получить наслаждение, которого она не знала.

Но наступил момент, когда медленного и нежного движения стало недостаточно. Ее бедра начали покачиваться в такт его движениям. Каждый раз она охала, и следующий ее толчок был немного более энергичным, и Леифу пришлось сосредоточиться изо всех сил на том, чтобы не сделать ей больно, толкнувшись слишком сильно.

И вот уже соки ее экстаза намочили его руку, а ее внутренние мышцы сжались так сильно, что Леиф тут же пришел к финалу и сам, даже не осознавая до этого момента, что был на грани. Он опустил голову своей жене на спину и застонал, его тело вздрагивало от каждого ее спазма.

— Ты в порядке? — спросил он, когда смог говорить.

Ольга ответила не сразу. Как только беспокойство уже готово было расцвести в его животе, она пробормотала:

— Спасибо.

Это не было ответом на его вопрос, но Леифу было достаточно.

Посмеиваясь, он медленно вышел из нее, а затем поднял свою жену на руки. А потом залез в кровать и улегся там, прижимая Ольгу к груди. Он провел ночь, держа на руках своих жену и ребенка, пока они спали.

~oOo~

— Хватит. Уходи, Леиф! — крикнула Бирте, отталкивая его от собственной кровати. — Быстро!

— Я не собираюсь уходить! — чтобы подчеркнуть намерение, он оттолкнул Бирте, подошел к Ольге и схватил ее горячую, влажную руку. — Я с тобой, любовь моя. Я здесь. Я не собираюсь бросать тебя.

Его жена повернула к нему раскрасневшееся лицо, облепленное потными темными волосами, и посмотрела ему в глаза.

— Уходи, Леиф.

— Что? Нет! Я говорил тебе, что буду с тобой! Я с тобой! — он повернулся к Бирте. — Ты знаешь, что я не могу уйти. Это мой дом.

Прежде чем кто-либо смог ответить ему, его жену охватила еще одна схватка. Леиф дал ей руку, и Ольга сжала его пальцы с силой, о которой он у нее и не подозревал. Бирте отошла на другую сторону, бормоча, и помогла роженице подняться на корточки. Повитуха, Гида, уселась между ног Ольги и пристально смотрела на нее, засунув руки глубоко под ее платье.

Он ожидал услышать крики. Торил кричала в каждом роде, но Ольга не издала ни звука, хоть и мучилась от боли. Даже в моменты облегчения она только шептала. Это тревожило Леифа.

Все тревожило Леифа. Это был его восьмой ребенок, и роды начались раньше, чем должны были. Живот был большим и зрелым — по крайней мере, по виду — но лето только началось, а Ольга говорила, что роды будут только в середине.

Его восьмой ребенок, и у него не осталось ни одного живого. Да, он тревожился. Он не находил себе места от страха.

Боль прошла, и Бирте уложила роженицу на спину и отошла поговорить с Гидой. Ольга снова посмотрела на него.

— Тебе нужно уйти, Леиф.

— Я говорил тебе, что не оставлю тебя. Я поклялся. Я должен быть здесь.

Он не мог вместо нее пройти этот путь, но его место было с ней. Рядом с ней.

Она улыбнулась и похлопала его по руке.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал из Гетланда. Я хочу, чтобы ты вышел. Ты можешь оставаться в коридоре, но между нами должна быть закрытая дверь. Мне нужно, чтобы ты ушел.

— Почему? — он услышал раздражение в своем голосе, но ему было больно и... он злился. — Ты позволила Вали остаться с Бренной.

Она рассмеялась, а затем сразу посерьезнела.

— Твое беспокойство заполняет эту комнату. Это заставляет меня волноваться, и я устаю. Не уходи далеко, но позволь мне сделать эту работу самой. Будет много крови и боли. Я люблю тебя. Позволь мне родить нашего ребенка.

— Ольга...

Она мягко оттолкнула его, а затем ее накрыла волна боли, и Леиф позволил Бирте оттолкнуть его еще дальше. Он сделал еще и еще шаг назад, а затем и вовсе вышел.

Он закрыл дверь и прошел по коридору несколько шагов. Опустившись на корточки, Леиф остался у двери и ждал, не собираясь покидать это место, пока ему не разрешат вернуться.

Однако усидеть на месте было невозможно. Через несколько мгновений он снова встал и начал шагать туда-сюда. Был полдень, но зал был почти пуст. Лишь двое слуг, цыплята и ягненок, забредший в дом случайно, составляли ему компанию.

Тишина за дверью убивала. Крики были бы лучше, чем эта удушающая тишина, которая ни о чем не говорила. Расхаживая по залу в компании цыплят и ягненка, Леиф пытался заставить свой разум успокоиться.

У нее были боли весь день, с самого рассвета. Ольга разбудила его до восхода солнца, чтобы сказать, что ей нужна Гида, но к тому времени у нее уже были схватки. Теперь они шли часто. Это означало, что малыш скоро появится.

Он был с ней весь день, а теперь его выгнали. Он не хотел оставаться в стороне, когда она рожала. Это было неправильно.

Время шло, и Леиф шагал, и страх жевал и жевал его сердце, пока оно не стало кровоточить — и все еще ничего, кроме тишины по другую сторону двери. Иногда он прижимал ухо к дереву, но ничего не слышал. Что там творится? Она потеряла малыша? Лишилась чувств?

А потом Ольга закричала. Громко и долго — и резко затихла. Леиф быстро подбежал к двери. Открыв ее, он тут же услышал крик новорожденного младенца.

Бирте увидела его первой. Она закатила глаза и покачала головой.

— Я бы позвала тебя. У тебя сын. Толстый, громкий мальчик.

Она отступила, и там была его Ольга, бледная и измученная, вся в поту, но радостно улыбающаяся и заливающаяся слезами. В ее объятиях был самый красивый на свете мальчик, голый, весь в слизи и сердито вопящий.

Игнорируя других женщин, свое разочарование и обиду за то, что его отослали, Леиф пошел к жене и сел на кровать рядом с ней. Он поцеловал ее в лоб, а затем обхватил рукой маленькую, совершенно лысую голову своего новорожденного сына. Тут же крик мальчика затих, и он повернул свое хмурое лицо в сторону Леифа.

— Он знает, кто ты, — прошептала Ольга.

Мальчик повернул головку на ее голос.

— И кто ты. Он знает свою мать.

— Я никогда не думала, что у меня будет это... что я смогу держать своего ребенка и смотреть на него, — она всхлипнула, но удержалась

Леиф наклонился, укрывая своим телом сына и жену, и обхватил их руками. Ольга проиграла битву с собой и зарыдала, а их сын тоже заревел, и в этот момент Леиф был счастливее всех на свете.

Бирте похлопала Леифа по плечу. Она забрала малыша у Ольги — а та уже не хотела его отпускать. Но, зная ритуалы, Леиф положил руку ей на руку и кивнул.

— Пуповина, — сказала Бирте.

Он повернулся и перегнулся через живот Ольги. Взяв в руку толстый, жесткий шнур, который все еще связывал мать и ребенка, он перекусил его и разорвал эту связь.

Бирте вымыла мальчика, а Гида — Ольгу и заменила ее одежду и белье. Леиф оставался рядом, держа жену за руку. Теперь, когда его тревога прошла, никакая земная сила не могла бы заставить его уйти.

Когда Бирте вернула им сына, они увидели, что он чмокает губами в поисках еды. Выражение лица Ольги наполнилось безмятежным счастьем, когда она предложила ему грудь. Он немного покрутился, а затем крепко вцепился в сосок.

Реакция Леифа на это зрелище была сильной — настолько, что он схватился за бедро и закрыл глаза, пытаясь прийти в себя. Справившись, он поднял глаза и встретился с Бирте, которая хмуро на него смотрела.

Ольга тоже все это видела; когда его глаза снова встретились с ее глазами, она улыбнулась немного лукаво. Но потом перевела взгляд на ребенка.

— Как мы назовем его?

Леиф посмотрел на мальчика в объятиях своей любимой. Лысая голова, крепкие ручки и ножки. Хмурое, серьезное лицо.

— Магни.

— Магни, — попробовала имя на вкус Ольга. — Могущественный.

— Да. Он могущественный. Зачатый там, где не было надежды, и рожденный там, где надежда процветает. Он уже многое пережил до своего рождения.

— Это очень хорошее имя.

Глава 23

— *Äiu, äiu, kussu, kussu*, — шептала Ольга, поглаживая пальцами головку Магни, пока он чмокал. — *Maga, maga, maimukene!*

Леиф спал рядом с ними, лицом к ним. Он уезжал в тот день, чтобы поговорить с фермерами по поводу урожая, который они могли бы продавать в Гетланде. Вернулся измученным и усталым, и она не хотела будить его.

— *Tsui, tsui, suuremasse*, — пела Ольга, качая сына. Магни было всего две недели, но у него уже был серьезный характер. Он знал, чего хочет, и вопил, когда не получал желаемого. Мальчику нравилось слушать, как она поет, и его не особо волновало, будет мешать ее пение его отцу или нет. — *Kasva, kasva karjatsesse, äti nänni pikkutesse*.

Она пела шепотом, но Магни открыл глаза и нахмурил лоб, когда она замолчала.

— Мне тоже нравится, как ты поешь. Это успокаивает. Тебе не нужно шептать.

Леиф говорил с закрытыми глазами, так что не видел ее улыбки. Ольга протянула руку и провела пальцами по его губам.

— Я хотела, чтобы ты поспал.

Она говорила, напевая, чтобы Магни не стал хныкать.

Ее муж открыл глаза и взял ее пальцы, прижимая их к губам.

— Я с тобой отдыхаю, даже если не сплю. Как прошел день?

— Без тебя это был долгий день. Но хорошо. Мы гуляли по городу.

Магни получил свое имя всего неделю назад, и пока они не выходили из длинного дома. У одного из горожан был сильный кашель, и Ольга тревожилась. Леиф отправил больного прочь из города и Бирте вместе с ним, чтобы следить за болезнью, но они оба решили пока держать Магни подальше от людей.

Кашель оказался кашлем, не более того. Мужчина даже не был по-настоящему болен. Как только Ольга убедилась в этом, ей захотелось бывать на солнце со своим сыном. Он не сможет вырасти высоким и могучим, если постоянно будет под крышей. Тем не менее, она носила мальчика в пеленках, закрывавших лицо, и не позволяла любопытным взглядам и пальцам касаться своего сына.

Леиф обеспокоенно на нее посмотрел.

— Одни?

— Сигрид была с нами. Но нам не нужна охрана. Тебя здесь любят, и мы с твоим сыном тоже греемся в лучах этой любви.

— Лучше бы тебе ходить с охраной, Ольга. Переговоры прошли не так хорошо, как хотелось бы. Возможно, меня не так сильно любят за пределами города.

Ольга провела пальцем по длинному и широкому шраму, который рассекал его грудь. Бледная, грубая кожа, на которой не росли волосы, собиралась в паутину шрамов прямо над его сердцем.

— Они не видят тебя настоящего.

Леиф улыбнулся.

— Никто не видит меня так, как ты, любовь моя. Но они видят мои недостатки. В свое время как ярл я уделял слишком много внимания городу и... другим вопросам.

— Имеешь в виду, мне.

— Моей семье, — он наклонился и поцеловал голову Магни. — Тому, чему больше всего требовалось мое внимание. Но я владею не только городом, и, как видно, пренебрегаю теми, кто работает на полях, которые нас кормят. Сегодня мне напомнили об этом. Хорошо напомнили.

— «Хорошо»? — ей совсем не понравилось это слово, но в тот момент Магни выпустил грудь и начал хныкать, потеряв сосок.

Ольга сунула грудь ему в рот и повернулась так, чтобы мальчику было удобнее. Теперь она оказалась спиной к Леифу, и он вздохнул, когда их сын вернулся к трапезе.

Рука Леифа обняла ее, подхватив Магни под попку. Ольга почувствовала, как отвердевшая плоть мужа упирается ей в бедро, и улыбнулась.

Леиф никогда не показывал ей своего желания, пока она кормила, и Ольга не хотела бы этого, даже если бы ее тело уже было готово его принять, но она наслаждалась ощущением его желания. Кормления, подобные этому, в темные часы ночи, когда они лежали втроем в своей постели, были самыми счастливыми моментами ее жизни — жизни, которая теперь вся была наполнена счастливыми моментами.

Она думала обо всем, через что прошла, и понимала, что именно эти испытания и привели ее сюда, в эту жизнь, в этот дом, где были теперь ее ребенок и ее настоящая любовь. Она думала об этом и говорила себе, что мир сохранил равновесие.

Но ее беспокойство по поводу слов Леифа никуда не делось.

— «Хорошо»? — спросила она еще раз.

— Тсс, — он поцеловал ее голову. — Не беспокойся. Не было никакого насилия. Только гнев — а гнев я заслужил. Я внесу изменения в свои планы. Кажется, на меня повлиял Эйк... больше чем я думал.

Старый ярл Гетланда вел себя жестоко и иррационально. Ольга не верила, что Леиф похож на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Я и забыл, что солнце встает и садится не только в окнах этого зала. Думаю, мне нужна твоя помощь, любовь моя.

Она оглянулась на него через плечо.

— Как я могу тебе помочь?

Ее дни целительницы закончились. Гетландом занимались Бирте и Гида, и она должна была уделять все свое внимание Магни — и держаться подальше от больных. С момента рождения ребенка Ольга только и думала, что о болезнях и заразе.

— Ты у меня спокойная. Ты знаешь, как говорить с людьми, которыми владеют эмоции, даже когда тобой самой они владеют. Я думаю, твои целительные силы не только в знании трав, а еще в способности исцелять души. Наш народ тебя полюбит, Ольга. Ты — наше исцеление сердца.

— Возможно, когда-то я и была такой...

— И ты снова становишься такой. Разве ты не исцелила свое сердце?

— Ты сделал это. И он, — она подняла ручку Магни со своей груди.

— Нет, любовь моя. Ты выбрала меня и его. Но ты сама себя спасла.

~oOo~

Однажды вечером, вскоре после солнцестояния, когда солнце уже было на пути к той точке горизонта, за которой начнется зимний мрак, большой торговый корабль приблизился к берегу и бросил якорь.

Зал был тих, люди разошлись по домам, чтобы отдохнуть в своих кроватях. У Магни была сыпь на попке, он капризничал и плохо спал, поэтому Ольга и Леиф были в зале. Они носили мальчика на руках по очереди, и он немного успокаивался.

Стражник сообщил новость, и Леиф тут же передал Магни Ольге.

— Возвращайся в наши комнаты.

— Разве торговцы — это плохо? — обеспокоенно спросила она.

Торговые суда, прибывающие в Карлсу, были полны странных и чудесных товаров, но Вали тоже всегда был с ними настороже.

— Да, пока я не буду знать, что угрозы нет, — Леиф взял меч, пристегнул к спине и повесил топор в кольцо на поясе. — Возвращайся в комнату с Вифридом и закрой дверь.

Он махнул служанке, которую назвал, и толкнул всех троих к двери их покоев.

Вифрид заперла дверь, и Ольга начала расхаживать по комнате с Магни на руках, спрашивая себя, а не кончилось ли ее вновь обретенное счастье так скоро. Она прижала сына к груди так сильно, что он стал хныкать и сопротивляться, но не отпускала его. Сердце заколотилось, ей стало дурно.

Казалось, прошли годы, но потом под дверью появился свет и ласковый голос Леифа позвал ее:

— Ольга. Все хорошо.

Улыбаясь, Вифрид отперла дверь, и Ольга побежала к Леифу, испуганная даже больше, чем осознавала.

Он подхватил своего сына на руки.

— Я не знаю этого капитана, но знаю его помощника. Они пришли торговать, а не нарываться на неприятности. Сегодня они отдохнут, а утром придут на причал. Я отправил Ульва и еще нескольких человек сообщить об этом в деревню. Думаю, у нас будет несколько праздничных дней. Я пойму, если ты захочешь оставить Магни дома, но мне бы помогло, если бы тебя увидели в городе. Особенно рядом с фермерами.

Ольге очень понравились торговые суда в Карлсе — такие загадочные и экзотические, с таким количеством новых цветов, вкусов и запахов.

— Я оставлю Магни с Вифридом или кем-то еще и пойду с тобой. Я хотела бы посмотреть, что они привезли.

Леиф улыбнулся и приподнял лицо жены за подбородок.

— Может, шелк. Ты мне нравишься в шелковой одежде. И без нее.

~oOo~

Ольга и Леиф вместе бродили по рынку, раскинувшемуся в доках. Она не видела в фермерах гнева и обиды, о которых говорил Леиф не так давно. В эти дни, пока здесь были торговцы и повсюду слышался звон монет, воздух был полон веселья.

Фермеры привезли в город зерна и овощи, пастухи и мясник предлагали свежее мясо, кузнец трудился, чиня оружие, и кожевники и плотники работали не покладая рук. Все это было хорошо для Гетланда, и Ольга играла свою роль жены ярла, завязывая разговоры и делясь со всеми впечатлениями по поводу такого события.

Но ее не интересовали мясо и подковы. Ольга смотрела на бочки, ящики и огромные чаши, выставленные торговцами, полные великолепия и красоты, подобных которым нельзя было найти в их холодном, земном мире.

Леиф принес толстый мешочек, полный монет из блестящего серебра, золота и бронзы. Он торговался и с торговцем шелком, и с торговцем пряностями, и с несколькими другими поставщиками чудес, и Гулла, новая служанка, уже сгибалась под тяжестью корзины с покупками.

Он остановился у палатки темнокожего мужчины, который не показывал никаких товаров, но был обвешан драгоценностями. Когда Леиф поманил его легким взмахом руки, мужчина достал из кармана шелковый мешочек и открыл его так, что тот осел на его руках, как распустившийся цветок.

Мешочек был полон драгоценных камней, гладких и граненых, грубых и в оправках из драгоценного металла. Ольга разглядывала камни, а Леиф смотрел на нее. От красоты камней захватывало дух, но Леиф отбрасывал украшение за украшением, драгоценность за драгоценностью. Наконец, он вытащил из мешочка золотую цепочку.

Ярко-зеленая жемчужина, искусно ограненная и по форме напоминающая слезинку, свисала с нее.

— Вы хорошо выбирать, господин, — одобрил торговец. — Эта красота приплыть издалека. Он много путешествует. Его называют изумруд. Очень редкая.

Леиф приподнял подвеску, и солнечный свет затанцевал в гранях камня. Ольга невольно ахнула от восторга.

Улыбка торговца была масляной от ожидания.

— Такая красивая госпожа. Твоя госпожа должна носить драгоценная камень. Двадцать золотых за этот сокровище.

Ольга вздохнула. Это было слишком, слишком много для украшения.

Леиф повернулся к торговцу.

— Ни один камень не сравнится с красотой моей жены. Он не лучше, чем любой другой.

Он положил изумруд обратно в мешочек и взял ее руку, чтобы отвернуться.

— Нет, мой господин!

Леиф с едва заметной улыбкой обернулся:

— Десять золотых.

У нее снова перехватило дыхание. Так дорого!

Торговец нахмурился.

— Такая редкость, господин. Стоит гораздо больше, чем десять.

— Наверное, но не для меня, — Леиф снова собрался уйти.

— Двенадцать!

Леиф широко улыбнулся Ольге и открыл свой мешочек.

— Договорились.

Он заплатил торговцу и забрал украшение. И тут же надел цепочку Ольге ей на шею, так что изумрудная слеза легла как раз в ложбинку между грудей.

О, это было прекрасно. Ольга подняла камень так, чтобы сквозь него светило солнце. Как может что-то настолько чудесное принадлежать ей?

— Тебе идет, — сказал Леиф и поцеловал ее.

И пока он обнимал ее, рядом засмеялся мужчина — громкий смех того, кто умеет наслаждаться жизнью.

Она знала этот смех.

Она услышала его и оттолкнула Леифа, вертясь во все стороны в поисках его источника.

— Ольга?

Голос Леифа был полон замешательства и беспокойства. Ольга отмахнулась и снова прислушалась, пытаясь понять, откуда идет звук.

Смех раздался слева. Не обращая внимания на Леифа, она поспешила в этом направлении, пристально глядя на людей, мимо которых проходила, особенно на торговцев.

Ольга подошла к трапу торгового корабля и подняла глаза. На странном корабле стоял мужчина, облаченный в черные бриджи и белую рубашку со шнуровкой, одетый куда более вычурно, чем большинство людей, пришедших с этого корабля.

Это был человек, чей смех она так хорошо знала.

— Ольга! В чем дело?! — прогремел голос Леифа позади.

При звуке имени мужчина на корабле быстро повернулся и уставился прямо на нее.

— Оля?

Слезы наполнили ее глаза.

— Мика. Мика!

Когда она ступила на трап, Леиф схватил ее за руку.

— Ольга! погоди

Она безумно отдернула руку.

— Это мой брат! Это Михкель!

~oOo~

Она не могла перестать касаться его. Прошло так много лет с тех пор, как она в последний раз видела Мику, и она долго думала, что он мертв. Потерян. И вот он сидел здесь, в большом зале, в ее доме, держа на руках ее ребенка, своего племянника.

Ольга похлопала его по руке, по лицу, по ноге. Прислонилась к плечу. Казалось, Мика может превратиться в сон, если она перестанет его касаться. Сидя рядом со старшим братом, Ольга всецело и безоговорочно чувствовала, что ее мир, ее жизнь, наконец, восстановили равновесие. Ее прошлое больше не было потеряно для нее, будущее широко открыло двери, и в настоящем у нее было бесконечное счастье.

На трапе Михкель встретил ее и поднял на руки, и они обнимались, пока им стало нечем дышать. С тех пор она была с ним рядом.

Он стал другим. Старше, да, но старше в другом смысле. Лоб прорезали морщины, они же собрались в уголках глаз, а в темных волосах был намек на седину. Он носил короткую бороду, и на ней тоже были соленые брызги. Его кожа отливала бронзой. Все это, как догадалась Ольга, было из-за долгих дней, проведенных на море, на солнце.

Леиф молчал с момента воссоединения брата и сестры на трапе, но Ольга подумала, что это потому, что ему трудно говорить на их языке. Она говорила со своим братом на том языке, который они разделяли с детства — хоть им обоим он уже и давался не так легко.

— У тебя хороший, сильный ребенок, сестра. Я рад, что ты все-таки смогла.

Она была вдовой, когда они виделись в последний раз. И он знал о том, почему она потеряла первого ребенка.

— Да, он просто чудо, правда. Я благословлена.

Михкель бросил на нее любопытный взгляд, и Ольга поняла, что использовала слово языка Гетланда, чтобы передать то, что хотела сказать.

Идея «благословения» принадлежала этому миру, а не миру, в котором они родились. Она видела по взгляду брата, что он понял ее; он был просто удивлен тем, что она сказала именно так.

— У тебя есть вести о наших братьях? Об отце?

Она бросила взгляд на Леифа. Пока он был рядом, она не могла найти слов, чтобы рассказать Мике о смерти родных. Даже если Леиф уйдет, она все равно не сможет все рассказать так, чтобы Михкель не смотрел на ее мужа как на своего врага.

Леиф заметил взгляд и решил, что ей неудобно говорить при нем. Он поднялся.

— Я оставлю вас наедине, — сказал он на своем родном языке и, подойдя к столу, протянул руки за Магни. — Я уложу его спать, чтобы он отдохнул.

И вот Леиф ушел, и они остались одни, и Михкель повернулся к ней с улыбкой.

— Думаю, прошлой ночью, когда я был просто капитаном корабля торговцев, я ему понравился больше.

Ее муж ревновал, и она этого не понимала, но сейчас дело было не в этом.

— Он просто удивлен. Как и я, — Ольга ухватила за рубашку брата. — До сих пор не могу поверить своим глазам! Как ты здесь оказался? И ты — капитан этого большого корабля!

Михкель засмеялся.

— Не такой уж он и большой. Хороший и крепкий. Это мой второй корабль. Первый потопили пираты — которые не так уж отличаются от людей этих мест. Брать у других, чтобы разбогатеть. Я удивлен, что ты оказалась среди этих людей, Оля.

— Я счастлива. Леиф — хороший человек, хороший ярл. И стал мне хорошим мужем и отцом моему ребенку. Наша любовь очень сильна. А Гетланд — то место, которому я принадлежу. Но моя история... длинная и тяжелая.

Ее брат наполнил чашу медовухой.

— У меня есть время. Я хочу услышать твою историю, и я расскажу тебе свою. Но сначала мне нужны новости. Ты слышала о нашей семье?

Ольга вздохнула и приготовилась рассказать брату свою историю. Несмотря на то, что она не собиралась рассказывать о самом плохом и верила в то, что Леиф был прав, считая ее мастером слова, ей нужно подбирать слова очень осторожно. Иначе ее муж и ее брат станут врагами.

~oOo~

Некоторое время спустя Вифрид позвала ее кормить Магни. Михкель, который становился все тише и тише с каждым ее словом, ушел с объяснением — или оправданием — что у него есть работа на корабле. Пообещав ей, что они поговорят еще, он обнял ее, а затем ушел, и Ольга вернулась к сыну.

Леиф сидел, держа Магни у плеча, и мальчик радостно вертелся и дергал отца за волосы.

Ольга сняла верх хангерока и забрала сына.

— Ты злишься? — спросила она, кормя мальчика.

Глаза Леифа вспыхнули.

— Нет. Конечно, я не злюсь. Я счастлив, что твой брат вернулся к тебе. Я видел твою радость сегодня, и я счастлив и хочу для тебя только счастья.

Однако она услышала что-то другое в его голосе. Что-то грустное, о чем ему не хотелось говорить.

— Тогда в чем же дело?

Он подошел к ней и зацепил пальцами новую изумрудную подвеску.

— Я бы не хотел, чтобы он встал между нами.

— Как он может?

— Он знает обо всем, что произошло с тех пор, как вы виделись в последний раз?

Ольга поняла. Она тоже боялась. Но не думала, что и Леифу страшно.

— Он знает. Мы долго об этом говорили. Он опечален потерей братьев и отца. Но, Леиф, любовь моя, я не виню тебя сейчас, и я не винила тебя, пока рассказывала свою историю. Я не стала. Я думаю, что Мика разочаровался во мне, ведь я стала частью мира тех, кто грабил наши края. Но на тебя он не злится.

Леиф криво улыбнулся.

— Ему не нравится здесь?

— Думаю, ему очень понравились деньги Гетланда. Но он не делает большого различия между пиратами и налетчиками.

— Полагаю, мы не так уж и отличаемся от торговцев. Я бы сказал, что они ничем не отличаются от нас. Мы все хотим забрать как можно больше того, что есть у других.

Ольга подумала о налетчиках, которые ограбили прибрежную деревню. Они убивали молодых, старых и немощных так же легко, как сильных и способных. Насиловали женщин. Жгли, мародерствовали и носились по городу с улыбками на лицах. Леиф был среди них, хотя и не был похож на других.

Те, кто был теперь ее друзьями и самой большой любовью, напали на ее деревню и сделали ее рабыней. Но теперь они были ее народом, и она была счастлива здесь. Ольга постаралась принять, но не понять. Она смогла увидеть в этих людях не только монстров с изрисованными лицами, и понимала, что этот мир полон разных людей — как и любое другое место.

Но она не забыла страх, который испытывала, прячась в углу с юной Йоханной, или ужас загона, в котором налетчики держали женщин и девочек. Она помнила, каково это, когда тебя грабят и насилуют, и какими бы страшными ни были эти воспоминания, Ольга не хотела их отпускать.

Леиф ошибался, думая, что торговцы, которым покупатель отдавал деньги сам, одно и то же с налетчиками, которые приходили насиловать и отбирать у людей то, чего они не хотели отдавать.

Но сейчас было не время говорить такие вещи. Поэтому она улыбнулась мужу и сказала самые главные слова:

— Леиф, я люблю тебя. Мы — едины. Я рада, что мой брат здесь. Мне приятно знать, что он здоров, но он — не моя жизнь. Моя жизнь — это ты и Магни. Мы пришли в жизнь друг друга в моменты, полные страха и боли, и пережили самое худшее, и мы вместе. Михкель не может разделить нас. Ничто не может.

Глава 24

Через несколько дней команда Михкеля собрала весь непроданный товар и то, что они купили у жителей Гетланда, и приготовилась отправиться в следующий порт.

Леиф стоял на пирсе, в нескольких шагах от трапа, и ждал, пока Ольга прощалась с братом.

Двое мужчин держались друг с другом настороженно, но достаточно цивилизованно. Леиф, конечно, не был против, что Ольге выпал шанс воссоединиться с последним выжившим членом ее семьи, и Михкель был явно предан своей сестре. И все же присутствие Михкеля заставляло его чувствовать себя не в своей тарелке.

Его очевидное презрение к Леифу и его народу было одной из причин. Еще до того, как он узнал об их семейной связи, с ночи их первой встречи, Леиф почувствовал

отвращение Михкеля к его людям. Уже потом он узнал, что это его помощник, Антонис, настоял на том, чтобы заглянуть в эту часть мира.

Возможно, Михкель просто не нравился Леифу. Он не хотел, чтобы это чувство просочилось в сознание Ольги. Она была его женой, и это был ее мир, и она была счастлива здесь. Он не хотел, чтобы Михкель изменил ее видение мира.

Да, он ревновал.

А еще считал Михкеля лицемером. Ольга считала, что торговцы отличаются от налетчиков и пиратов тем, что им люди отдают монеты по своей воле и получают что-то взамен. Но она была наивна. И брат не разубеждал ее в этом. Леиф знал, что делали торговцы, такие как Михкель и люди на его корабле, чтобы получить бочки со специями и сундуки с драгоценностями.

На руках ее брата тоже была кровь. Леиф не осуждал его. Это был, как однажды сказала Ольга, ход вещей: сильные брали у слабых, слабые умирали. Сила брала верх и делала мир сильнее.

Михкель был сильным. Как и Леиф.

Он не осуждал, но и не считал, что заслуживает осуждения.

Леиф наблюдал, как брат и сестра обнимаются, как Ольга прижимается к брату, и от души пожелал тому поскорее уплыть. Наконец Михкель мягко отстранил ее. Ольга кивнула в ответ на его какие-то слова, поцеловала его в лоб и отошла.

Корабль был загружен. Ждали только своего капитана. Наконец Михкель взошел на трап, повернулся и встретился взглядом с Леифом. Тот посмотрел в ответ.

Двое мужчин, говорящих без слов.

Быстро кивнув Леифу и более не глядя на сестру, Михкель повернулся и побежал вверх по трапу.

Когда капитан уже был на борту своего судна, Леиф подошел к жене и обнял ее. Она обняла его в ответ, и они стояли там, пока корабль не исчез из виду.

~oOo~

Через два дня в Гетланд прибыл гораздо более желанный гость. Бренна приехала в город по земле, на повозке, и оказалась в зале прежде, чем кто-либо понял, что это Око Бога вернулась туда, где когда-то была унижена и едва не умерла — и где совершила свою месть.

Леиф и Ольга сидели на своих местах в зале, слушая жалобы и просьбы людей. Как и предсказывал Леиф, его люди быстро прониклись симпатией к его жене и теперь все чаще обращались за советом к ней. От него они хотели справедливости. А от Ольги — сострадания. Он считал это хорошим балансом.

Он чувствовал возбуждение, глядя, как она раздает людям советы. Она всегда смотрела на него, предлагая решение, ожидала его одобрения или отказа — и Леиф редко не соглашался. Он полностью доверял ее сердцу и разуму.

Иногда Ольга чувствовала, что знает недостаточно, чтобы дать совет, и тогда она отправляла просящего к ярлу. А потом, когда они оставались одни, она доставала мужа вопросами, чтобы понять, что надо было сделать.

В следующем году, когда Вали и Леиф отправятся в поход, Гетланд останется в умелых руках.

Ольга как раз разговаривала с женщиной, муж которой стал ей изменять, когда в задней части зала поднялся небольшой переполох. Леиф повернулся и увидел, что к ним с Сольвейг на руках и в окружении двух Дев-защитниц идет Бренна. Он был удивлен, увидев на ней хангерок. Бренна предпочитала более мужскую одежду, особенно для путешествий.

Она остановилась у подножия платформы, на которой стояли его и Ольгино кресло, и Леиф увидел, почему. Она была беременна. Бренна поставила Сольвейг рядом с собой, и девочка крепко встала на ножки.

Прошло четыре месяца с тех пор, как Вали с Леифом и Ольгой отплыли из Карлсы. Корабли ушли почти два месяца назад и должны были скоро вернуться, если поход прошел хорошо, и погода благоволила путникам. Леиф думал, что понимает желание Бренны воссоединиться со своим мужем, хотя он и был удивлен, что она решилась на такое путешествие в своем состоянии.

Ольга вскочила с кресла, и женщины заключили друг друга в крепкие объятия. Бренна была значительно выше маленькой жены Леифа, она наклонилась и прислонилась щекой к макушке Ольгиной головы. Ее глаза встретились с глазами Леифа. И они оба улыбнулись.

Он тоже спустился с кресла и обнял Бренну.

— Рад тебя видеть, мой друг. Мы ожидаем корабли со дня на день.

Она откинула голову и посмотрела на него.

— Хорошо. Но у меня другое дело к тебе.

Она снова взяла Сольвейг на руки.

— Что угодно. Пойдем, поговорим наедине, — он объявил об окончании дня и приказал вынести еды и меда для людей, а затем взял Бренну и Ольгу за руки и повел их в личные покои.

Когда они сели, и Ольга позвала Вифрид, чтобы она позаботилась о Сольвейг, Леиф спросил Бренну, что они могут сделать. Бренне тоже принесли еду, так что она сделала глоток козьего молока, прежде чем ответить.

— В Карлсе дела не очень, Леиф. Мы потеряли так много сильных людей во время чумы, а все остальные ушли в этот поход. Поход очень важен, ты это знаешь, я знаю это, но мы голодаем. Не хватает людей, чтобы работать на полях, и мы не сможем собрать хороший урожай, а наши запасы уже подошли к концу. Я не уверена, что даже поход принесет нам достаточно, чтобы всем хватило. И даже если так, мы не сможем есть золотые монеты.

Леиф наклонился и взял ее за руку.

— Что мы можем сделать?

— Если бы ты мог дать мне немного зерна и припасов, я бы привезла их домой. И... я не знаю, может, это глупо, но мое золото, которое я собирала, пока служила у Эйка, закопано рядом с моей маленькой хижинкой в лесу. Если только за это время его не украли. Там золото и серебро, и если оно там, я бы предложила его тебе в качестве оплаты за еду.

Это Вали убил Эйка, так что все владения старого ярла по праву принадлежали ему: и Гетланд, и Карлса, оба. Карлса была далеко на севере, небольшой городок и небольшие деревни вокруг. Гетланд был владением в четыре раза больше, с процветающим городом, куда часто приходили торговцы.

Вали не хотел становиться ярлом, но Бренна настояла, и он, наконец, решился сделать домом Карлсу. Он сам предложил Леифу Гетланд — город богаче и больше.

Так что Леиф покачал головой.

— Нет. Я не знаю, остался ли цел твой тайник, но если он цел, ты возьмешь его с собой домой, на телеге с зерном и припасами, которые мы тебе дадим. Тебе нужно только спросить, Бренна. Мои владения — дар, твой и Вали. Это я твой должник.

Облегчение заблестело в ее глазах.

— Спасибо. Это может нас спасти.

~oOo~

Крошечная хижина Бренны не очень хорошо перенесла годы запустения, но ее тайник была именно там, где она его оставила. Леиф дал ей двух юношей, чтобы раскопать его, и Бренна была довольна, когда нашла все в целости и сохранности. Она накопила много. Такое богатство должно было стать настоящим подспорьем для ее народа.

Бренна хотела бы дождаться Вали, но, не зная точно, когда вернутся налетчики, решила, что не станет тянуть. Ольга переживала по поводу поездки, но в Гетланде не хватало людей, которые могли бы управлять кораблем, а расстояние между их городами было слишком большим для маленького судна. На кораблях же ушли почти все мужчины.

И вот, уже готовая к отъезду, с загруженной доверху тележкой, Бренна неожиданно оказалась спасена от этого трудного пути, когда с пристани доложили о приближающихся кораблях.

Люди со всего города пришли на пирс, чтобы поприветствовать своих соседей. Леиф с Ольгой взяли с собой Магни, Бренна держала за руку Сольвейг.

Леиф увидел момент, когда Вали понял, что его жена и ребенок встречают его. Его друг спрыгнул с корабля, когда тот подошел к пирсу, и побежал навстречу жене и дочери — и замер, увидев состояние Бренны. Он упал на колени и поцеловал живот жены, а потом поднялся и обнял и Бренну, и Сольвейг.

Леиф смотрел на них, и в его сердце было тепло. Затем он повернулся и стал наблюдать, как его люди разгружают корабли. Четверо мужчин сбросили на пирс огромный сундук. Были и новые рабы — десять или около того. Леиф знал, что еще услышит об этом от жены.

И добыча все не кончалась.

Астрид подошла к нему с ухмылкой, какой Леиф никогда раньше не видел на ее лице. В руках она держала щит, который, казалось, был сделан из чистого золота.

Золото было ужасным выбором для щита — оно было мягким и тяжелым и практически не сдерживало силу удара — и даже самый глупый воин это знал, так что щит мог быть только церемониальным.

Леиф обнял Астрид, сердечно поприветствовав ее, затем приподнял бровь и попросил объяснить.

— Мы должны были отправиться вглубь страны, чтобы найти добычу, но когда мы высадились, король той земли предложил нам выкуп.

— Король, достаточно богатый, чтобы сделать бесполезный щит из золота?

— Он уже не такой богатый, — ухмыльнулся Вали. — Это был хороший поход, мой друг. На юге почти ничего не осталось, но мы забрали то, что осталось. А в следующем году поплывем в большой поход!

~oOo~

С возвращением налетчиков Бренна и Сольвейг смогли бы вернуться домой по морю. Леиф подарил им корабль, который уже не раз переходил туда и обратно между их городами. Трофеи, добытые в походе, и припасы, которыми поделился с ярлом Карлсы ярл Гетланда, должны были помочь Карлсе. Он надеялся. Вали были нужны корабли, если они собрались следующим летом в поход.

Вали обнял жену и, взяв на руки ребенка, рано покинул зал. Другие еще праздновали. Леиф пожелал всем удачного вечера и тоже ушел в свои покои.

Магни спал в новой качающейся колыбельке, которую Леиф сделал для него из дерева. Леиф отпустил Вифрид, и они с Ольгой разделись.

Они оба спали голыми в теплые месяцы. Он всегда спал голым, и Ольга стала делать то же самое, по крайней мере, не надевая верх, чтобы было удобнее кормить сына. А с тех пор, как ее кровь остановилась, она снова ложилась спать полностью обнаженной.

Ее маленькое тело было прекрасно. Ее бедра стали чуть больше, а грудь была заметно тяжелее, наполненная молоком для их сына. Живот у нее был не таким плоским, как раньше, и на боках осталось по паре красноватых линий. Для Леифа она стала еще прекраснее, чем была.

И ее волосы стекали по спине, прикрывая ягодицы, как темная шелковая накидка.

Леиф ценил прикосновение к ее обнаженной коже каждую ночь, но это была борьба, особенно в эти дни, с тех пор, как у нее перестала идти кровь. Он хотел ее. Ольга не была с ним с момента родов, и он сходил с ума от нужды.

Но их сын спал между ними ночью, а днем они оба были заняты своими обязанностями.

Вот почему Леиф сделал колыбель.

Ольга пошла забирать Магни из колыбели, чтобы уложить его в их постель, но Леиф схватил ее за руку и повернул к себе лицом.

— Погоди.

Его жена улыбнулась.

— Погоди?

— Да. Я хочу тебя. Ты мне нужна.

— *Jah?* Правда?

— Правда. Ты мне очень нужна.

Ее улыбка стала шире. Ольга подошла ближе, прижимаясь к нему всем телом.

— Я боялась, что ты больше не находишь меня желанной. Я не выгляжу так, как раньше.

— Ты выглядишь еще лучше. Твое тело стало таким, чтобы родить мне сына. Я вижу следы, которые он оставил, и я хочу тебя. Я вижу, как ты держишь его, кормишь, ухаживаешь за ним, и я едва могу себя сдерживать. Ты дала мне все, что мне нужно. Ты — все, что мне нужно. Когда я с тобой, мой дух спокоен, как и мое сердце. Я люблю тебя.

Леиф наклонился, запустил руки в ее чудесные волосы и поцеловал ее так страстно, как только мог. Когда Ольга обняла его за шею, он поднял ее и отнес к кровати.

Пока их идеальный сын спокойно спал в своей новой колыбели, Леиф показал своей жене, как сильно он ее хочет.

ЭПИЛОГ. ДУХ

КАК ЭТО ЕСТЬ

В один пасмурный день, когда солнце скрылось за щитом серых облаков, Ольга стояла на пирсе и смотрела, как корабль уносит ее друзей. Дважды за такой короткий промежуток времени ей дарили неожиданный подарок — время с любимыми людьми, и дважды ей снова приходилось прощаться с ними.

Она была рада приезду Бренны и Вали, но, стоя здесь, наблюдая за своими друзьями — и за малышкой Сольвейг, которая уже ходила и говорила — которые снова уплывали от нее прочь, всего через несколько дней после того, как точно так же уплыл от нее Михкель, она не могла не чувствовать грусти.

Леиф стоял рядом с ней, прижимая к груди их сына. Он положил руку Ольге на плечо и притянул ее к себе.

— Мы увидим их снова. И ты снова увидишь своего брата.

Казалось, он всегда знал, что она думает. Ольга прижалась головой к груди мужа и пощупала маленькую босую ногу Магни.

— Ему холодно. Надо унести его внутрь.

Она накрыла ножки сына легким шерстяным одеялом.

— Да, — сказал Леиф и пошевелился, чтобы устроить Магни поближе. — Еще одно лето кончается.

Она вздохнула.

— Зима здесь очень суровая.

— Не такая, как в Карлсе, обещаю, — он взял ее пальцами за подбородок. — Я буду тебя согревать. Может, заведем еще одного ребенка, пока будем согревать друг друга.

Блеск в его глазах сказал Ольге, что он ее дразнит.

— Это вряд ли, — она не понимала, как так вышло с Магни, но не ждала такой удачи снова. — Я не хочу, чтобы ты разочаровался во мне.

— Такого не может быть. У меня есть все, что мне нужно. Ты и наш сын. Вы оба — смысл моей жизни, — выражение его лица стало серьезным, а голубые глаза потемнели. — А ты, моя любовь? У тебя есть все, что нужно?

Ольга повернулась лицом к морю. Корабль повернул на север и почти исчез из поля зрения. Ее друзей больше не было рядом. Ее брата больше не было рядом. Но рядом с ней в Гетланде были Леиф и ее сын. Есть ли у нее все, что ей нужно?

Есть. Любовь Леифа была центром ее мира. Его крепкий дух и верное сердце дали ей смысл жизни. Она потеряла себя, когда перестала ему верить.

Их любовь к Магни тоже была центром ее мира. Их маленькая семья была ее домом, и она была здесь. Поэтому ей больше ничего не было нужно.

И у нее было гораздо больше. У нее был этот город и люди, которые приходили к ней со своими бедами и вопросами и доверяли ей. Она потеряла свое призвание как целительница, но нашла — сохранила — свое призвание помогать советом. Вести за собой.

У нее были друзья, близкие ей по духу. Вали и Бренна, Фрида и Дагмар, Яан и Георг. Пусть все они жили далеко от нее, но они всегда были рядом с ней в ее сердце, и Ольга знала, что и она тоже в их сердцах.

И у нее был Михкель. Она не знала, увидит ли его когда-нибудь снова, но, по крайней мере, знала, что он здоров, что у него была жизнь, которая ему нравилось. Он жил так, как хотел жить.

Она многое потеряла в своей жизни. Но получила больше, чем когда-либо мечтала.

Потери и приобретения. Темное и светлое. Боль и радость. Такова была жизнь. Таков был ход вещей. Мир сохранял равновесие.

Ольга улыбнулась своему золотому гиганту, держащему на руках их могучего сына.

— Да. У меня есть все, что нужно. Все, чего я хочу. Мое сердце получило свое исцеление.

Конец